ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ I.

СТИЛИСТИКА.

СОСТАВИЛЪ

В. КЛАССОВСКІЙ.

Nomine, non re obsoletum.

ИЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, № 18, 19 и 20.* МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, д. Рудакова.*

1866.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.

(Спб., Караванная, № 24).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предувѣдомленіе 1

ГЛАВА I. Переходъ отъ грамматики къ словесности. Значенія, виды и составныя части словесности. Методы при ея изложеніи 1

II. Сочиненіе и его составныя части 12

III. Слогъ, его виды и принадлежности 29

IV. Изобразительность описательная, или словесная живопись 57

V. Изобразительность ритмическая, словесная музыка, или спеціальное словесное (стихотворное) благозвучіе, предшествуемое матеріалами и условіями общаго благозвучія—евфонизмомъ и евриемизмомъ. 75

VI. Переходъ отъ стилистики къ теоріи поэзіи и прозы. Значенія и сущность поэзіи вообще. Разграниченіе прозы и поэзіи. 131

VII. Поясненія и пополненія 168

Алфавитный указатель. 207

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Если нынѣшнее *практическое* преподаваніе * словесности обязано сообщать ученикамъ извѣстныя положительныя знанія не-исключительно историко-литературныя и лингвистическія, то потребность въ учебникахъ **, вмѣщающихъ въ себѣ эти знанія, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію. А какъ пользоваться такого рода руководствами *примѣнительно* къ *методикѣ*, признанной въ данное время за *наилучшую* ***, это уже — дѣло ея выполнителей, спе-

---

* „Преподаваніе словесности“ въ смыслѣ *лекцій*, по *запискамъ* и т. д. покидается, къ счастію, въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; но, *какъ терминъ*, оно все-таки сохранится, потому что: 1) руководящіе класснымъ и внѣ-класснымъ чтеніемъ воспитанниковъ, изъ котораго берутся и матеріалы для письменныхъ работъ, и тѣ или другіе спеціально-литературные выводы, называются *преподавателями;* 2) они *преподаютъ* во всякомъ случаѣ (приводя напр. хоть то, что „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“—*эпическое* произведеніе поэзіи, а „Скупой рыцарь“ того же автора — *драматическое*), въ извѣстной мѣрѣ и формѣ, *словесность*, а не какую либо другую науку.

** Даже считая ихъ только *справочными книгами* для преподавателя.

*** Нынѣшніе методы преподаванія словесности охарактеризованы, отчасти, въ статьяхъ: *А. Д. Галахова* (см. Сѣверной Почты *№№* 223, 224, 225 за 1865 г.), — въ сочиненіи г. *Стоюнина* „О препод. русской

ціальное настолько, что ему едва ли нужно и можно задаваться прямыми цѣлями другаго, постоянно впрочемъ близкаго къ нему, дѣла — *разработки учебниковъ*, со стороны ихъ *содержанія*.

При такихъ соображеніяхъ и ограниченіяхъ, за отсутствіемъ, на русскомъ языкѣ, отдѣльнаго учебнаго пособія по предмету, который названъ въ заглавіи этой книги, можетъ быть и ея скромное появленіе не окажется совершенно безполезнымъ.

Вскорѣ послѣ нея выйдутъ, если не встрѣтится особенныхъ препятствій, составленныя мною 2-я и 3-я части «Основаній словесности», именно: (2-я часть) «Теорія классификацій и критики въ отношеніи къ произведеніямъ словесности» и (3-я часть) «Очеркъ исторіи русской литературы, до Гоголя включительно, — съ краткою параллельною христоматіею».

2 января 1866.

В. КЛАССОВСКІЙ.

литературы", 1864, — въ статьяхъ г. *Скопина*, помѣщенныхъ въ журналѣ „Учитель" (за 1863, 1864 и 1865 г.),—въ статьяхъ г. *Водовозова* въ „Педагог. сборникѣ, издав. при Главн. Управл. военно-учебныхъ заведен." за 1865 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переходъ отъ грамматики къ словесности. Значеніе, виды и составныя части словесности. Методы при ея изложеніи.

§ 1. Взявъ для примѣра—„пожаръ“, „домъ сосѣда сгорѣлъ“, и описаніе пожара, положимъ, въ „Дубровскомъ“ * Пушкина, находимъ, что „пожаръ“ есть отдѣльное слово, или реченіе, „домъ сосѣда сгорѣлъ“ — предложеніе, а названное описаніе пожара — небольшое *сочиненіе*, составляющее одну изъ частей бо́льшаго *сочиненія* „Дубровскій“.

Словами [1] и предложеніями занимается грамматика, а *сочиненіями словесность*.

Съ какихъ сторонъ, съ какими цѣлями занимается *словесность сочиненіями*, и что такое она сама, видно будетъ изъ объясненія слѣдующихъ ея трехъ значеній:

---

* Соч. Пушкина, по изд. Анненкова, т. V, стр 267, 8.

[1] Выноски арабскими цыфрами относятся къ *поясненіямъ* и *дополненіямъ*, помѣщеннымъ въ концѣ этой книги.

а) Названіе „словесности“ дается наукѣ, устанавливающей основы классификаціямъ [2] и критическому обсуживанію сочиненій, повозможности твердому, чуждому произвола. Отношенія здѣсь словесности къ *критикѣ* [3] тѣ же, что у законодательной инстанціи къ судебной *.

б) „Словесностію“, или „литературою“ называется возможно полная сумма сочиненій, устныхъ и письменныхъ, принадлежащихъ извѣстному языку, напр. словесность греческая, англійская, русская и др.

в) „Словесность“, или „литература“ принимается въ смыслѣ занятій составленіемъ сочиненій, переводовъ и т д. (напр. у Батюшкова: ** *„повѣсть* сія не кончена ... государственныя занятія отклоняли его отъ *словесности“*; у Пушкина: *** „во мнѣ возбудилась охота къ *литературѣ*... я упражнялся въ *переводахъ*, а иногда и въ *сочиненіи* стиховъ).

Примѣчаніе. Слово „литература“, равносильное „словесности“ въ двухъ послѣднихъ ея смыслахъ, имѣетъ, сверхъ того, иногда смыслъ, не принадлежащій „словесности“ ни въ одномъ

---

[3] Если извращаются эти отношенія, если напр критика берется создавать что-либо отъ своего собственнаго лица, не заботясь объ указаніяхъ словесности, то во всякомъ случаѣ подобный ходъ дѣлъ нельзя считать нормальнымъ. Онъ происходитъ отъ одной изъ двухъ слѣдующихъ причинъ, или отъ обѣихъ ихъ вмѣстѣ: если словесность (§ 1, *а*), въ данное время, не умѣетъ стать на *принадлежащее ей мѣсто*, или если критика имѣетъ въ виду преимущественно *нелитературныя* цѣли.

** Соч. Батюшкова. 1834 т. 1, стр. 109.

*** Т. 5, стр. 339.

изъ ея значеній, именно: „литературою“ иногда называется все, специально написанное о какомъ нибудь отдѣльномъ предметѣ. Напр можно сказать: „чтобы судить о современномъ состояніи какой-либо науки, нужно знать *ея* новѣйшую *литературу*“ *

Посвятившій себя составленію сочиненій и литературныхъ переводовъ, вслѣдствіе природнаго призванія къ этимъ занятіямъ, называется вообще *писателемъ*, *авторомъ*. Иногда эти слова считаются однозначащими (напр. „полное собраніе сочиненій русскихъ *авторовъ*“= „полн. собр. соч. русск. писателей“), иногда же различаются, именно: въ *авторствѣ* болѣе случайнаго, чѣмъ въ *писательствѣ*, напр. можно быть *авторомъ* одной какой нибудь статейки, изъ-за которой никто не назоветъ ея *автора писателемъ*. Слово „литераторъ“, примыкающее къ словамъ „писатель“ и „авторъ“, слабѣе ихъ обоихъ: *литераторами*, напр. можно назвать издателей журнала, въ которомъ они сами ничего не пишутъ, а только направляютъ и объединяютъ составляемое сотрудниками.

§ 2. Словесность, въ первомъ изъ трехъ своихъ значеній (§ 1, *а*), вмѣщаетъ въ себѣ *стилистику* [4], *теорію прозы* и *теорію поэзіи* [5], а изъ хронологически-послѣдовательнаго изложенія литературы, или словесности во второмъ (§ 1, *б*) ея значеніи, обнимающаго собою, кромѣ обсуживанія писателей и сочиненій, движеніе просвѣ-

---

* О значеніи, которое *можно было бы* дать „словесности“, въ противоположность „литературѣ“, см. *Миллера* Опытъ историч. обозрѣнія русск. словесности 1863, т. I, стр. 4, 5.

щенія * и постепенныя измѣненія языка, составляется *исторія литературы*, или *исторія словесности* **.

§ 3. Въ каждомъ изъ двухъ видовъ, т. е. и въ видѣ теоріи, и въ видѣ исторіи, существованіе словесности, какъ науки, *а*) *возможно*, *б*) *законно* и *в*) *необходимо*.

а) *Возможность* ея обезпечена *дѣйствительностью* ея содержанія и *удоборазрѣшимостью* ея задачъ (обсуживаются сочиненія, *дѣйствительно* существующія, и *опытъ* показываетъ *возможность* ихъ методическаго обсуживанія), въ противоположность наукамъ *мнимымъ* напр. астрологіи, имѣвшей содержаніе призрачное и невыполнимыя цѣли.

б) *Законность* словесности опирается на томъ, что послѣдняя имѣетъ *свое*, *отдѣльное* содержаніе, не оспариваемое у нея другими науками.

в) *Необходимою* нельзя не признать ея вслѣдствіе большой и, такъ сказать, ежедневной ея приложимости, ничѣмъ не замѣнимой. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не приходится формулировать болѣе или менѣе доказательно, хоть даже для самого себя, мнѣніе о прочитанной книгѣ или статьѣ, о видѣнной въ театрѣ пьесѣ и т. п.? А мнѣнія этого рода, если они не основаны на научномъ знакомствѣ съ словесностью, бываютъ большею частью такъ же узки, хотя и не такъ безошибочны, какъ

---

* Этою стороною исторія *литературы* примыкаетъ къ исторіи *цивилизаціи*. О разграниченіи ихъ см. *Стоюнина* „О преподав. русской литературы“. 1864, стр. 9—15.

** Ср. *Галахова* „Истор русск словесности“ 1863, т. I, §§ 1—9.

счетъ по пальцамъ, которымъ занужду перебиваются незнакомые съ ариѳметикою.

Что касается до пользы, преимущественно будто доставляемой *писателю* изученіемъ словесности, то польза эта, неоспоримая только въ предѣлахъ сейчасъ сказаннаго нами о методическомъ обсуживаніи читаемаго, слишкомъ преувеличивалась въ старинныхъ учебникахъ. Дѣло въ томъ, что а) никто еще не сдѣлался хорошимъ или изъ хорошаго лучшимъ писателемъ прямо отъ тѣхъ или другихъ курсовъ пройденной словесности, какъ напр. отъ медицинскихъ курсовъ становятся врачами; b) многія неподражаемо прекрасныя произведенія литературы возникли въ тѣ отдаленныя отъ насъ эпохи, когда еще никто и помышлять не могъ о *теоретическихъ* соображеніяхъ, проложившихъ путь къ словесности-наукѣ уже въ позднѣйшее время.

§ 4. По различію началъ, принимаемыхъ за преобладающую основу при обсуживаніи сочиненій, направленія въ словесности (§ 1, *а*) могутъ быть слѣдующія: *эмпирическое* [7], *эстетико-психологическое* и *историко-сравнительное*. При первомъ, т. е. эмпирическомъ обсуживаніе сочиненій ограничивается заявленіемъ непосредственнаго дѣйствія, производимаго чтеніемъ ихъ на чей бы то ни было личный вкусъ, которому здѣсь, слѣдовательно, предоставляются неограниченныя права. Понятно, что эмпирическая критика (§ 1, *а*), гдѣ она только можетъ состояться въ чистомъ видѣ, неразлучна съ произволомъ и равносильна отрицанію словесности-науки (§ 3, *а*, *б*, *в*). При второмъ изъ означенныхъ

направленій, авторитетъ личнаго вкуса ищетъ себѣ опоры въ указаніяхъ эстетики [8] и психологіи [9], такъ какъ науки эти занимаются изученіемъ, первая *красоты* вообще, вторая—*способностей человѣческаго духа*, а литературныя произведенія обязаны быть, съ одной стороны, болѣе или менѣе изящными [10], съ другой, въ нихъ выражается дѣятельность способностей человѣческаго духа — ума [19], воображенія [19] и т. д.

Въ распоряженіи словесности, спеціально обсуживающей сочиненія (§ 1, *а*), должны, конечно, находиться и впечатлительное своеобразіе личнаго вкуса съ его инстинктивною чуткостью, и средства къ повѣркамъ слѣдствій причинами, выраженій законами выражаемаго (т. е. сочиненій, понеобходимости стремящихся быть вѣрнымъ проявленіемъ, въ словесныхъ формахъ, чувствъ, мыслей, страстей и т. д.); тѣмъ не менѣе опытъ доказалъ, что для нея равно опасно ввѣряться и разнорѣчивому, шаткому эмпиризму, и искуственно успокоивающимъ отвлеченностямъ слишкомъ общихъ эстетико-психологическихъ теорій, приносимыхъ и уносимыхъ очередующимися философскими [18] системами Несравненно благонадежнѣе путь, на который словесность вступила въ послѣднее время, обыкновенно называемый *историко-сравнительнымъ*. Вотъ какими положеніями она руководствуется на немъ: *а*) всякое сколько нибудь замѣчательное произведеніе литературы, кромѣ того что оно имѣетъ извѣстное содержаніе и опредѣленную форму, есть, прежде всего, совершившійся фактъ, котораго или замѣченное существованіе, или по край-

ней мѣрѣ не безпричинное появленіе въ данную минуту достаточно оправдывается уже однимъ тѣмъ, что онъ *могъ состояться*,—и потому *b*) прежде нежели отнесутся къ нему одобрительно или неодобрительно чей бы то ни было личный вкусъ и какія бы то ни было требованія, эстетико-теоретическія, нраво-охранительныя и т. д., нужно указать его связь, *солидарную* и *преемственную* съ другими совершившимися фактами. Подъ *солидарностію* разсматриваемаго литературнаго явленія разумѣютъ большую или меньшую одинаковость въ немъ направленія или формъ съ направленіями или формами другихъ явленій, родственныхъ съ нимъ, а *преемственность* вообще заключается въ переходѣ извѣстныхъ свойствъ отъ предшествовавшаго къ послѣдующему.

Желая разсмотрѣть по способу историко-сравнительному, положимъ, какое-либо произведеніе Жуковскаго, нужно, 1) ознакомясь съ нимъ эмпирически и пріурочивъ его къ надлежащему мѣсту, т. е. прочитавъ его и отнеся къ одному изъ видовъ одного изъ родовъ по классификаціи [2], имѣющей извѣстное основаніе, отыскать 2), съ кѣмъ, въ данномъ случаѣ, солидаренъ этотъ писатель (окажется, что съ Карамзинымъ въ повѣсти „Марьина роща“, съ Шиллеромъ, Греемъ, Бюргеромъ, Гебелемъ и др. въ наибольшей части стихотвореній), 3) въ какія отношенія преемственности поставлены школы, къ которымъ принадлежали Карамзинъ, Шиллеръ и т. д. 4) Послѣ этого данное сочиненіе Жуковскаго разсматривается: а) по вліянію на автора окружавшей его среды,

умственной, нравственной и общественной, б) по связи съ личными воззрѣніями автора на столько-то самостоятельными и т. д. 5) Въ заключеніе, къ нему (къ разбираемому сочиненію Жуковскаго) примѣняются *съ необходимыми ограниченіями* и *измѣненіями* результаты, средства и пріемы, которые выработала общая, европейская словесность-критика въ отношеніи къ Шиллеру, Гебелю и т. д (съ которыми солидаренъ, положимъ, въ данномъ сочиненіи Жуковскій) *.

Отсюда видно, что *историко-сравнительный* методъ словесности есть, можно сказать, во всѣхъ направленіяхъ сравнительный; именно: 1) *въ ширину* (отыскивая однородное въ нѣсколькихъ литературахъ заразъ, сравниваемыхъ между собою), 2) *въ длину* (сравнивая послѣдующее съ предыдущимъ), 3) *отъ окружности къ центру* (со стороны внѣшнихъ вліяній) и 4) *отъ центра къ окружности* (со стороны авторской иниціативы).

Чтобы достигнуть перваго, необходимо выбрать нѣсколько литературъ [11], руководствуясь, при выборѣ ихъ и при назначеніи ихъ числа, результатами ихъ дѣйствительнаго, непосредственнаго вліянія одной на другую. Въ удовлетвореніе втораго, т. е. для того чтобы слѣдить за преемственною связью (во времени) между

---

* Приложенію и объясненію этихъ пріемовъ, въ достаточно-частыхъ и разнообразныхъ случаяхъ, мѣсто — въ *теоріи поэзіи и прозы*. Опытъ учебника подъ такимъ заглавіемъ, обусловленнаго указываемою здѣсь точкою зрѣнія, составленъ и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, будетъ напечатанъ вслѣдъ за этою „Стилистикою“.

словесными произведеніями, общій ходъ избранныхъ литературъ дѣлится на *періоды* [12]. Для достиженія, наконецъ, третьяго и четвертаго, необходимо имѣть и достаточное число вѣрныхъ матеріаловъ къ изученію автора съ его средою, и достаточную установленность въ мысляхъ, чтобы при этомъ изученіи не увлекаться предвзятыми теоріями и не приспособлять изслѣдованій къ напередъ заготовленнымъ выводамъ.

Ясно, что такимъ образомъ понимаемая словесность а) идетъ рука объ руку съ живыми интересами общества, проникаясь ими и проникая въ нихъ какъ въ среду всегдашней, вполнѣ благонадежной повѣрки основъ, устанавливаемыхъ для критики (§ 1, *а*); b) она есть одна изъ *высшихъ* [6] наукъ, т. е. такихъ, которыхъ изученіе неразлучно съ пріобрѣтеніемъ разныхъ другихъ знаній, *уже усвоенныхъ* учащимся, съ извѣстною умственною развитостью и зрѣлостью, безъ которыхъ нельзя судить о жизни и интересахъ общества и т. д.

Здѣсь намъ предстоитъ отвѣтить на вопросъ, естественно представляющійся—какъ поступать словесности и направляемой ею критикѣ съ такими сочиненіями, которыя не связаны преемственностью съ прошлымъ и ни съ чѣмъ не солидарны въ настоящемъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить:

1) Существованіе явленій, представляющихся совершенно не зависящими отъ прошедшаго и настоящаго, оказывается, если производить надъ ними опыты съ надлежащими предосторожностями, столько же недоказан-

нымъ въ литературномъ мірѣ, какъ самозарождающіеся организмы въ физической природѣ.

2) Если встрѣчается сочиненіе, которое, не будучи безусловно независимымъ отъ прошлаго и настоящаго, не подходитъ однако же ни подъ какіе масштабы, испробованные словесностію до встрѣчи съ нимъ, то при этомъ могутъ быть два случая: данное сочиненіе или *ниже* или *выше* * критики, выработанной современною ему словесностію. Въ первомъ случаѣ она вправѣ не обращать на него вниманія, подобно тому, какъ серьозные взрослые люди оставляютъ безъ вниманія игрушки дѣтей, играющихъ для того, чтобы не было скучно ничего не дѣлать. Во второмъ случаѣ словесность должна, преклонясь передъ явленіемъ, превосходящимъ ея уровень, стараться, такъ сказать, дорости до его пониманія и оцѣнки, тѣмъ болѣе, что это ей понадобится для оцѣнки тѣхъ предстоящихъ сочиненій, которыя, родившись отъ его творческой силы, долго, *подъ именемъ его школы*, будутъ носить на себѣ его отличительныя черты.

Примѣчаніе 1. Изъ указанныхъ нами сейчасъ отношеній словесности къ *жизни*, т. е. къ живымъ интересамъ общества, какъ

---

* А *какъ* узнать, когда оно *выше* и когда *ниже* разсматривающей его словесности-критики? На этотъ вопросъ мы приведемъ два sine quibus non, именно. 1) здѣсь необходима большая, многосторонняя начитанность, 2) необходимы искренность и безпристрастіе, отъ которыхъ происходитъ всегдашняя готовность предпочитать интересы истины всякимъ другимъ интересамъ. Разумѣется, это нелегко, не можетъ обходиться безъ томительныхъ колебаній и безъ ошибокъ, свойственныхъ всему человѣческому

бы отрѣзывающихъ ее отъ мирной области искусства, чтобы низринуть въ треволненія текущей минуты, можно было бы извлечь матер.алы къ обвиненію нашего взгляда въ *узкомъ реализмѣ*. Подобное обвиненіе было бы однако же несправедливо. Дѣло въ томъ, что художественность, во всякомъ случаѣ служащая сильнымъ двигателемъ словесности, основана на *прирожденной* человѣку *потребности* въ изящномъ, которая, какъ и всякая другая потребность, обусловлена присутствіемъ соотвѣтствующаго ей *инстинкта* въ человѣческой природѣ. Въ жизни, слѣдовательно, этой единственной средѣ обнаруженій всего дѣйствительнаго, наблюдателю невозможно просмотрѣть правъ изящнаго, *неразлучнаго съ природными потребностями человѣка*. Другими словами: устремляясь въ жизнь, словесность не уходитъ отъ міра искусствъ, а идетъ на встрѣчу его существеннымъ и естественнымъ проявленіямъ Разница тутъ противъ прежняго та, что словесность, не отвергая эстетики, какъ науки, предпочитаетъ теперь, гдѣ можно и должно, для развитія и воспитанія своихъ взглядовъ, такъ сказать, живыя; хотя и обыкновенныя растенія мѣстной флоры сохраненнымъ отборнымъ экземплярамъ экзотическихъ растеній, высушенныхъ и подкрашенныхъ разными теор.ямъ и (см *выноску* на стр 8).

Примѣчаніе 2 Съ трудностію и неудобствами занимать учениковъ, во всякомъ случаѣ еще слишкомъ молодыхъ, „живыми интересами общества“, названными (въ § 4) средою словесности, мы сопоставили бы (если бы эти обстоятельства выставлены были какъ возраженія противъ нашего пониманія словесности) *немень-шія* трудности и неудобства разсуждать съ дѣтьми о политикѣ и государственныхъ дѣлахъ при преподаваніи имъ исторіи, которое, разумѣется, *никакъ не можетъ обойтись* совсѣмъ безъ сужденій о государственныхъ дѣлахъ, о формахъ общественнаго устройства, политикѣ, дипломатіи и т. д. А между тѣмъ это не мѣшаетъ преподавать исторію весьма юнымъ ученикамъ. Очевидно, тутъ нужны мѣра и умѣнье. Но гдѣ же они ненужны?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сочиненіе и его составныя части.

§ 5. Становящееся для насъ здѣсь, какъ видно изъ частаго его употребленія, техническимъ словомъ „сочиненіе“, едва ли не всякому понятно и безъ объясненій, изъ обыкновеннаго разговорнаго языка. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтить даже ребенка, который, прочитавъ напр. „Казачью колыбельную пѣсню“, не понялъ бы, когда ему скажутъ, что ее *сочинилъ* „Лермонтовъ“, или, что она *сочиненіе* Лермонтова.

Какъ же опредѣлить, однако, „сочиненіе“?

Чтобы найти данныя къ разрѣшенію этого вопроса, прочтемъ навыдержку какое нибудь *сочиненіе*, хоть напр. Крылова „Квартетъ“. Къ чему привело насъ это чтеніе? Вотъ къ чему: изъ прочитаннаго мы узнали, что́ авторъ *думаетъ* (предполагаетъ или знаетъ) о *попыткѣ* четырехъ звѣрей *разыграть* музыкальную піесу, не удавшейся имъ, разумѣется, не потому, что они „не такъ сидѣли“, а потому, что, какъ справедливо объявилъ имъ соловей, они *ничего не смыслятъ въ музыкѣ*.

Выбравъ существенныя черты въ отмѣченномъ здѣсь нами, и давъ имъ наиболѣе общую форму выраженія, получимъ опредѣленіе: *сочиненіе есть послѣдовательное изложеніе мыслей автора о предметѣ, истинномъ или вымышленномъ, въ предѣлахъ, которые укажутъ этому изложенію сущность самаго предмета и намѣреніе автора.* Здѣсь

нѣтъ ни одного слова лишняго. Провѣримъ: въ „Квартетѣ“ авторъ *послѣдовательно* (т. е. не забѣгая впередъ, не возвращаясь безъ нужды назадъ, не бросаясь въ стороны) *излагаетъ* (слово это самое общее, вмѣсто болѣе ограниченныхъ—разсказывать, описывать, разсуждать) свои *мысли* (что оселъ, козелъ, медвѣдь и мартышка дѣлаютъ глупость) и *свѣдѣнія* (на счетъ неудачи затѣяннаго квартета) объ избранномъ *предметѣ* (о попыткѣ звѣрей-неучей), давъ изложенію своихъ мыслей и свѣдѣній такой объемъ (необширный) или, что все равно, такіе предѣлы, какіе приличны разсказу о *вымышленномъ* происшествіи, о которомъ некстати было бы слишкомъ распространяться, такъ-какъ главное тутъ не разсказъ о чемъ нибудь сложномъ, а насмѣшка надъ принимающимися не за свое дѣло.

Примѣняя употребленный здѣсь пріемъ разсматриванія къ какому угодно сочиненію, мы увидимъ всякій разъ одно и то же, именно, — что сочиненіе вообще, о чемъ бы въ немъ ни шла рѣчь, есть *изложеніе мыслей и свѣдѣній о предметѣ, объемомъ своимъ соотвѣтствующее этому предмету и намѣреніямъ автора, дающее въ заключеніе тотъ или другой выводъ.*

§ 6. Изъ предыдущаго § видно, что въ сочиненіи непремѣнно должны находиться: 1) *предметъ*, какъ вызыватель свѣдѣній и возбудитель мыслей, 2) *изложеніе* мыслей и свѣдѣній о предметѣ, и 3) *выводъ* изъ всего изложеннаго. Это и быть иначе не можетъ, потому что *а*) думать можно только *о чемъ нибудь* и знать только *что нибудь*, т. е. нельзя ни мыслить въ данную минуту

безъ *предмета* для мысли, ни знать чего-то такого, что вмѣстѣ съ тѣмъ было бы ничто; *b*) единственный путь къ передачѣ мыслей и свѣдѣній посредствомъ *сочиненія* есть *изложеніе* ихъ; *c*) изложеніе чьихъ бы то ни было мыслей и какихъ бы то ни было свѣдѣній, для читателя, умственно развитаго надлежащимъ образомъ, интереснымъ сдѣлаться можетъ лишь настолько, насколько оно способно привести его, если не тотчасъ же, то впослѣдствіи, къ тѣмъ или другимъ *выводамъ:* внѣ такого соображенія *чтеніе* совершается лишь съ цѣлью чичиковскаго Петрушки * или, что ничуть не лучше, для того, чтобы, какъ говорится, „убить время".

Предметъ, въ отношеніи къ сочиненію, его развивающему и излагающему, называется обыкновенно *темою* Напр. *тема* „Квартета" Крылова—попытка не знающихъ музыки разыграть музыкальную піесу; *тема* „Тараса Бульбы" Гоголя—изобразить въ лицахъ нравы и бытъ запорожцевъ конца XVI вѣка; *тема* въ разсказѣ Тургенева „Бурмистръ" (см. Записки охотника) безжалостный къ крестьянамъ своимъ помѣщикъ и бездушный эгоистъ, виднѣющійся изъ подъ англомана и т. д.

Изложеніе образуется изъ соединенія *предложеній*, связно одно за другимъ слѣдующихъ, приспособленныхъ числомъ своимъ и видомъ къ предпринятому авторомъ выраженію мыслей и свѣдѣній

Полная сумма мыслей или свѣдѣній, относящихся

---

* Мертвыя души, т. I, гл. 2, стр. 28, 9 (по изд. 1855 г.).

къ предмету, который послужилъ темою для составляемаго сочиненія, называется *содержаніемъ* послѣдняго.

Выводъ изъ свѣдѣній и мыслей, которыя изложены въ сочиненіи, не всегда одинаково ясный, но всегда для него обязательный, иначе называемый *главною мыслію* сочиненія, есть окончательное обнаруженіе болѣе или менѣе разумной цѣли, для которой сочиненіе появилось.

Изъ близости взаимныхъ отношеній между *темою*, *изложеніемъ* и *главною мыслію* въ сочиненіи достаточно видна неразрывность ихъ общей связи. Близость *темы* къ *главной мысли* иногда доходитъ до того, что онѣ сливаются вмѣстѣ, напр. въ сочиненіяхъ: Карамзина „Нѣжность дружбы въ низкомъ состояніи“, Лермонтова „Казачья колыбельная пѣсня“ (изображеніе привлекательности и опасностей боевой казачьей жизни, рисующейся въ воображеніи матери-казачки), Тургенева „Призраки“ (прощаніе автора съ творческимъ своимъ вдохновеніемъ, которое въ послѣдній разъ съ особенною яркостью выказываетъ всю глубину и чарующее разнообразіе своей производительности и т. д.). Но вообще *тема* и *главная мысль въ сочиненіи* не одно и то же, какъ видно даже изъ того, что сочиненія, написанныя на *одну* и ту же тему, ведутъ нерѣдко къ различнымъ выводамъ, т. е. выражаютъ *неодинаковыя главныя мысли*. И это не происходитъ только отъ того, что на данную тему можно смотрѣть съ *разныхъ* точекъ зрѣнія. Напр. на тему о неизбѣжности *смерти*, разсматриваемой только съ *одной* точки зрѣнія, т. е. какъ прекращеніе видимаго существованія, могутъ быть написаны по крайней мѣрѣ *три*

сочиненія съ *тремя* главными мыслями: 1) такъ-какъ смерть неизбѣжна, то нужно, поменьше о ней думая, побольше наслаждаться жизнію; 2) такъ-какъ смерть неизбѣжна, то одна мысль объ этомъ повергаетъ человѣка въ пожизненный ужасъ, дѣлающій невозможнымъ всякое истинное наслажденіе; 3) неизбѣжность смерти есть величайшее благо, какъ дверь въ жизнь безсмертную, гарантируемую религіею, такою-то философскою системою и т. д. *.

На вопросы „о чемъ вы читали“? и „что вы вычитали“? надобно отвѣчать—на первый *темою*, а на второй *главною мыслію* прочитаннаго.

§ 7. *Главная мысль* (§ 6), вытекающая изъ объединеннаго состава высказавшихся мыслей и свѣдѣній, бываетъ двоякая: а) *субъективная* **, т. е. порождаемая личною мыслительностію автора, свойственная сочиненіямъ по преимуществу, и б) *объективная*, возникающая, въ видѣ заключительныхъ выводовъ, изъ свойствъ предмета, послужившаго темою въ данномъ случаѣ. Умственно-словесныя произведенія съ чисто объективными *главными мыслями* не называются собственно „сочиненіями“: ***

---

* Ср. любопытную противоположность выводовъ изъ одной и той же темы въ двухъ сочиненіяхъ: „Собраніе сочиненій и писемъ святогорца къ друзьямъ о св. горѣ Аѳонской“, нов. изд. 1865, и „Аѳонъ“, Благовѣщенскаго, 1863.

** Подраздѣленія самой субъективности, по степенямъ ея участія въ сочиненіяхъ, относятся къ теоріи поэзіи (именно къ тому ея отдѣлу, гдѣ разграничиваются эпосъ, лирика и драма), и здѣсь, т. е. въ стилистикѣ, были бы неумѣстны.

*** Собственно, для обозначенія такихъ произведеній мы не имѣемъ названія, въ родѣ франц. oeuvres, ouvrage, нѣмецк. Werke, латинск.

нельзя (т. е. не слѣдовало бы) говорить, напр. академикъ Ленцъ *сочинилъ* „Руководство къ физикѣ“, употребляемое въ гимназіяхъ, или „историческая грамматика нѣмецкаго языка“ есть *сочиненіе* Гримма. Въ области наукъ, вообще стремящихся *не сочинять*, а воспроизводить, въ мышленіи, природу съ ея законами и фактами, иниціатива авторства ограничивается наблюденіями, опытами, сличеніями ихъ, выводами изъ нихъ и т. д.,—и, разумѣется, изложеніе изслѣдованій такого рода не подлежатъ разсматриванію въ словесности. Послѣдняя занимается классификаціями и обсуживаніемъ (§ 1) только такихъ словесныхъ произведеній, въ которыхъ преобладаютъ или по крайней мѣрѣ законно присутствуютъ субъективныя *главныя мысли* (§ 7).

§ 8. Отъ *темы* (§ 6) требуется, чтобы она была *занимательна*, по той простой причинѣ, что *незаинтересованный* читатель, добровольный и сознательный, *немыслимъ;* а заинтересовывается всякій, по крайней мѣрѣ передъ началомъ чтенія, преимущественно *темами*, ко-

---

opera и т. д. А между тѣмъ какъ-то странно видѣть иногда рядъ математическихъ учебниковъ, озаглавленныхъ—*сочиненія* такого-то. Удобнѣе всѣхъ другихъ, кажется, словъ въ подобныхъ случаяхъ было бы „произведеніе“, имѣющее всесторонній смыслъ, и напрасно, слѣдовательно, не предпочитаемое, въ заглавіяхъ, слову болѣе ограниченнаго объема—*сочиненіе*. Конечно, и *сочинить*, по смыслу своихъ корней (*сѣ, чинъ = порядокъ*), должно было бы значить *соединить* мысли и факты въ извѣстный *порядокъ;* но въ нынѣшнемъ нашемъ языкѣ никто не даетъ этому слову такого смысла, и *сочинить* теперь равносильно словамъ *выдумать, создать фантазіею*

торыя поэтому нерѣдко заявляются уже въ самыхъ заглавіяхъ. Какими же свойствами долженъ обладать предметъ сочиненія, чтобы заинтересовывать собою? Обратившись съ такимъ вопросомъ, для опыта, къ нѣсколькимъ лицамъ, различнымъ по возрасту и образованію, получимъ, конечно, отъ каждаго изъ нихъ особенный отвѣтъ, несходный съ отвѣтами другихъ. Съ перваго взгляда, такое разнорѣчіе заставитъ, можетъ быть, усомниться даже въ разрѣшимости нашего вопроса и, что гораздо еще важнѣе въ практическомъ отношеніи, оно способно, повидимому, преградить писателямъ путь къ пониманію требованій, которымъ они же обязаны удовлетворять. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, понять то, въ объясненіи чего слышно только разнорѣчіе?

Различіе, однако же, мнѣній по вопросу о *занимательности*, если всмотрѣться въ него пристальнѣе, оказалось бы не стѣсненіемъ для выбирающихъ себѣ *темы*, а, напротивъ, оно то и доставляло бы имъ широкую возможность во всякомъ случаѣ угодить, сдѣланнымъ выборомъ, не тому, такъ другому читателю Но самое различіе это не глубоко: стоитъ только въ высказывающихся мнѣніяхъ отдѣлять существенное отъ случайнаго и поправлять сбивчиво или неопредѣленно выражаемое. Кто бы чего ни требовалъ отъ *занимательности*, въ требованіяхъ его будутъ весьма немногіе элементы, именно: *новизна*, *искренность* и *приложимость къ дѣлу*.

Значеніе „*искренности*“ и „*приложимости къ дѣлу*“ понятно безъ поясненій. Но мы остановимся на важнѣйшемъ изъ элементовъ занимательности — *новизнѣ*. *Тома*,

не обѣщающая ничего *новаго*, съ трудомъ обратитъ на себя чье-либо вниманіе; а между тѣмъ, гдѣ взять столько *новаго*, сколько его требуется для надѣла имъ всѣхъ выходящихъ и долженствующихъ еще появиться сочиненій? Вѣдь давно ужь еврейскій мыслитель сказалъ, что новаго нѣтъ подъ солнцемъ, и это выдержало пробу двадцати восьми столѣтій. За исключеніемъ отвлеченныхъ научныхъ открытій и матеріальныхъ изобрѣтеній, большею частью только улучшенныхъ видоизмѣненій стараго, въ самой близкой къ намъ сферѣ человѣческаго духа, снабжающей темами сочиненія въ собственномъ смыслѣ (§ 7), *безусловно-новое* встрѣчается рѣдко. Но если совсѣмъ или почти нѣтъ безусловно-новаго, зато *условно-новое* *, *относительно-оригинальное* ** неистощимо. 1) Все забываемое (а многое ли не забывается?) легко и часто возвращается на свѣтъ подъ новыми именами и формами. 2) Опытъ и критическія знанія расходятся съ вѣрою въ могущество и обилие новизны, самозарождающейся, по этой вѣрѣ, въ новыхъ поколѣніяхъ; но, съ другой стороны, чѣмъ кто опытнѣе и ученѣе, тѣмъ способнѣе онъ отыскивать „новое“ въ архивахъ „стараго“, провѣряя и исправляя прежнія рѣшенія, дѣлая новыя

---

* Какъ парадоксъ, разумѣется, не доведенный до нелѣпости, интереснѣе самой вѣрной, но избитой истины, такъ всякая искренняя, не напускная оригинальность мысли имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ мысль, въ которой нѣтъ ничего своеобразнаго и неожиданнаго для читателей

** Ergo... novorum optima erunt maxime vetera, какъ говоритъ Квинтиліанъ.

сближенія между мнимо-устарѣлыми истинами, и чрезъ то служа великому дѣлу многосторонности и основательности въ изслѣдованіяхъ. 3) Измѣненія въ размѣщеніи слагаемыхъ предмета влекутъ за собою нерѣдко перемѣны, изъ-за которыхъ онъ кажется всякій разъ новымъ. Этимъ объясняется не только игрушечное разнообразіе калейдоскопа, но и явленіе, истинно изумительное, которому мы не удивляемся только по привычкѣ къ нему, именно: изъ однѣхъ и тѣхъ же частей (глазъ, носа, щекъ и т. д.), неуловимо различно расположенныхъ, образуется безпредѣльная сумма человѣческихъ физіономій, вѣчно новыхъ, *никогда* не походящихъ точь въ точь одна на другую! Конечно, работамъ человѣка не угнаться за этимъ *творчествомъ* изъ первыхъ, такъ сказать, рукъ, выдѣлывающимъ все изъ ничего; но и человѣку предоставлено воспроизводить его, по крайней мѣрѣ отчасти. 4) Поводомъ къ новизнѣ можетъ служить еще то, что одна и та же книга, читаемая нами въ разные возрасты жизни и умственно-нравственной нашей развитости, представляется намъ неодинаковою. 5) Есть, наконецъ, еще источникъ новизны, обыкновенно мало замѣчаемый: это—совершенное превращеніе усвоеннаго нѣкогда *памятью* въ собственность нашего *сознанія*. Объяснимся примѣромъ. положимъ, еще изъ прописи, списываемой нетвердою дѣтскою рукою, N когда-то узналъ, что „все на свѣтѣ суета“, десятки лѣтъ эта истина, такъ сказать, механически пролежала въ его умѣ, чужедомная и непроизводительная вдругъ, однимъ изъ приращеній его личнаго опыта, дорого купленнымъ, мысль его такъ настроилась, что изъ *нея самостоятельно*

могло уже выработаться убѣжденіе въ суетности всего. Разумѣется, это будетъ *новая* для N *мысль*, со всѣми чертами и послѣдствіями новаго, несмотря на ея извѣстность милліонамъ людей, и несмотря на то, что онъ самъ еще недавно считалъ ее не только старою, но и до-негодности устарѣлою....

Впрочемъ, все сказанное здѣсь было бы неполнымъ, если бы мы не заключили его слѣдующимъ замѣчаніемъ: удачная, талантливо-оригинальная *разработка темъ*, большею частью, *важныье* ихъ *выбора:* потому-то у многихъ читателей укоренился обычай, не всегда впрочемъ для нихъ безнаказанный, при встрѣчѣ съ новымъ сочиненіемъ обращать вниманіе болѣе на имена извѣстныхъ съ хорошей стороны авторовъ, чѣмъ на предметы ихъ сочиненій.

§ 9. Автору предоставляется направлять, куда ему угодно, *главную мысль* (§ 7) своего сочиненія; но и правб читателей соглашаться съ нею или не соглашаться ничѣмъ не ограничено. Обсуживанію читателей, сверхъ того, подлежитъ *способъ* ея развитія авторомъ. Вотъ важнѣйшія исходныя точки этого обсуживанія *:

а) Читатели собственно словесныхъ произведеній (т. е. не относящихся прямо, такъ сказать, къ законодательнымъ областямъ религіи, науки и т. д.), за немногими исключеніями, вообще расположены видѣть въ авторѣ

---

* Здѣсь, т. е. въ стилистикѣ, разсматриваются принадлежности, обязательныя *для всякаго сочиненія вообще,* частныя же разсужденія о требованіяхъ отъ романа, драмы и т. д. относятся не къ стилистикѣ, а къ теоріи прозы и къ теоріи поэзіи.

не наставника своего, а талантливаго и свѣдущаго собесѣдника. Поэтому имъ непріятна всякая со стороны автора *внушительность*. Особенно вредитъ себѣ *главная мысль* сочиненія, когда она высказывается *раздражительно* или *высокомѣрно*. Читатели, кто бы они ни были, инстинктивно или по собственному опыту чувствуютъ, что разумная сила должна быть самообладательна, спокойна, ненавязчива, что раздражаемся мы большею частью тамъ, гдѣ мы сами неправы, и что чѣмъ высокомѣрнѣе ведетъ себя человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ упоенъ собою, а упоеніе собою свойственно чаще всего людямъ ограниченнымъ. Вообще, говорить какъ „имѣющіе власть“ и ничѣмъ не оправдывать своихъ домогательствъ власти надъ умами, кромѣ стремленія къ ней, неразсчетливо со стороны автора.

б) Лучше всего, если авторъ какъ бы требуетъ сотрудничества отъ своего читателя и съ нимъ вмѣстѣ доискивается рѣшенія затронутыхъ вопросовъ, только *намекая* на *возможные выводы*, а *не формулируя* ихъ прямо отъ своего имени.

в) *Занимательность* всякаго сочиненія немало выигрываетъ отъ *постепенности* въ разъясненіи его *главной мысли*, повозможности *скрываемой* въ началѣ; но такое ея замаскировываніе есть своего рода техническая хитрость, на которую тѣмъ менѣе поддается читатель, чѣмъ опытнѣе и образованнѣе онъ. И потому продолжительная и слишкомъ старательная скрытность со стороны *главной мысли* можетъ иногда, въ большой вредъ

сочиненію, напомнить ребенка, думающаго, что вы его не видали, пока онъ не посмотрѣлъ на васъ.

§ 10. Если *тему* сочиненія сравнить съ сѣменемъ, а *главную мысль* съ плодомъ, то *содержаніе* (§ 6) будетъ соотвѣтствовать *цѣлому растенію*, происшедшему отъ сѣмени и носящему въ себѣ дѣйствующую возможность плода, т. е. главной мысли. *Содержанію* принадлежатъ, сравнительно съ *темою* и *главною мыслію*, наиболѣе *крупные* размѣры и самая *видная* роль въ сочиненіи. Оно есть, такъ сказать, вся масса сочиненія, и потому оно имѣетъ необходимую принадлежность всякой массы — *протяженность*.

Въ § 5 мы уже сказали, *что протяженію цѣлой массы сочиненія или содержанію*, т. е. выражаясь проще— *матеріальной величинѣ сочиненія „вообще предѣлы указываются сущностью самаго предмета (темы)* и *намѣреніями автора*“ Другими словами: авторъ, въ силу врожденнаго ему вкуса и высокаго здраваго смысла (а это— minimum условій для писателя) долженъ разсчитать, чтобы сочиненіе его не было ни слишкомъ кратко, ни слишкомъ растянуто. Всѣ такъ называемыя правила были бы тутъ безполезны и обидны для писателя Вѣдь не учатъ же никого изъ насъ напередъ, гдѣ сколько нужно намъ говорить въ обществѣ, предоставляя это собственной догадливости и личному опыту каждаго; отчего же авторамъ, людямъ попреимуществу даровитымъ отъ природы, много и съ любовью упражняющимся обыкновенно въ техникѣ своего искусства, нуждаться въ чужихъ

наставленіяхъ касательно количества высказываемыхъ ими мыслей и знаній?

Въ содержаніи, со стороны его составныхъ частей, непремѣнно должно быть соблюдено *единство*, т. е. всѣ онѣ должны вытекать прямо или косвенно изъ одной общей *темы*, въ направленіи къ одной *главной мысли*. Какъ всѣ члены организма взаимно связаны, поддерживая его и имъ будучи сами поддерживаемы, такъ нѣтъ разобщенности и между существенными составными частями *содержанія*. Но единство послѣдняго есть единство скорѣе организма растительнаго, чѣмъ животнаго. Обратимся для объясненій этого къ сочиненіямъ, уже приведеннымъ для другой цѣли, выше. Напримѣръ: „Тарасъ Бульба“ есть, конечно, *одинъ* разсказъ, стало быть — одно цѣлое, своего рода организмъ; несмотря на то его можно однако разорвать на нѣсколько частей, не уничтожая тѣмъ его, подобно тому какъ, отдѣливъ отъ дерева нѣсколько отводковъ и посадивъ ихъ въ землю, мы ни въ немъ самомъ, ни въ отводкахъ не уничтожаемъ жизни. Дѣйствительно, изъ разсказа Гоголя „Тарасъ Бульба“ можно выдѣлить нѣсколько разсказовъ. одинъ, напр. о самомъ Тарасѣ, другой о матери Андрія и Остапа, третій объ Андріи и обворожившей его полячкѣ, четвертый объ Остапѣ и его казни въ Варшавѣ и т. д Подобное отдѣленіе „отводковъ“ возможно даже въ сочиненіяхъ гораздо меньшаго объема, напр. въ „Бурмистрѣ“ Тургенева и въ „Квартетѣ“ Крылова, именно: изъ тургеневскаго разсказа выдѣляются: разсказъ о Пѣночкинѣ, разсказъ о двухъ, невпопадъ пожаловавшихся ему

крестьянахъ, разсказъ о плутѣ бурмистрѣ и т. д. Даже коротенькій „Квартетъ“ представляется составленнымъ изъ трехъ разсказовъ—одинъ о попыткѣ звѣрей заняться музыкою, другой о предложеніи обезьяны пересѣсть, третій о замѣчаніи спеціалиста на счетъ неучей-любителей.

Замѣтимъ еще, что между этими живыми частями органически-живаго цѣлаго, называемаго сочиненіемъ, попадаются иногда продукты другой формаціи, не случайно, конечно, очутившіеся рядомъ съ первыми, а поставленные возлѣ нихъ для полнѣйшаго ихъ объясненія. Такія части сочиненія, болѣе къ нему, такъ сказать, приклеенныя, чѣмъ приросшія, называются *эпизодами*. Примѣрами *эпизода* могутъ служить: въ „Мертвыхъ душахъ“ разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ, въ статьѣ Жуковскаго „Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 года“ замѣчаніе о монументѣ Петру Великому, по случаю Александровской колонны и т. д.

§ 11. Изъ сказаннаго въ §§ 1 и 10 слѣдуетъ:

1) Различныя части, входящія въ составъ *содержанія*, могутъ быть растянуты, сжаты или даже совсѣмъ устранены, по усмотрѣнію автора: напр. въ „Квартетѣ“ Крыловъ могъ бы, если бы нашелъ нужнымъ для своего плана, подробнѣе разсказать о безполезныхъ усиліяхъ осла, козла, медвѣдя и обезьяны разыгрывать піесу, могъ бы вмѣсто одной обезьяны заставить и другихъ ея товарищей высказать поочередно мысли — отчего дѣло нейдетъ на ладъ, напр. оселъ бы приписалъ это тому, что онъ сидитъ не на первомъ мѣстѣ, козелъ

могъ этимъ обидѣться; или, наконецъ, совсѣмъ можно было бы обойтись безъ замѣчанія обезьяны („вѣдь вы не такъ сидите“), и соловей могъ бы независимо отъ пересадки сдѣлать свое замѣчаніе и т. д.

2) Въ строгомъ смыслѣ, между отдѣльнымъ *словомъ* (или *реченіемъ*), *предложеніемъ* и *цѣлымъ сочиненіемъ* нельзя провести точной границы: недаромъ, слѣдовательно „словесность“, наука о *сочиненіяхъ* (§ 1), получила свое названіе отъ „слова“ — матеріала науки о словахъ и предложеніяхъ (грамматики). Возьмемъ примѣры: а) изъ значенія словъ „богатый“ и „убогій“ видно, что мысль или содержаніе перваго равносильны содержанію предложенія: „кого *боги* любятъ, тому даютъ *богатство* (по языческимъ понятіямъ), а содержаніе втораго слова равносильно содержанію предложенія „*убогихъ* любитъ *Богъ*“ (по понятіямъ христіанскимъ; ср. „блажени плачущіи“). б) Содержаніе жизнеописательнаго *сочиненія* Плутарха „Юлій Цезарь“ можно выразить сложнымъ *предложеніемъ:* „Юлій Цезарь, честолюбивый, дальновидный, краснорѣчивый и щедрый, начавъ свое политическое поприще службою при Минуціи Термѣ, получилъ званіе верховнаго жреца послѣ смерти Метелла, былъ потомъ правителемъ Испаніи, тріумвиромъ съ Крассомъ и Помпеемъ, консуломъ съ Кальпурніемъ Бибуломъ, начальникомъ войска въ Галліи и Британіи, покоренныхъ имъ римскому оружію, наконецъ, послѣ побѣды надъ Помпеемъ,—пожизненнымъ диктаторомъ до 15 марта (въ 44 г. до Р. Х.), дня умерщвленія его въ сенатѣ заговорщиками—двумя Брутами, Кассіемъ, Метелломъ Кимвромъ, Каскою и др.“

Знакомые, научнымъ образомъ, съ грамматикою ничего, конечно, не возразятъ на соотвѣтствіе словъ предложеніямъ, или выражаясь иначе, — на то, что первоначальное впечатлѣніе, выраженное корнемъ слова, образовало собою данное слово не иначе какъ путемъ состоявшагося *сужденія* (слѣдовательно и *предложенія*); но на соотвѣтствіе цѣлаго сочиненія какому нибудь одному предложенію можно услышать, кажется, слѣдующія возраженія: 1) вышеприведенное предложеніе о Юліи Цезарѣ не заключаетъ въ себѣ и сотой доли всего, заключающагося въ цѣломъ плутарховомъ сочиненіи: слѣдовательно послѣднее не выражено первымъ; 2) есть много сочиненій, которыя неудобовыразимы однимъ предложеніемъ даже въ той незначительной степени, въ какой упомянутымъ предложеніемъ замѣняется противопоставленное ему жизнеописаніе.

Вотъ отвѣты на эти возраженія: 1) различіе между предметами количественное, т. е. по величинѣ, не есть существенное различіе, напр. оно не мѣшаетъ и крошечной травкѣ, и огромному дубу *одинаково* быть *растеніемъ вообще;* не мѣшаетъ, слѣдовательно, оно и высказанному при помощи одного предложенія о Юліи Цезарѣ быть (*сравнительно* кратчайшимъ) *сочиненіемъ*, наравнѣ съ высказаннымъ о томъ же предметѣ *сравнительно* обширнѣе въ плутарховомъ жизнеописаніи или еще обширнѣе, положимъ, въ сочиненіи Наполеона III. 2) На второе возраженіе отвѣтъ можно найти въ сказанномъ нами выше (§ 10) о совокупности, большею частью, подъ заглавіемъ и темою одного сочиненія, *нѣсколькихъ* сочине-

ній, объединенныхъ въ одно цѣлое только тяготѣніемъ ихъ къ общей для нихъ одной главной мысли. Словомъ: бо́льшая или меньшая выразимость *собирательныхъ предложеній*, или *сочиненій*, предложеніями *единичными* есть въ сущности только бо́льшая или меньшая сложность первыхъ.

Примѣчаніе. Въ руководство при составленіи *содержанія* старинные учебники, слѣдуя Квинтиліану (автору сочиненія De institutione oratoria), предлагали немало совѣтовъ, наставленій и вспомогательныхъ средствъ. Сумма послѣднихъ прозывалась наукою *изобрѣтенія, эвристикою* (отъ *εὑρίσκω нахожу*) и *общими мѣстами*, topica (отъ *τόπος мѣсто*) Существованію ихъ предпосылалась, разумѣется, увѣренность, что для мысли автора полезно приращаться и возбуждаться извнѣ изъ такихъ *мѣстъ* или *источниковъ*, которые существуютъ для *всѣхъ*, т. е. способны ссудить и каждаго изъ пишущихъ готовыми пріемами, и подсказать матеріалы, превращающіе любую *тему* въ полное и цѣлесообразное *содержаніе* (отсюда названіе — *общія мѣста*). Опровергать подобные взгляды на процесъ литературной „изобрѣтательности“ было бы безполезно, такъ-какъ давно уже не только всѣ перестали въ нихъ вѣрить, но и самому имени важнѣйшаго изъ выработаныхъ ими пріемовъ данъ уничижительный смыслъ: извѣстно, что „общими мѣстами“, lieux communs, Gemeinplätze, common-place, принято теперь называть всякое рутинное, вялое изложеніе избитыхъ и скудныхъ мыслей. „Общія мѣста“, въ пору ихъ процвѣтанія въ учебникахъ, дѣлились на *внутреннія* и *внѣшнія*. Къ первымъ причислялись: *опредѣленное исчисленіе частей, родъ, видъ, сравненіе, противоположности, согласія, предыдущее и послѣдующее, окружающія обстоятельства, причины и слѣдствія* и т. д. Особенно полезною считалась статья о *обстоятельствахъ*, которыя исчислены въ слѣдующемъ стихѣ: Quid? quis? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?

Отвѣтами на нихъ, вызываемыми изъ темы, предлагалось непосредственно пользоваться для составленія наиболѣе объемистыхъ частей сочиненія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Слогъ, его виды и принадлежности.

§ 12. *Содержаніе*, какъ совокупность удобовысказывающихся взглядовъ и знаній автора, объединенныхъ общею .ихъ зависимостію отъ *темы*, есть *внутренняя* сторона сочиненія въ отношеніи къ другой его сторонѣ, *внѣшней*, служащей къ тому, чтобы сочиненіе могло *высказать*, *выразить*, обнаружить свою *внутреннюю сторону* или, что все равно, свое *содержаніе*. Безъ содержанія нечему было бы высказываться, а безъ способовъ и среды къ обнаруженію ничто не обнаружилось бы, т. е. въ обоихъ случаяхъ сочиненіе не состоялось бы

Будучи одинаково необходимыми для сочиненія, внутренняя и внѣшняя его стороны поставлены одна къ другой въ отношенія подчиняющаго къ подчиненному или, по крайней мѣрѣ, содержаніе относится къ своему выраженію какъ дѣйствительное къ страдательному. Поэтому отъ содержанія авторъ приходитъ къ выраженію, а не наоборотъ. Имѣя въ виду такое первенство содержанія передъ его выраженіемъ и замѣчая возможность проявленій одного и того же содержанія въ различно видоизмѣняющихся выраженіяхъ, нѣкоторые называютъ содержаніе вообще *идеею*, а выраженіе *формою;* причемъ въ понятіе *идеи* включаются, какъ ея качества, первообразность и устойчивая производительность, а въ поня-

тіе формы — воспріимчивая и легко подвижная исполнительность.

Изъ этихъ двухъ терминовъ мы примемъ, въ отношеніи къ сочиненіямъ, только одинъ, именно „форму“; что же касается до слова „*идея*“, то его мы устраняемъ, и именно потому, что оно въ дѣйствительномъ своемъ, первоначальномъ смыслѣ есть краеугольный камень цѣлой системы воззрѣній [13], имѣющихъ нынѣ только историческое значеніе, а употреблять *идею* въ разныхъ другихъ, болѣе или менѣе произвольныхъ смыслахъ значитъ содѣйствовать сбивчивому пониманію предметовъ. Такъ напр. одни подъ *идеею* разумѣютъ все внутреннее и духовное, противопоставляемое внѣшнему и тѣлесному, другіе *идеею* сочиненія, противопоставляемою его *формѣ*, называютъ *содержаніе*, третьи къ содержанію здѣсь прибавляютъ еще *тему* (§ 6) и *главную мысль* (§§ 6, 7) сочиненія, наконецъ нѣкоторые *идею*, по примѣру французовъ, смѣшиваютъ съ умственною суммою представленій, называемою у насъ логическимъ *понятіемъ*, а у нѣмцевъ Begriff. Итакъ, оговорившись для избѣжанія шаткости въ терминахъ, мы принимаемъ въ сочиненіяхъ двѣ стороны — *внутреннюю*, или *содержаніе* (а не *идею* какъ другіе) и *внѣшнюю*, или *форму*.

§ 13. *Форма* сочиненія (§ 12) разсматривается двояко:

I) По *характеру словъ* и *выраженій*, которыя авторъ, соотвѣтственно преобладающему въ немъ настроенію духа, употребляетъ для изложенія своихъ мыслей и чувствъ. Съ этой стороны форма сочиненія называется его *слогомъ* (§ 14).

II) По самому *исходу* изложенія, независимо отъ настроеній духа въ авторѣ, слѣдовательно независимо и отъ характера употребляемыхъ словъ и выраженій. Изложеніе, такимъ образомъ разсматриваемое, можетъ *исходить:*

А) *Непрерывно* отъ *одного* лица, будетъ ли это лицо самъ авторъ *, или кто нибудь другой, кому предоставляется непрерывно говорить **.

Б) *Поочередно* отъ *двухъ* или *нѣсколькихъ* лицъ, обмѣнивающихся мыслями и чувствами, въ видахъ развитія данной темы; въ этой формѣ поочереднаго высказыванія мыслей и чувствъ рѣчь обращается или *а*) къ *присутствующему*, или *б*) къ *отсутствующему:* въ первомъ случаѣ форма сочиненія называется *діалогическою*, или *разговорною* ***, во второмъ — *эпистолярною*, или *письмовною;* послѣдняя, наконецъ, форма, т. е. письмовная, подраздѣляется: *α*) на *собственно эпистолярную* и *β*) на *эпистолярно-монологическую:* форма собственно или чисто-эпистолярная дается сочиненію, въ которомъ *всѣ* поочередныя высказыванія мыслей и чувствъ передаются читателю ****; форму же эпистолярно-монологическую даютъ такому сочиненію, посредствомъ котораго читателю предоставляется узнать мысли и чувства только *одного* изъ переписывавшихся *****.

---

* „Финляндія“ Батюшкова.

** „Казачья колыбельная пѣсня“ Лермонтова.

*** „Вечеръ у Кантемира“ Батюшкова.

**** Начало сочин. Погорѣльскаго „Монастырка“.

***** „Письма“ Фонвизина, „Письма Русскаго путешественника“ Карамзина.

В) *Смѣшанно*, т. е. такъ, что непрерывное развитіе темы однимъ лицомъ перемежается съ ея развитіемъ двумя или нѣсколькими лицами, діалогически, собственно эпистолярно или эпистолярно-монологически *.

Собравъ здѣсь въ одно результаты дѣленія и подраздѣленія формы сочиненій, разсматриваемой со стороны ея, такъ сказать, истоковъ, получаемъ слѣдующіе виды изложенія: 1) непрерывный отъ имени одного лица, или *монологическій*, 2) *діалогическій*, 3) *чисто-эпистолярный*, 4) *эпистолярно-монологическій*, 5) *смѣшанный*. (О „письмахъ“ и „разговорахъ“, со стороны ихъ составленія, см. въ *теоріи прозы*).

§ 14. Прочтемъ два слѣдующіе отрывка и стихотвореніе Жуковскаго:

а) „Много зла бываетъ отъ суевѣрія, т. е. отъ вѣры оставшейся со временъ язычества, будто мертвецы, силою злаго духа, встаютъ изъ могилъ по ночамъ, а къ утру возвращаются въ свои гробы Вслѣдствіе этого нелѣпаго повѣрья, часто не подаютъ помощи бѣднымъ больнымъ, оттого только, что ихъ считаютъ умершими. Какъ много еще и теперь хоронятъ живыхъ мнимоумершихъ, можно судить по тому, что напр. въ Нью-Йоркѣ (въ сѣверной Америкѣ), — гдѣ никого не хоронятъ раньше восьми дней, если тѣло не гніетъ, а

---

* Напр „Капитанская дочка“ Пушкина. Въ этомъ сочиненіи рѣчь ведется большею частію однимъ лицомъ (авторомъ), перемежаясь съ частыми разговорами дѣйствующихъ лицъ (діалогически) и изрѣдка эпистолярно (напр. письма: старика Гринева къ Андрею Карловичу, къ сыну, къ Савельичу и т д.).

помѣщаютъ покойниковъ въ *упокойныхъ домахъ* и тамъ держатъ по восьми дней, — оживаетъ по пяти изъ тысячи, и нѣкоторые изъ такихъ ожившихъ выздоравливаютъ и живутъ послѣ того долго. Еслибы не было принято предосторожностей, то эти пятеро изъ тысячи, очнувшись въ могилѣ, умерли бы тамъ самою ужасною смертію — заживо погребенные. Итакъ, не слѣдуетъ довѣрять обыкновеннымъ признакамъ смерти. Вѣрныхъ признаковъ только два: 1) трупное гніеніе и 2) шестинедѣльный срокъ видимой смерти. Бывали примѣры, хотя и весьма рѣдкіе, что люди оживали, пробывши такое продолжительное время бездыханными, неподвижными, повидимому мертвыми. Большая же часть обмершихъ оживаютъ въ теченіе первыхъ трехъ дней; потому и у насъ въ Россіи закономъ запрещено хоронить ранѣе трехъ дней. Эти законные три дня значатъ— не менѣе семидесяти двухъ часовъ по наступленіи видимой смерти. Чтобы спасать мнимоумершихъ отъ погребенія за-живо, не должно спѣшить похоронами, если не начинается трупное гніеніе; а чтобы сдѣлать это для всѣхъ возможнымъ, необходимо при каждомъ кладбищѣ имѣть упокойный домъ, отапливаемый зимою и съ помѣщеніемъ въ немъ для сторожа, который долженъ быть снабженъ необходимѣйшими средствами для поданія первой помощи оживающимъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда есть надежда оживить замершаго, подавая ему надлежащую помощь, не слѣдуетъ скоро покидать надежды, а трудиться надъ оживленіемъ часовъ восемь, да и послѣ того не торопиться похоронами".

(Изъ мѣсяцеслова на 1863 г.)

b) „Я сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ-будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника и разомъ исчезнетъ. Острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе, и кружокъ свѣта съуживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, привольно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркиваться.... Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы“....

(Тургеневъ)

c) Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
— О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.

„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ,
„Веселаго много въ моей сторонѣ:
„Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
„Изъ золота слиты чертоги мои“.

Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы

„Ко мнѣ, мой младенецъ, въ дубравѣ моей
„Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей.
„При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
„Играя, летая, тебя усыплять“.

Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей·
Мнѣ, вижу, кивaютъ изъ темныхъ вѣтьей,
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глуоинѣ.
То всглы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ

„Дитя, я плѣнился твоей красотой.
„Неволей иль волей, а будешь ты мой“
Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать,
Ужь вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать ...

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ,
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ,
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

(Жуковскій)

При разсматриваніи этихъ примѣровъ, очевидно неодинаковыхъ по содержанію, мы видимъ въ нихъ черты общія и частныя; т. е. если по нѣкоторымъ чертамъ, въ равной мѣрѣ свойственнымъ *каждому* изъ нихъ, они всѣ три *сходны* между собою, зато другія въ нихъ черты

несходны, такъ что этими-то несходными чертами они и *отличаются* другъ отъ друга.

Общія черты, дающія взаимное сходство примѣрамъ подъ литер. *a*, *b*, *c*, заключаются въ томъ, что каждый изъ нихъ, со стороны употребленныхъ въ немъ словъ и выраженій, легко понятенъ читателямъ, потому что высказываетъ содержащіяся въ немъ свѣдѣнія, мысли (§ 5) и чувства *ясно* и *точно*.

Частныя черты, которыми отличаются одинъ отъ другаго приведенные примѣры, замѣтны въ слѣдующемъ: 1) отрывокъ подъ литерою *a*, если его разсматривать по характеру употребленныхъ въ немъ словъ и выраженій, ничѣмъ не выходитъ за предѣлы *ясности* и *точности;* 2) въ примѣрахъ подъ лит. *b* и *c*, кромѣ *ясности* и *точности*, составляющихъ, какъ сказано было сейчасъ, общія принадлежности всѣхъ трехъ отрывковъ, встрѣчается еще *красота* въ изложеніи, такъ что, прибѣгая къ пояснительному сравненію, можно сказать: если примѣръ подъ лит. *a* похожъ на удовлетворительное, практически-пригодное строеніе, то два остальные примѣра напоминаютъ собою роскошныя, художественныя зданія, каковы дворцы, храмы и т. п.; 3) всматриваясь, наконецъ, только въ два послѣдніе примѣра, въ самой красотѣ и художественности ихъ нельзя не примѣтить слѣдующаго различія: между тѣмъ какъ въ обоихъ характеръ словъ и выраженій разсчитанъ на *картинность*, примѣру подъ лит. *c* свойственно, сверхъ этой картинности, особеннаго рода *благозвучіе*, живо напоминающее собою музыку, съ ея тактами и паузами.

Изъ всего замѣченнаго здѣсь слѣдуетъ:

а) Есть полная возможность опредѣлять различіе между сочиненіями мимо ихъ содержанія, на основаніи *только ихъ формы*, въ томъ изъ двухъ ея значеній (§ 13), по которому она зависитъ отъ характера реченій и фразъ, употребляемыхъ авторомъ въ данномъ случаѣ; другими словами: *сочиненія можно различать по ихъ слогу* (§ 13) или, что все равно: въ сочиненіи, независимо отъ другихъ его принадлежностей, *можно разсматривать* его *слогъ*.

б) Слогъ въ сочиненіи можетъ быть двоякій: одинъ (отрывокъ подъ лит. *а*) разсчитанъ только на ясность и точность изложенія, другой (примѣры подъ лит. *b*, *c*), сверхъ обязательныхъ для каждаго слога — связности, ясности и точности, направленъ еще къ *красотѣ*, или *художественности*. Это даетъ намъ право раздѣлить слогъ на *обыкновенный*, въ родѣ нашей разговорной рѣчи, и 2) на *художественный*, встрѣчающійся только въ сочиненіяхъ литературно-изящныхъ

§ 15. *Обыкновенный* слогъ называютъ большею частью *простымъ*, не ставя его впрочемъ, чрезъ это названіе, ниже слога художественнаго. Дѣло въ томъ, что гдѣ умѣстенъ одинъ изъ нихъ, тамъ неумѣстенъ другой: а двѣ вещи, одинаково умѣстныя и цѣлесообразныя, одинаково хороши, т. е. одна не выше и не ниже другой. Что хорошимъ простымъ слогомъ можетъ владѣть всякій образованный человѣкъ, а художественный слогъ дается только врожденнымъ талантамъ, это само собою ясно; но отсюда не слѣдуетъ, повторяемъ, превосход-

ство художественнаго слога надъ простымъ, какъ это видно уже изъ того, что если первый вслѣдствіе своей сравнительной рѣдкости драгоцѣннѣе втораго, зато второй можетъ обойтись безъ свойствъ перваго (картинности, музыкальности), а первый невозможенъ безъ исключительныхъ свойствъ втораго (ясности, точности). Подобнымъ образомъ, съ точки зрѣнія химической, алмазъ не драгоцѣннѣе углерода

§ 16. Разсмотримъ ближе общія принадлежности всякаго слога — *ясность* и *точность*

Собственно говоря, слогъ самъ по себѣ не можетъ быть ни ясенъ, ни теменъ, а бываетъ онъ только болѣе или менѣе прозраченъ или непрозраченъ въ отношеніи къ просвѣчивающимъ изъ-подъ него мыслямъ.

Чѣмъ яснѣе различаетъ наша мысль признаки въ разсматриваемыхъ предметахъ, тѣмъ прозрачнѣе, т. е. удобопонимаемѣе словесная форма, въ которой мысль способна высказываться другимъ. Если же случается, что она, повидимому, совершенно ясная для насъ самихъ, не можетъ быть выражена съ достаточною для всѣхъ вразумительностію, то это происходитъ оттого, что мы или ошибаемся, преувеличивая, въ отношеніи къ нашему уму, ея дѣйствительную ясность, или не вполнѣ владѣемъ языкомъ, на которомъ выражаемся въ данную минуту, или наконецъ имѣемъ дѣло съ такимъ слушателемъ, котораго умственный уровень не приспособленъ къ уровню передаваемой нами мысли. Во всякомъ случаѣ ясность—дѣло не слога, а мысли: для слога же достаточно, если онъ выразитъ мысль автора въ

тѣхъ именно предѣлахъ ясности, какіе мысль эта имѣетъ сама по себѣ. Впрочемъ, такъ-какъ въ языкѣ нерѣдко принадлежность причины становится принадлежностію слѣдствія (напр. богатая одежда, вм. одежды, всегда доступной богатому) и такъ-какъ, безъ особенной крайности не слѣдуетъ вводить новой терминологіи, то и мы впредь будемъ употреблять, гдѣ понадобится, выраженіе *ясность* слога (а не *прозрачность*, какъ слѣдовало бы). А между тѣмъ послѣ замѣченнаго сейчасъ нами понятно, почему мы не останавливаемся на этой *ясности* слога, какъ на чемъ нибудь существенномъ и самостоятельномъ въ отношеніи къ стилистикѣ.

Что касается до *точности* слога, то она составляетъ дѣйствительно его собственность, хотя и обусловливаемую, до нѣкоторой степени, точностію мысли Мы, напр., выше сказали, что при полномъ подчиненіи автору средствъ употребляемаго имъ языка, и при соотвѣтствіи умственнаго уровня его слушателей или читателей уровню передаваемыхъ имъ мыслей, слогъ бываетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ яснѣе мысли автора; но нельзя того же сказать про точность: нельзя сказать, что чѣмъ точнѣе мыслитъ авторъ, тѣмъ точнѣе онъ выражается Послѣднее, т. е. *точность* въ слогѣ есть прямое дѣло самого слога: она пріобрѣтается упражненіями чисто стилистическими и старательнымъ изученіемъ языка, какъ сокровищницы всякаго словеснаго матеріала.

Словомъ: сколько для достиженія *ясности* въ слогѣ нужно стараться о ясности мышленія, столько для *точности* слога нужно прямо упражняться въ достиженіи

этой точности, вдумываясь не только въ значеніе * словъ, но и въ малѣйшіе оттѣнки ихъ значенія, старательно давая себѣ отчетъ въ видоизмѣненіяхъ, которымъ подвергаются слова отъ взаимнаго ихъ вліянія, отъ условій мѣста и времени и т. д. Врожденный *талантъ* дарить *тѣмъ или другимъ* лицамъ *художественность* слога; но *точность* слога пріобрѣтается только *личными* усиліями *каждаго*, хотя, разумѣется, самая степень требующихся усилій неодинакова, смотря по личности, прибѣгающаго къ нимъ.

Что же надобно разумѣть собственно подъ *точностію* въ слогѣ? Вообще, точенъ слогъ тогда, когда употребляемыя въ немъ слова и выраженія такъ вѣрно приспособлены къ излагаемымъ посредствомъ ихъ мыслямъ, что *не могутъ быть замѣнены* другими словами и выраженіями, *безъ* существеннаго *ущерба* изложенію. Какъ между двумя точками можно провести только одну прямую линію, такъ каждое понятіе можетъ быть выражено, подъ избраннымъ угломъ зрѣнія, только однимъ словомъ. Употреблять *вездѣ такого рода слова*—значитъ *„выражаться точно“*. Отсюда слѣдуетъ, что точнѣе всего выражаются понятія *техническими* словами, напр. умственнаго слѣда движущейся точки ничѣмъ нельзя точнѣе выразить, какъ техническимъ, въ геометріи, сло-

---

* Противъ этого требованія попадаются промахи даже у первоклассныхъ писателей, напримѣръ, у Лермонтова „То былъ пустыни *вѣчный гость*, могучій барсъ“. Очевидно, *вѣчный* „гость“ уже не есть „гость“, а *хозяинъ*, или по крайней мѣрѣ *житель*, *жилецъ*, *обитатель*.

вомъ „линія“. Если бы всякій читатель зналъ всевозможныя науки, искусства, ремесла и т. д., то общая цѣль для всякаго стилиста заключалась бы въ наибольшемъ, повозможности, употребленіи техническихъ терминовъ; но послѣднее, разумѣется, неумѣстно вслѣдствіе невозможности перваго: потому-то напр. нѣкоторыя повѣсти А. Бестужева (Марлинскаго), изобилующія техническими терминами, понятными только для моряковъ (брасы, топенанты, обрасопить реи, сдвоить стопоры на даглисѣ и т. п.), не только ничего не выигрывали въ отношеніи къ точности слога, а, напротивъ, показывали собою — какимъ слогомъ *не должно* писать повѣстей. Кругъ техническихъ словъ, если разумѣть ихъ въ обширномъ смыслѣ, такъ великъ, что нѣтъ собственно ни одного слова, котораго, совершенно кстати употребивъ его въ данномъ случаѣ, нельзя было бы считать вслѣдствіе его незамѣнимости техническимъ; но въ тѣсномъ смыслѣ только тѣ слова признаются техническими, которыхъ обращеніе ограничено сферою спеціалистовъ по какой нибудь отрасли знаній или занятій. Съ такими-то именно техническими словами долженъ осторожно обращаться писатель всякій разъ, какъ онъ имѣетъ въ виду вообще образованную публику, а не тѣхъ или другихъ спеціалистовъ-читателей.

При такомъ строгомъ соотвѣтствіи каждаго слова только тому понятію, которое посредствомъ его незамѣнимо вѣрно обозначается, старающійся усвоить своему слогу точность въ особенности долженъ остерегаться неопредѣленности смысла, зависящей отъ замѣны на-

длежащаго, въ данномъ случаѣ, слова другимъ словомъ, близкимъ къ нему по смыслу. А взаимная близость смысла нѣкоторыхъ словъ простирается нерѣдко до того, что они кажутся даже въ отношеніи другъ къ другу однозначащими. Такія слова называются „*синонимами*“ или, какъ нѣкоторые (напр. *Фонвизинъ*, см. изд. Смирд. стр. 647) переводили этотъ терминъ буквально съ греческаго, „*сословами*“. Слова, впрочемъ, называемыя общимъ именемъ *синонимовъ*, неодинаковы, и потому могутъ быть раздѣлены на разряды: такъ напр. нѣкоторыя изъ нихъ, служа къ названію одного и того же предмета, возбуждаютъ неодинаковую настроенность духа, т. е. или важную, исключительную, или обыкновенную, обыденную; таковы напр. синонимы: „лошадь“ и „конь“; „лобъ“ и „чело“ *; „кушанья“ „яства“ и т. д.; другими обозначаются понятія неодинаковыя, а только близкія между собою, причемъ не разсчитывается на возбужденіе въ читателѣ той или другой настроенности духа, таковы, напр. синонимы: „путь“ и „дорога“ **, „счастіе“ и „благо-

---

* Относясь къ одной и той же части лица, слова эти должны бы, повидимому, быть совершенно тождественны, но употребленіе ихъ легко укажетъ разницу въ нихъ, напримѣръ, говорятъ: „*чело*“ покрылось думами и „прыщъ на *лбу*“. Попробуйте сказать наоборотъ: „прыщъ на *челѣ*“, „*лобъ* покрытъ думами“, — всякій знающій по-русски найдетъ это *неточнымъ*.

** „*Путь*“ только — направленіе отъ мѣста до мѣста, а *дорога* — направленіе, обозначенное слѣдами проѣзжихъ или искуственно приспособленное къ ѣздѣ. Поэтому нельзя сказать *морская дорога*, а нужно — *морской путь* и т. д. Но слова эти въ иныхъ случаяхъ и безразличны, напр подъ выраженіемъ „вѣдомство *путей* сообщенія“ разумѣются и *дороги* (шоссе и т. п.).

получіе", „качество" и „свойство", „положеніе" и „состояніе" и т. д.; есть, наконецъ, слова, кажущіяся синонимами оттого, что они относятся къ двумъ предметамъ, недостаточно разграниченнымъ по самой неясности ихъ природы, дающей поводъ различнымъ мыслителямъ понимать ихъ различно, таковы, напр „умъ" и „разумъ"; „воображеніе" и „фантазія", „духъ" и „душа" и т. д.

Вотъ, наконецъ, какъ относятся между собою *ясность* и *точность* въ слогѣ: чѣмъ болѣе выработана, трудомъ и навыкомъ, дѣятельность мышленія, и чѣмъ *яснѣе* представляются ему въ данномъ случаѣ признаки разсматриваемаго предмета, тѣмъ *точнѣе* будутъ выраженія (если не встрѣтится препятствій со стороны употребляемаго языка), въ которыя облекутся обнаруженія этого мышленія. Другими словами: чѣмъ яснѣе мысли автора, тѣмъ легче прискать для нихъ, въ сокровищницѣ хорошо знакомаго ему языка, точныя выраженія. Но отсюда нельзя заключить вообще, что слогъ самый ясный есть въ то же время и самый точный Бываетъ даже наоборотъ: если нужно, напримѣръ, излагать какія нибудь истины для людей, мало развитыхъ и не приученныхъ къ болѣе или менѣе научному языку, то для ясности избѣгаютъ точности, зависящей отъ техническихъ терминовъ, отъ сжатости и строгой опредѣленности выраженій; напротивъ, при другихъ, противоположныхъ условіяхъ, точнаго слога нѣтъ повода приносить въ жертву ясности. Сравните, напр., популярное изложеніе какой нибудь науки для простаго народа или для воспитанниковъ низшихъ училищъ съ изложеніемъ ея для людей болѣе зрѣ-

лыхъ и развитыхъ, и вы увидите безъ труда въ первомъ преобладаніе ясности слога надъ точностію, а во второмъ — наоборотъ. Нужно ли здѣсь оговариваться, что *ясность* слога, насколько она возможна въ виду сейчасъ сказаннаго, во всякомъ случаѣ, всегда и вездѣ, должна быть одною изъ цѣлей пишущаго и говорящаго? Конечно, нѣтъ: это понятно само собою. Нельзя притомъ не сдѣлать замѣчанія, что одни языки болѣе, другіе менѣе способны къ ясному изложенію мыслей. Напр извѣстно, что французскому языку или, вѣрнѣе, французскому уму, отражающемуся понеобходимости въ національномъ языкѣ, свойственъ ясный, а вмѣстѣ и точный слогъ попреимуществу: это подало поводъ Вольтеру сказать несовсѣмъ парадоксально: „tout ce qui n'est pas clair, n'est pas français“. Нѣмецкій языкъ, въ этомъ отношеніи, противоположенъ французскому. Что касается до русскаго языка, то его природѣ, кажется, свойственна скорѣе французская прозрачная ясность (limpidité), чѣмъ нѣмецкая углубляющая, до тонкостей доходящая отчетливость (Genauigkeit).

§ 17. Въ число общихъ требованій относительно слога нѣкоторые включаютъ *правильность*. Но высказываемое обыкновенно подъ этимъ именемъ есть что-то неопредѣленное и мало приложимое къ дѣлу. То разумѣютъ правильность рѣчи въ смыслѣ этимологическомъ и синтаксическомъ, которыми занимается грамматика или, лучше сказать, врожденная чуткость къ своему языку; то, для распространенія понятія о правильности, смѣшиваютъ ее съ *чистотою;* чистымъ же признается

слогъ, не причастный къ *архаизмамъ*, *неологизмамъ*, *простор*ѣ*чію* и *провинціализмамъ*. Такъ именно понимаемая *чистота* долго вмѣнялась въ обязанность писателямъ, пока требованія этого рода не потеряли, наконецъ, своего значенія вслѣдствіе частаго ихъ нарушенія на практикѣ, и болѣе всего *лучшими* писателями. Не говоря уже о писателяхъ Ломоносовской, Державинской и Карамзинской * эпохъ, платившихъ дань излишнему пристрастію къ славяно-церковнымъ словамъ и оборотамъ рѣчи, въ слогѣ, напр. Жуковскаго, Пушкина, Гоголя нетрудно отыскать умышленные и совершенно умѣстные архаизмы. *Неологизмы*, и въ смыслѣ образованія совершенно новыхъ словъ (напр. „чугунка“, вм. желѣзной дороги), и въ смыслѣ употребленія старыхъ въ новомъ ** значеніи (напр „животный“ эпосъ „посредникъ“) или составленія новыхъ сложныхъ *** словъ изъ прежнихъ простыхъ (напр. міросозерцаніе, мировоззрѣніе, безсодержательный),

---

* *Галахова* Историч. Христ. т. II, 1864, стр. 87 — 99 *Его же* Исторія Русской Словесности т I, §§ 167, 196, 236.

** Эти измѣненія въ значеніи словъ совершаются, съ теченіемъ времени, какъ бы сами собою, независимо отъ писателей. Такъ напр. слова *цѣловать*, *учрежденіе*, *опасный* утратили свой прежній смыслъ — *привѣтствовать*, *угощать*, *осторожный* и т д.

*** Разумѣется, новыя сложныя слова далеко не всѣ одинаково-удачны. Напримѣръ очень хороши. *предметъ* (придуманъ Тредьяковскимъ), *сосредоточить*, *переворотъ* (придуманы Карамзинымъ), *пароходъ* (придуманъ Гречъ) и др. Но зато ужь, конечно, не обнаружилъ въ себѣ большаго чувства русскаго языка сочинившій, въ послѣднее время, слова „*отчизновѣдѣніе*“ и „*отечествовѣдѣніе*“ для перевода нѣмецкихъ Heimathskunde, Vaterlandskunde! Да притомъ же, развѣ у насъ „отчизна“ относится такъ къ „отечеству“, какъ у нѣмцевъ Heimath къ Vaterland?

естественны и неизбѣжны во всякомъ живомъ языкѣ. Источниковъ для неологизмовъ два: 1) Новыя открытія и вообще нововведенія, требующія себѣ названій (напр. громоотводъ, телеграмма); 2) всегдашнее превосходство мысли, какъ бы ни былъ богатъ данный языкъ, надъ средствами словеснаго ея выраженія. Опасности же отъ неологизмовъ нѣтъ ни для вкуса, ни для языка, потому что неудачные неологизмы будутъ отвергнуты и ни въ какомъ случаѣ не удержатся въ языкѣ. Что же касается до *просторѣчія* и *провинціализмовъ*, то многія сочиненія, напр. Гоголя, Тургенева, Островскаго, Писемскаго и др., изобилуютъ ими, и, лишившись ихъ, потеряли бы лучшую часть своей оригинальности, свѣжести и выразительности. Мысли этой теперь уже никто не оспариваетъ, хотя еще Пушкинъ въ свое время находилъ нужнымъ поощрять къ народному языку, т. е. къ просторѣчію *). Если бы не позволялось выходить за предѣлы языка такъ называемыхъ образцовыхъ писателей извѣстнаго времени, то языкъ изъ живаго сдѣлался бы мертвымъ. Безусловно вооружаться блюстителямъ чистоты слога можно только противъ *барбаризмовъ* (напр. хорошо *выглядѣть;* не знаю, *если* это будетъ; *кончить* университетъ и т. д. Первая изъ этихъ фразъ — *германизмъ*, вторая — *галлицизмъ*, а третья *полонизмъ*, т. е. онѣ *барбаризмы* въ отношеніи къ русскому языку).

Итакъ на *правильности* рѣчи намъ нечего останавли-

---

* Т. V, стр. 34 и 43.

ваться при разсматриваніи слога; о *чистотѣ* же и приличіи слога сказать можно только одно: употреблять въ слогѣ архаизмы, неологизмы, просторѣчіе, провинціализмы и т. д. предоставляется всякому автору столько, сколько онъ найдетъ нужнымъ прибѣгать къ нимъ въ данномъ случаѣ (напр для воспроизведенія колорита мѣста и времени и т. д.). Если онъ безсознательно употребляетъ во зло это позволеніе, то виновато въ томъ иногда отсутствіе достаточной опытности; если же и опытность (пріобрѣтаемая здѣсь усидчивымъ, разнообразнымъ чтеніемъ и упражненіями въ копировкѣ манеры лучшихъ писателей) не помогла ему, то это вѣрный признакъ его неспособности къ профессіи, напрасно имъ избираемой. Конечно, разборчивое, тонкое и всегда находчивое употребленіе словеснаго матеріала, болѣе или менѣе доступное усидчивому труду, не равносильно еще писательству, въ наиболѣе увлекательномъ смыслѣ этого слова; но опытомъ дознано, что всякій истинный писатель (а о другихъ, о писателяхъ-жертвахъ своей „охоты пуще неволи“, и разсуждать не стоитъ) есть прежде всего искусный стилистъ. Подобнымъ образомъ хорошій рисовальщикъ еще не живописецъ, но, не будучи хорошимъ рисовальщикомъ, нельзя сдѣлаться живописцемъ.

§ 18. Достоинство, общее простому и художественному слогу, есть *краткость*. Общее правило: при равенствѣ прочихъ условій (т. е. при соблюденіи ясности, точности и, если слогъ изященъ, художественности), выраженіе *тѣмъ короче, тѣмъ лучше* и, разумѣется, тѣмъ

труднѣе для автора * — Излишнее увлеченіе точностью и ясностью слога ведетъ къ педантической сухости, а излишнее увлеченіе художественностью порождаетъ изысканную виртуозность фразъ.

§ 19. По характеру предложеній и по ихъ строю, въ грамматическомъ смыслѣ, изложенное простымъ, равно какъ и художественнымъ слогомъ, можетъ имѣть формы *періодическую* [21], *отрывистую* [22] и *смѣшанную*, съ подраздѣленіемъ послѣдней по различнымъ степенямъ смѣшиваемыхъ этихъ двухъ элементовъ, т. е. закругленныхъ членныхъ фразъ, называемыхъ *періодами*, и выраженій краткихъ, состоящихъ преимущественно изъ главныхъ предложеній.

§ 20. Для окончательнаго разграниченія простаго слога отъ художественнаго, замѣтимъ, что 1) нельзя сказать, напр. каждый изъ этихъ двухъ видовъ слога, имѣя общія имъ обоимъ свойства, сверхъ того имѣетъ и свойства частныя,—нѣтъ: художественный слогъ нуждается, наравнѣ съ простымъ, въ *точности* и *ясности;* но послѣдній, кромѣ ясности и точности, не имѣетъ ничего, существенно ему принадлежащаго, такъ что выходитъ: художественный слогъ есть сумма принадлежностей простаго слога съ принадлежностями художественности, *картинностью* и *музыкальностью*, какъ увидимъ ниже; 2) простой слогъ безъ художественнаго всегда можетъ

---

* „Я пишу тебѣ объ этомъ слишкомъ *длинное* письмо *потому*, что *короче* писать мнѣ теперь *некогда*“, умно и вѣрно писала одна дама къ своей пріятельницѣ

обойтись, а сплошной художественный слогъ, т. е. безъ примѣси простаго, тѣмъ менѣе возможенъ, чѣмъ сложнѣе и объемистѣе сочиненіе; 3) простой слогъ относится къ художественному какъ обыкновенное хозяйственное домостроительство къ изящной архитектурѣ.

§ 21. Художественный слогъ можно подраздѣлить по преобладанію въ немъ—или чувства, или воображенія, или ума *. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда преобладаетъ чувство, художественный слогъ называется патетическимъ; какъ примѣръ его, можно прочесть въ Тарасѣ Бульбѣ ночныя размышленія жены Тараса надъ спящими сыновьями **, и первое изъ писемъ „русскаго путешественника“ Карамзина ***. Для художественнаго слога, въ которомъ преобладаетъ воображеніе, образцами могутъ служить отрывки изъ Лермонтова и Туренева подъ литерами *b*, *c*, въ § 14. Для примѣра, наконецъ, художественнаго слога, въ которомъ преобладаетъ умъ, а не воображеніе и не чувство, приведемъ слѣдующій отрывокъ:

„Не можетъ быть спора о томъ, что славянскія литературы, съ точки зрѣнія культурной исторіи, далеко не имѣютъ такого важнаго значенія, какое принадлежитъ главнѣйшимъ литературамъ западной Европы. Еще до очень недавняго времени славяне были почти совершенно удалены отъ того движенія общечеловѣческаго

---

* Ср. *Чистякова* Курсъ теоріи словесн. ч. 2, стр. 148 — 151. *Смирнова* Матеріалы для учебн. теоріи словесности § 129.

** Т. II, стр. 60, 61.

*** „Разстался я съ вами“ и т. д.

развитія, дѣятелями котораго были западные народы: они играли роль или чисто подчиненную и не имѣли возможности дѣйствовать въ общечеловѣческомъ интересѣ мысли, или роль подражательную, не давшую возможности создать что нибудь самобытное, сообщить этой мысли новую силу или новое плодотворное направленіе. Уже Гердеръ, одинъ изъ первыхъ писателей, начавшихъ защищать историческое право славянскаго племени, и поэтому весьма популярный у западно-славянскихъ патріотовъ, замѣтилъ, что „славянскіе народы занимаютъ больше мѣста на землѣ, чѣмъ въ исторіи“, — и былъ совершенно правъ. Ихъ историческая дѣятельность представлялась двумя явленіями: поддержаніемъ своей національной особности, поставленной историческими событіями въ опасность или погибнуть совсѣмъ, или затеряться въ чужой народности; и распространеніемъ извѣстной цивилизаціи, — черезъ посредство русскаго племени, — на европейскій и азіатскій востокъ. Очевидно, что относительно западной цивилизаціи эти явленія имѣли только пассивное значеніе. На западѣ, гдѣ именно и шло главнымъ образомъ европейское историческое развитіе, ихъ дѣятельность не простиралась. тѣ національныя качества, за которыя восхваляютъ славянское племя ревностные защитники славянской народности, — эти качества, противопоставляемыя мнимой испорченности запада, къ сожалѣнію, не подвигали впередъ и собственнаго внутренняго благосостоянія племени. Славянскіе патріоты думаютъ, напротивъ, что славяне уже приносятъ въ міръ свою цивилизацію съ иными, высшими началами,

которая должна замѣнить современную европейскую цивилизацію, будто разъѣдающую славянскія натуры, — какъ нѣкогда образованіе христіанское замѣнило собой образованіе греко-римское. Нечего говорить, что эти увѣренія очень далеки отъ дѣйствительности, — тѣмъ больше, что и нѣтъ нужды истреблять европейскую цивилизацію: она еще съ полнымъ правомъ остается цивилизаціей господствующей, она не сказала еще своего послѣдняго слова, — и то, что уже сказано ея лучшими представителями, современный результатъ ея мысли, еще далеко не подорвано другой теоріей, а тѣмъ менѣе теоріей славянской. Наконецъ, славянская теорія еще и не успѣла опредѣлиться исторически, какъ что нибудь единое, цѣльное и культурно-дѣятельное: исторія знаетъ славянъ вѣчно раздѣленными на нѣсколько отдѣльныхъ народностей, съ весьма различнымъ характеромъ образованія и дѣятельности, и вовсе еще не выставившихъ особеннаго, общаго имъ всѣмъ культурнаго принципа.

Поэтому, исторія славянскихъ литературъ имѣетъ интересъ болѣе частный, нежели общечеловѣческій; интересъ ея ограничивается предѣлами частной славянской исторіи, она дополняетъ эту исторію изображеніемъ умственной и поэтической дѣятельности племени, результаты которой сосредотчиваются въ нынѣшнемъ состояніи славянской культуры".

(Пыпинъ)

§ 22. Художественность въ слогѣ вообще соотвѣтствуетъ степени, роду и выработанности таланта, которыми обладаетъ авторъ. Но источникомъ художествен-

наго слога въ данномъ случаѣ всегда оказывается особенная настроенность духа, непостоянная, приходящая и уходящая. Только во время самой этой настроенности писатель-художникъ способенъ бываетъ выражаться незамѣнимо-изящно; во всякое же другое время ему доступенъ только простой слогъ.

Вслѣдствіе такой неразрывной связи между слогомъ и обусловливающимъ его настроеніемъ духа, основанія дѣленіямъ слога должны быть отыскиваемы въ самомъ авторѣ, въ характерѣ его таланта и въ данной настроенности его духа, а не въ предметахъ, служащихъ темами сочиненіямъ. Поэтому-то мы здѣсь позволимъ себѣ окончательно отказаться отъ дѣленія слога на *высокій*, *средній* и *низкій*, основывавшагося на той мысли, что о предметахъ важныхъ, возвышенныхъ слѣдуетъ выражаться высокимъ слогомъ, о предметахъ менѣе значительныхъ — среднимъ, и о самыхъ наконецъ обыкновенныхъ — низкимъ. Мнѣніе о несостоятельности дѣленія слога на высокій, средній и низкій, почерпаемаго изъ степеней значительности излагаемыхъ предметовъ, основать можно на слѣдующемъ: *а*) положимъ, признавая дѣленіе слога на средній, низкій и высокій, мы отнесемъ къ первому слогъ въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкана, ко второму — въ его „Пугачевскомъ бунтѣ“, къ третьему въ слѣдующемъ стихотвореніи Дмитріева:

Размышленіе по случаю грома

Гремитъ! благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси

Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли! —
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы,
И — исчезаю предъ Тобой!
Что человѣкъ? паритъ-ли къ солнцу,
Смиренно-ль идетъ по земли:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладьѣ,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ — и мчится на скалу!
Ты дхнешь — и двигнешь океаны!
Речешь — и вспять они текутъ:
А мы!.... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

На вопросъ „почему высокій слогъ употребленъ Дмитріевымъ въ этомъ его стихотвореніи“ отвѣчаютъ обыкновенно: „потому что предметъ этого стихотворенія возвышенъ по преимуществу — Богъ“.

Пусть такъ; но прочтемъ слѣдующія слова о томъ же возвышенномъ предметѣ, т. е. о Богѣ: „Не подумайте, слушатели, что я доказываю бытіе Божіе; нѣтъ, это такая истина, которая не требуетъ доказательствъ. Нѣтъ, я выражаю радость мою о Богѣ. Да; да возрадуется душа, слушатели! У насъ есть Богъ, Богъ истинный; у насъ есть къ кому прибѣгать съ молитвою; есть

у кого искать правды; есть въ комъ искать утѣшенія. У насъ есть Богъ. что сдѣлаютъ намъ злые люди? Будемъ же чаще обращаться къ Нему, будемъ непрестанно думать о Немъ" *. Здѣсь употребленъ слогъ не только не высокій, но даже и не средній, по случаю того же самаго предмета, о которомъ Дмитріевъ ** выражается слогомъ высокимъ: значитъ—источникъ слога заключается не въ предметахъ, а въ самомъ авторѣ, именно въ той или другой настроенности его духа, въ *настроенности*, прибавимъ, чисто *литературной*, а не въ настроенности вообще, потому что никакъ нельзя, напр., утверждать, что Дмитріевъ былъ настроенъ воспріимчивѣе къ религіозной мысли, чѣмъ благочестивый нашъ проповѣдникъ. Далѣе, если бы слогъ зависѣлъ не отъ состоявшейся въ авторѣ или вызываемой авторомъ изъ себя настроенности, то необъяснимъ былъ бы (положимъ) средній слогъ „Капитанской дочкѣ" и (положимъ) низкій въ его „Исторіи Пугачевскаго бунта".

б) Признающіе дѣленіе слога на высокій, средній и низкій никогда не могутъ провести границу между высокимъ и среднимъ, и, съ другой стороны, между среднимъ и низкимъ слогомъ. Ломоносовъ попытался лингвистически опредѣлить эти границы, и какъ бы ни были онѣ вѣрны или невѣрны при современномъ ему состояніи языка, въ нихъ уже нѣтъ ничего неопровержимаго въ настоящее время, когда пришли въ равновѣсіе сти-

---

* *Р. Путятина* Катехизическія бесѣды. 1863, стр. 63.

** Содержаніе этого стихотворенія взято Дмитріевымъ изъ Гете.

хіи русскаго языка -- славяно-церковная, простонародная и литературная. Вотъ какъ онъ смотрѣлъ на три вида слога.

„Отъ разсудительнаго употребленія“, говоритъ онъ, „и разбору трехъ родовъ реченій, раждаются *три штиля*, *высокой*, *посредственной* и *низкой*. Первой составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ“....

„Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Русскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія Славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость“....

„Низкой штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій“. (изд. Смирд. т. 1, стр. 530, 531).

в) По предметамъ, а не по выбору автора, дѣлить слогъ на высокій, средній и низкій нельзя уже и потому, что дѣленіе самыхъ предметовъ не только на высокіе, средніе и низкіе, но даже просто на высокіе и невысокіе — невозможно. Въ природѣ всѣ предметы, сами по себѣ, одинаковы: каждый изъ нихъ есть сумма своихъ качествъ, результатъ собственныхъ причинъ, причина своихъ результатовъ. Который же изъ нихъ, послѣ этого,

выше или ниже, лучше или хуже? На такой вопросъ можно давать отвѣты только фантастическаго содержанія. „Но“, возразятъ, можетъ быть, „безспорно есть предметы, для которыхъ приличенъ возвышенный слогъ, потому что эти предметы сами по себѣ возвышенны, напр. звѣздное небо, волнующійся океанъ“ и т. д. Никакъ нельзя однако же согласиться, чтобы звѣздное небо, представляющееся, внѣ научныхъ о немъ свѣдѣній, только голубымъ бездушнымъ сферическимъ протяженіемъ, испещреннымъ огненными точками, было само по себѣ предметомъ болѣе возвышеннымъ, чѣмъ какое нибудь мельчайшее и безобразное насѣкомое, въ которомъ совершаются чудеса органической жизни, съ произвольнымъ движеніемъ, съ безконечною сложностью ощущеній, питанія и т. д. Значитъ: сравнительная важность предметовъ, если даже она и существуетъ въ природѣ, совсѣмъ не такова, какою она представляется съ перваго взгляда. Словомъ: настроеніе духа, несущее въ себѣ слогъ писателю, зачинается въ немъ самомъ, а не въ предметахъ, внѣ его находящихся, и нельзя, стало быть, на неопредѣлимомъ, такъ сказать, чиноначали предметовъ основывать дѣленіе слога, по призрачной, условной важности именно этихъ предметовъ.

г) Если называть вещи ихъ именами, то слогъ, слывшій недавно „высокимъ“, въ наибольшей части случаевъ былъ въ сущности *напыщенный*, *высокопарный* слогъ, котораго законность уже опровергнута и теоретически, и практически. Это видно, между прочимъ, и изъ того, что въ учебникахъ, признающихъ еще высокій слогъ, образцы

его приводятся едва-ли не исключительно изъ писателей не существующихъ нынѣ школъ, т. е. изъ писателей, имѣющихъ для насъ только историческое значеніе.

Послѣ сказаннаго нами объ исключительной зависимости слога отъ писателя, безполезно было бы прибавлять, что у каждаго писателя въ слогѣ есть такія черты, которыхъ или не имѣетъ или которыя совсѣмъ въ другомъ видѣ имѣетъ слогъ другаго писателя; и чѣмъ самостоятельнѣе талантъ у писателя, тѣмъ характернѣе его слогъ, т. е. тѣмъ легче читателю отличить его отъ слога другихъ писателей: напр. слогъ Пушкина легче отличить отъ слога Жуковскаго, чѣмъ, напр., слогъ Козлова отъ слога Баратынскаго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Изобразительность описательная, или словесная живопись.

§ 23. Отличительную и существенную черту художественности въ слогѣ, какъ само собою обнаруживается изъ примѣровъ въ § 14, составляетъ *изобразительность* словъ и выраженій, способныхъ какъ бы срисовывать предметы, живо и, наглядно воспроизводя ихъ физіономію. Такого рода словесная живопись достигаетъ своей цѣли, т. е. художественной *изобразительности* въ слогѣ, слѣдующими средствами: *а*) *эпитетами*, *б*) *тропами* (§§ 24, 25), *в*) *фигурами* (§ 26).

Эпи́тетъ, какъ техническій терминъ въ греческой грамматикѣ, значитъ „прилагательное“; но мы употребляемъ его здѣсь вообще въ смыслѣ всякаго выраженія качественности, заключается-ли она въ предметѣ или въ дѣйствіи, высказывается-ли она прилагательнымъ (*тихій* ручей), однимъ существительнымъ (царь-*освободитель*), существительнымъ съ прилагательнымъ (туръ-*золотые* рога; свѣча *воску яраго*), или качественнымъ нарѣчіемъ (*прямо* стоять, *часто* бывать, *густо* покрытый). Достоинство эпитетовъ, сочиняемыхъ въ данномъ случаѣ, т. е. такихъ, которые не берутся готовыми изъ народныхъ идіотизмовъ, постоянно художественныхъ (таковы напр. у насъ „*красная* дѣвица“, „*сладко* спать“ и т. д), должно заключаться въ ихъ свѣжести, картинности и мѣткости. Лишенные этихъ достоинствъ эпитеты называются избитыми, дюжинными, безхарактерными, безцвѣтными, банальными.

Неумѣренное употребленіе эпитетовъ, избитыхъ отъ продолжительнаго ихъ обращенія и вслѣдствіе того безхарактерныхъ, большею частью свойстоенно бываетъ слогу, прозванному „ученическимъ“. Вотъ небольшой его образчикъ, заимствованный изъ одной школьной тетради: „Нева уже давно вскрылась отъ льда, и *голубыя* ея воды, окоймленныя *свѣжею* зеленью *отлогихъ* луговъ, *быстро* побѣжали въ море. Но откуда берутся эти *прозрачныя* воды, своею прохладою утоляющія въ *знойные* дни жителя Петербурга? Стоитъ подышать тѣмъ *чистымъ* воздухомъ, который несется съ вершинъ *громадныхъ* скалъ, *густо покрытыхъ угрюмою* растительностію

вѣковыхъ сосенъ и березъ, столь *роскошно* раскинутыхъ по архипелагу *каменистыхъ* и *пустынныхъ* острововъ валаамскихъ“....

Не менѣе неудачна, въ художественномъ отношеніи, и та изобразительность въ слогѣ, которая разсчитывается на яркость и преувеличенную выразительность эпитетовъ, каковы напр. *вулканическія* страсти, *адскій* хохотъ, *огненная* любовь и т. д.

§ 24. Слова можно употреблять двоякимъ образомъ: въ *прямомъ*, *собственномъ* ихъ значеніи, и въ значеніи ихъ *несобственномъ*, *переносномъ*, напримѣръ: „Погода прояснилась и обѣщала тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ, и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто пугаясь приближенія востока“.... (Лермонтовъ).

Въ выраженіяхъ „небо прояснилось“, „блѣдноватый отблескъ востока“, „крутыя отлогости горъ“, „мрачныя пропасти“ слова употреблены въ прямомъ, обыкновенномъ ихъ значеніи; но не таковы слѣдующія выраженія: „погода *обѣщала* намъ тихое утро“, „*хороводы* звѣздъ *сплетались*“, „туманы *сползали* по *морщинамъ* горъ“, „туманы *пугались* приближенія востока и т. д. Здѣсь 1) къ „погодѣ“ отнесено или перенесено то, что прямо принадлежитъ только существу разумному, именно *обѣщанія;* 2) къ

„звѣздамъ“ перенесено принадлежащее пляшущей группѣ людей—*хороводы*, и этимъ мнимымъ хороводамъ приписана принадлежность гибкихъ продолговатыхъ предметовъ — *сплетаніе;* 3) къ туманамъ перенесено то, что собственно принадлежитъ только движущимся одушевленнымъ существамъ — *спалзываніе*, а къ горамъ отнесенъ одинъ изъ видовъ расположенія кожи — *морщины;* 4) къ „туманамъ“ перенесена принадлежность живыхъ существъ— *пугливость* и т. д. Отсюда видно, что есть выраженія, въ которыхъ качества одного предмета перенесены къ другому предмету: такія-то выраженія и называются *переносными*, или вообще *тропами* (*Τρόπος оборотъ* отъ *τρέπω обращаю*), § 23. На какомъ же основаніи качество одного предмета приписывается (въ тропахъ) другому? На основаніи сходства, соотвѣтствія и вообще связи между ними, т. е. на томъ основаніи, что два предмета, оставаясь въ сущности различными, производить могутъ, одною изъ своихъ сторонъ, одинаковое на насъ впечатлѣніе: такъ напр. ночь и неудобопонятная мысль, при всемъ ихъ взаимномъ различіи, имѣютъ одну черту, общую имъ обѣимъ, или по крайней мѣрѣ производящую на насъ одно и то же впечатлѣніе; черта эта — отсутствіе видимости, невозможность различенія находящагося передъ нами, — и называя ночь именно за эту черту *темною*, мы прилагаемъ тотъ же эпитетъ и къ неудобопонимаемой мысли, называемъ ее также *темною*. Находя, наконецъ, и въ человѣкѣ, лишенномъ зрѣнія и образованія, ту же черту, т. е. невозможность для него различенія нѣкоторыхъ предметовъ, мы и къ нему переносимъ эпи-

тетъ „темный“ (Василій *темный*, вм. ослѣпленный; „мы люди *темные*“, вм. „необразованные“, говорятъ про себя простолюдины). Равнымъ образомъ сближаются и одно другимъ замѣняются понятія, связанныя взаимнымъ соотвѣтствіемъ — *корона* и *царскій санъ*, *золото* и *богатство*, *выдти изъ* комнаты, *выдти изъ* терпѣнія и т. д.

§ 25. Сходство и соотвѣтствіе между предметами, дѣйствіями и качествами, дающія начало тропамъ вообще, могутъ представляться въ слѣдующихъ видахъ: 1) *количественно*, т. е. по величинѣ, счету, 2) *качественно*, т. е. обозначеніемъ предмета именемъ одного изъ его признаковъ или наоборотъ—наименованіемъ отдѣльнаго признака именемъ цѣлаго предмета, 3) полнымъ *отождествленіемъ* двухъ предметовъ, т. е. прямымъ приписываніемъ одному изъ нихъ качествъ другаго, 4) намекомъ на *противоположность*. Въ первомъ случаѣ тропъ называется *синекдохою*, во второмъ *метонимією*, въ третьемъ *метафорою*, въ четвертомъ *ирбніею*.

1) Примѣры *синекдохи:* „зарабатывать *кусокъ хлѣба*“ (вм. всего необходимаго, слѣд. меньшее вм. большаго); „напиши мнѣ, *художникъ*, мадонну“ (*художникъ вообще* вм. „живописецъ“, слѣдовательно большее вм. меньшаго). Синекдоха, допускающая замѣну меньшаго несравненно большимъ или наоборотъ называется *гиперболою*, напр. „*Потоки* слезъ“. Отъ Москвы до Твери близко — *рукой подать*“.

Гипербола, выраженная смысломъ цѣлой фразы, принадлежитъ къ *фигурамъ* (§ 26), напр.

Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ. -

(Пушкинъ)

2) Примѣры *метонимiи:* „смертный“ вм. „человѣкъ“,— одно изъ качествъ человѣка вмѣсто его полнаго названiя, „обнажить *мечъ*“ (одинъ изъ признаковъ вражды или войны, вм. обнаруженiя самой вражды или войны), „читать *Пушкина*“ вм. „читать *сочиненiя* Пушкина“ (наименованiе производящаго предмета, т. е. *автора*, вмѣсто признака авторской производительности—*сочиненiй*. „Послѣднее *блюдо*“ вм. послѣдняго *кушанья* — названiе предмета, т. е. блюда, вм. принадлежности, свойственной блюду, т. е. чего нибудь съѣдомаго, помѣщаемаго на блюдѣ. „Это *блюдо* отдать шуту моему Доминику“, сказалъ однажды Людовикъ XIV за ужиномъ. „И жаркое тоже, взять мнѣ себѣ, ваше величество?“ спросилъ находчивый шутъ, стоявшiй за стуломъ короля Такимъ образомъ король, не желая нарушить свое слово, поплатился буквально блюдомъ (оно было золотое) за употребленiе метонимiи.

3) Прим. *метафоры:*

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

(Кольцовъ)

Здѣсь — полное отождествленiе умственнаго понятiя „доля“ съ человѣкомъ, который родился при извѣстной

обстановкѣ (въ сиротствѣ) и разошелся, по безразсудству своему, съ существомъ (тоже метафорически оживленнымъ), способнымъ дѣлать людей счастливыми.

Метафора, распространяющаяся на цѣлый отдѣльный разсказъ, называется *аллегоріею* [20], если дѣйствующими лицами въ ней являются животныя (напр. басня Крылова „Оселъ и Соловей“) или даже предметы неодушевленные (напр. басня „Пушки и Паруса); если же аллегорія повѣствуетъ или о людяхъ, или о предметахъ неодушевленныхъ, которые представлены однако же тѣмъ, что они есть, т е неодушевленными, то она называется *параболою*, или *притчею*, напр. „Выборъ креста“ Жуковскаго *. Притча о горчичномъ зернѣ (Матѳ. XIII, 31). Одинъ изъ видовъ метафоры есть *олицетвореніе*, или прозопопея, напр.

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять ласкаясь, Терекъ
Старцу наухо журчитъ.

(Лермонтовъ)

4) Прим. *ироніи:*

Какой-то поворъ *грамотѣй*,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ, — *онъ набожныхъ былъ правилъ*
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ.

(Крыловъ)

---

* Полн. собр. его соч. 1849, т. 6, стр. 331.

Иногда иронія какъ бы сама себя разрушаетъ во второй своей половинѣ, напр. въ поговоркахъ: „красавчикъ: ласточкинъ ротъ!“ „Ловокъ, кабы локти не цѣплялись“. Иронія, соединенная съ злобною ѣдкостію, называется *сарказмомъ*, напр. въ поговоркѣ: „Борода у него глазамъ подспорье: иной разъ ему въ бороду плюютъ вмѣсто глазъ“.

Основаніемъ ироніи, тропу съ виду непохожему на другіе тропы, служитъ то, что человѣкъ нерѣдко намекомъ на данный предметъ приводится къ мысли о предметѣ *противоположномъ* данному; такъ напр. голыя городскія стѣны и душный городской воздухъ заставляютъ насъ иногда тоскливо мечтать о зелени полей и чистомъ деревенскомъ воздухѣ. Равнымъ образомъ, называя труса храбрецомъ, мы какъ бы даемъ поводъ, наоборотъ говоримому, усиленно думать о трусости.

Примѣчаніе. Изъ четырехъ троповъ — *метониміи, синекдохи, метафоры* и *ироніи*, можно было бы, съ большею основательностію, принять только *два*, именно: метонимія, синекдоха и метафора до-тождественности близки между собою тѣмъ, что въ нихъ предметы сравниваются по разнымъ степенямъ ихъ *сходства*, послѣдній же, т. е. иронія, сравниваетъ предметы по ихъ *различію*. Сбивчивость въ разграниченіи трехъ первыхъ троповъ отражается и въ ихъ названіяхъ: *метонимія* (*Μετωνυμία*) значитъ буквально *перемѣна имени*, *синекдоха* (*Συνεκδοχή*) значитъ *собраніе*, *метафора* (*Μεταφορά*) знач. *перенесеніе* Присоединимъ сюда и распространенную метафору — *аллегорію* Она значитъ буквально *иносказаніе*, т. е. сказанное не такъ, какъ говорится словами, употребляемыми въ ихъ собственномъ смыслѣ (*Αλληγορία* отъ *ἄλλος другой, иной* и — *ἀγορεύω говорю*). Сличимъ же названія всѣхъ этихъ мнимо-различныхъ троповъ: первый значитъ употребленіе одного имени вм другаго, второй со-

единеніе, сближеніе, сравненіе предметовъ, третій — перенесеніе принадлежностей одного предмета къ другому предмету, четвертый — названіе предмета не такъ, какъ онъ обыкновенно называется. Не показываютъ ли всѣ эти четыре технические термина, съ разныхъ сторонъ, одной и той же существенной черты всякаго тропа, именно — соединенія, сравненія предметовъ, въ чемъ нибудь сходныхъ между собою, вслѣдствіе чего и названіе одного прилагается къ другому? Что это такъ, въ томъ нельзя не согласиться, а если это такъ, то названные здѣсь четыре тропа позволительно смѣшивать, что впрочемъ и дѣлаетъ разговорный языкъ (разумѣется, разговорный языкъ образованныхъ людей), на которомъ *всякій* вообще *тропъ* называютъ, какъ извѣстно, выраженіемъ *метафорическимъ*, *аллегорическимъ*, *переноснымъ*, *иносказаніемъ*, и никогда не упоминаютъ ни синекдохи, ни метониміи.

Непомѣрное изобиліе въ иносказаніяхъ, разумѣется, портитъ слогъ, обезсиливая его. Выражаясь о нихъ иносказательно же, можно требовать, чтобы нервы и мускулы мыслей не заплывали жиромъ троповъ. Зато умѣстное, разборчивое и безпритязательное употребленіе переноснаго языка не только желательно, но даже неизбѣжно. До какой степени естественны и законны его обороты, можно видѣть изъ того, что значительнѣйшая часть словъ образовалась путемъ троповъ, напр вкусъ (ср. кусать), лукавый (ср. лукъ), душа — дышать, слушаться — слушать, пріятный — котораго хочется взять себѣ, жестокій — жесткій, листъ бумаги, зубецъ — зубъ, воздержность — держать, заключить — ключъ, печаль — пеку, плоская острота, колебаться въ выборѣ, грязная мысль, *согласіе — сѣ*, *голосъ*, прямодушіе, кривить душой, глубокомысліе, вспыхнуло лицо, надутый и проч.

Ср. *Буслаева* Опытъ историч. грамматики, ч. 2, стр. 54—84.

§ 26. *Фигурою*, въ смыслѣ стилистическомъ, называется всякое выраженіе, болѣе или менѣе отступающее, сообразно съ намѣреніемъ говорящаго и, разумѣется, въ редѣлахъ грамматической позволительности, отъ строя

обыкновенныхъ выраженій, способное сообщить слогу выразительность, живость, свѣжесть и т. д.

Фигура, какъ оборотъ рѣчи, примыкаетъ къ грамматикѣ и, съ другой стороны, какъ выраженіе, подсказываемое исключительными намѣреніями, она входитъ въ сумму средствъ отборной художественной стилистики: поэтому то дѣлятъ обыкновенно фигуры на *грамматическія* и *стилистическія*. Дѣленіе это однако же неосновательно, потому что всякая фигура въ одно и то же время есть и особенный оборотъ рѣчи, и особенная, такъ сказать, краска словесной живописи. слѣдовательно, всякая фигура, съ одной стороны, достояніе синтаксиса, съ другой — стилистики.

§ 27. Фигуръ насчитать можно очень много, такъ какъ формы нашей мысли, а слѣдовательно и случаи ея словеснаго выраженія, весьма разнообразны. Мы назовемъ только нѣкоторыя, употребительнѣйшія изъ фигуръ*.

1) *Эллипсисъ* — пропускъ *словъ*, или *предложеній*, усиливающій сжатость, а слѣдовательно и выразительность фразы, напр. „Лѣсъ ли начнется — сосна да осина“ *(Некрасовъ)*: пропущены слова: *только видньются* или *попадаются*.

„Чѣмъ меньше наговоришь, тѣмъ чегче будетъ оправдаться“.

Здѣсь подразумѣвается мысль: человѣкъ, въ высказывае-

---

* По несостоятельности принятыхъ дѣленій фигуръ на разряды (фигуры словъ и предложеній, фигуры, дѣйствующія на умъ, на воображеніе, на чувство и др.), мы исчисляемъ здѣсь фигуры не поразрядно.

мыхъ имъ своихъ сужденіяхъ, большею частью ошибается.

2) Отъ эллипсиса надобно отличать *умолчаніе*, состоящее въ томъ, что говорящій, почему бы то ни было, не доканчиваетъ начатой фразы, напр.

„Нужно мнѣ“.... Тутъ слезы хлынули
Совершенно не впопадъ.
(Некрасовъ)

3) Эллипсису противополагается *плеоназмъ* — употребленіе *лишнихъ* словъ, напр.

Самъ молвилъ про себя, *прочь* уходя въ досадѣ.
(Крыловъ)

Плеоназмъ, дающій фразѣ слова, безъ которыхъ она могла бы обойтись, нужно отличать отъ *тавтологіи*, повторяющей одно и то же понятіе; см. ниже подъ цыфрою 5.

4) Повтореніе слова въ началѣ предложеній, называемое *единоначатіемъ*, напр.

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ....
(Лермонтовъ)

5) Повтореніе понятій при помощи повторенія *корня* или при помощи синонимовъ, называемое *тавтологіею*, напр. „громъ гремитъ“. „Отправились въ путь-дорогу“. Тавтологію корня нужно отличать отъ простой *аллите-*

раціи, т. е. отъ повторенія какого-либо звука въ нѣсколькихъ словахъ, напр. *было мыло*, *стало сало*.

6, 7) *Безсоюзіе* и *многосоюзіе*. Примѣры изъ Пушкина:

Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ...
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы.

8) *Наращеніе*, состоящее изъ переноса послѣднихъ словъ стиха въ слѣдующій стихъ, гдѣ они пополняются новымъ эпитетомъ, напр.

Не огонь горитъ — *ретиво сердце*,
Ретиво сердце, молодецкое.

(изъ народн. пьсни)

9) *Параллелизмъ* — сопоставленіе однихъ предметовъ другимъ, напр.

На небѣ солнце, въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ заря, въ теремѣ заря, —
И вся красота поднебесная.

(изъ былины)

10) *Восхожденіе* — постепенное усиленіе мыслей или картинъ, напр.

Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ....
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ.

(Лермонтовъ)

11) *Игра словъ*, состоящая въ болѣе или менѣе остроумномъ сближеніи словъ, почти-тождественныхъ или совершенно-тождественныхъ по звукамъ, но различныхъ по смыслу (называемыхъ *гомонимами*), напр. И долго бы *жилъ*, да *жилы* порвалъ *(послов.)*. —

— Мы съ вашимъ батюшкой вмѣстѣ *служили*.

— Что же вы съ нимъ всенощную или обѣдню *служили*, спросилъ Рязановъ.

— То есть какъ?....

— Я не знаю какъ. Должно быть соборнѣ. А то какъ же еще?

— Да развѣ вашъ батюшка не служилъ въ гродненскихъ гусарахъ?

— Нѣтъ, онъ больше въ селахъ пресвитеромъ служилъ.

— То есть....

— Попомъ-съ. *(Сльпцовъ)*

12, 13, 14) *Предупрежденіе*, *уступленіе* и *отвѣтствованіе* — когда авторъ, предвидя чье нибудь возраженіе, самъ его высказываетъ, съ тѣмъ чтобы тутъ же отвѣтить на него, напр. у Крылова:

Мнѣ скажутъ: „а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? *(Предупрежденіе)*
— Прекрасны, что и говорить! *(Уступленіе)*.
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова *(Отвѣтствованіе)*.

15) *Поправленіе* — когда говорящій, какъ бы спохватясь въ невѣрности своей мысли или фразы, выражается иначе, напр.

„Ну вотъ онъ взялся меня проводить. Слава Богу, я свободна, у меня нѣтъ дѣтей.... Что я сказала: ***Слава***

Богу! Впрочемъ, это все равно". Евдокія свернула папироску своими побурѣвшими отъ табаку пальцами, провела по ней языкомъ, пососала ее и закурила.

(Тургеневъ)

16) *Умедленіе* — остановка передъ чѣмъ нибудь рѣшительнымъ или неожиданнымъ. Напр. „Онъ благодарилъ судьбу за двѣ милости: во-первыхъ, зато, что ему удалось получить высшее образованіе, во-вторыхъ.... какъ вы думаете, за что? Зато, что ему страшно не везло въ жизни, вслѣдствіе чего онъ выработался въ школѣ несчастія".

17) *Антитеза*, или противоположеніе, напр.

„Желая *мира*, будь готовъ къ *войнѣ*".

Не суйся *впередъ*, чтобы не быть *назади* (пословица).

„*Много говорятъ* обыкновенно тѣ, кому слѣдовало бы *молчать*".

18) *Парадоксъ* есть неожиданное и недоказанное противорѣчіе тому, что вообще принято за вѣрное, напр.

„Ахъ, какъ *скучно веселиться!*"

„Люди не такъ дурны, какъ это обыкновенно думаютъ — *они гораздо хуже*".

Бо́льшая часть такъ называемыхъ „остротъ" — *парадоксы*. Но надобно замѣтить, что неожиданное противорѣчіе принятому всѣми за вѣрное, при очевидности своей ошибочности, перестаетъ быть парадоксомъ и становится нелѣпостью.

Парадоксы часто основываются на трансвокабуляціи, т. е. на измѣненіи значенія словъ, напр. „Человѣкъ, въ силу своихъ великихъ достоинствъ слывущій необык-

новеннымъ", есть „обыкновенный" попреимуществу человѣкъ, т. е. онъ именно таковъ, какимъ слѣдовало бы быть каждому изъ насъ; „необыковенными" же называютъ отборныхъ людей только потому, что „обыкновенные" люди *не*-обыкновенны, т. е они ниже уровня „обыкновенности".

Для того чтобы мысль эта сдѣлалась истинною (а не парадоксомъ), нужно сперва доказать, что меньшинство обыкновеннѣе огромнаго большинства.

19, 20, 21) *Видьніе, обращеніе* и *восклицаніе*, напр. „Дисканты плачутъ дѣтскими голосами, басъ, какъ подавленная сила, гудитъ и сдержанно ропщетъ; слышенъ крикъ вавилонянина: „воспойте намъ отъ пѣсней сіонскихъ!" Чудится, какъ въ гнѣвѣ и нетерпѣніи топчетъ ногами грозный повелитель.... „Какъ воспоемъ на земли чуждей пѣснь Господню!" отвѣчаютъ плачущіе, робкіе голоса дѣтей; женскія слезы слышны въ грудныхъ дискантахъ. Высокими, тихими и страстными нотами восходитъ плачъ и наконецъ переходитъ въ сильные, грозные голоса: „дщи вавилоня, окаянная"!.... (*Помяловскій* Зимн. вечеръ въ бурсѣ).

Здѣсь: *а*) *обращеніе* — „воспойте.... сіонскихъ" и „дщи вавилоня".... *б*) *восклицаніе* — „какъ.... чуждей?".... *в*) все вмѣстѣ — *видьніе*.

22) *Сравненіе*, которое не должно быть смѣшиваемо съ метафорою, также основанною на сравненіи (§ 25). Метафора есть *слѣдствіе* сравненія двухъ предметовъ, *принятыхъ за одинаковые*, такъ что въ ней качества одного прямо приписываются другому; сравненіе же, какъ фи-

гура, есть только отдаленное уподобленіе чего нибудь чему нибудь. Сравненіе бываетъ: *а*) *положительное*, напр.

И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.

(Пушкинъ)

б) *отрицательное*, напр.

Ужь не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ, шелковой,
Ходитъ красна дѣвица душа
Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ.

(народн. пѣсня)

23) *Вставка*, въ видѣ прибаутокъ, припѣвовъ, и т. п. напр.

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота-ли, окіанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе....

(изъ народн. сказки)

или:

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота,
Слава!

(изъ свадебн пѣсни)

24) *Намекъ* — сопоставленіе данной мысли съ другою, многимъ или всѣмъ извѣстною вслѣдствіе удачнаго ея выраженія или за принадлежность ея къ какому нибудь прославленному сочиненію и т. д., напр. „Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ

могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ они, о томъ великомъ спокойствіи „равнодушной“ природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной.“

(Тургеневъ)

Здѣсь — намекъ на предпослѣдній стихъ извѣстной элегіи Пушкина („Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“). См. т. 2 (изд. Анненк.), стр. 489.

25) *Инверсія* — перестановка словъ, въ чемъ бы то ни было и для чего бы то ни было отступающая отъ обыкновенной (касательно *обыкновеннаго* размѣщенія словъ въ предложеніяхъ см. въ *грамматикѣ*), напр. „Изъ деревни на возвратномъ пути вы о чемъ думали?“ Вм. о чемъ вы думали на возвратномъ пути и т. д.

Послушный Перуну старикъ одному.

(Пушкинъ)

Вм. старикъ, послушный одному Перуну.

26) *Обобщеніе именъ собственныхъ*, напр. „Вліяніе Августовъ (вм. могущественныхъ покровителей) на появленіе Виргиліевъ (вм. поэтовъ, вообще художниковъ, ученыхъ) оказывается то сильнымъ, то слабымъ, то безразличнымъ, смотря по времени и мѣсту“.

27) *Раздѣленіе*, которымъ предметъ разлагается на свои признаки или родъ на виды, напр. „Въ вашихъ рукахъ теперь, т. е. отъ вашего выбора зависятъ — и война съ ея кровожаднымъ безсердечіемъ, хитростями, разорительными издержками, надолго отравляющими душу

звѣрскими инстинктами, — и миръ съ его просвѣщающею, гуманизирующею силою, блюститель честныхъ и разумныхъ отношеній между людьми, единственный руководитель на пути къ совершенствованію, общественному и личному".

28) *Перифраза* — переложеніе какой-либо мысли изъ одного выраженія ея, простѣйшаго, обыкновеннаго, въ другое, болѣе или менѣе оригинальное и картинное, напр. „всякая могила травой заростаетъ" (посл.) есть перифраза мысли „умершихъ забываютъ". Иногда фразируется (превращается въ фразу) отдѣльное реченіе, напр. „звучащая мысль" вм. „слово" и т. д.

29) *Именованіе* — особеннаго рода плеоназмъ, состоящій въ поясненіи мѣстоименій именами, напр.

Онъ съ вечера, Добрыня, хлѣба не ѣстъ
Съ полуночи Никитичу не уснется....
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ....
На меня, Садку, смерть пришла....

(изъ былинъ)

Примѣчаніе. Вникнувъ въ общій характеръ художественныхъ эпитетовъ, троповъ и фигуръ, можно, кажется, дать имъ названіе *„стилистическихъ вольностей"* (ср. ниже термины: *вольности стихотворныя*, § 49, и *поэтическія*, § 77), принимая этотъ терминъ въ смыслѣ позволительности отступать, — въ предѣлахъ допускаемаго здравымъ смысломъ, вкусомъ и грамматикою, — отъ *обыкновенныхъ* характеристикъ предмета или дѣйствія, т. е. отъ математически точныхъ указаній въ характеризуемомъ предметѣ или дѣйствіи лишь на то, что представляется въ немъ съ точки зрѣнія зрямаго наблюденія. Такого рода отступленія отъ строгой лексикологической, синтаксической и логической точности очевидны въ каждомъ художественномъ эпитетѣ (напр. „ретивое"

сердце, „удача — добрый“ молодецъ, „буйная“ головушка и т. д.), въ каждомъ тропѣ (напр. „мечъ“ вм. оружія всѣхъ родовъ, „скипетръ“ вм. верховная власть, *„краски кричатъ* въ этой картинѣ“ — техническое выраженіе у живописцевъ), въ каждой фигурѣ (см. § 26).

О тропахъ и фигурахъ ср. *Herling* Stylistik, 1837 Ч I. §§ 108—136.—*Falkmann* Prakt. Rhetorik. 1849. Стр. 181 — 211.— *Richter* Lehrbuch der Rhetorik. 1853. §§ 137 — 158. — *Volkmann* Hermagoras, oder Elemente der Rhetorik. 1855. Стр. 254. *Jullien* Traité des figures etc. 1855 §§ 17 — 55 — *Campbell* Philosophy of Rhetoric, 1850. Стр. 293 — 383.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Изобразительность ритмическая, словесная музыка, или спеціальное словесное (стихотворное) благозвучіе (предшествуемое матеріалами и условіями общаго благозвучія — евфонизмомъ и евріѳмизмомъ).

§ 28. Какъ тропы и фигуры, въ различной мѣрѣ, свойственны всякому слогу, такъ всякое изложеніе нашихъ мыслей, устное и письменное, художественное или подходящее подъ понятіе простаго слога, обязано удовлетворять, тоже въ различной мѣрѣ, требованіямъ *благозвучія*.

По неразрывной связи между слухомъ и выговоромъ, самая общая черта благозвучія въ словахъ и фразахъ, естественно предназначенныхъ къ выговору и слышимости, есть возможное совпаденіе выговора съ требова-

ніями слуха, т. е. слова и фразы благозвучны, или пріятны для слуха, по мѣрѣ легкости, съ которою ихъ можно произносить.

Рѣчь, въ грамматическомъ смыслѣ этого слова, составляется изъ предложеній, которыя, въ свою очередь, строятся изъ отдѣльныхъ словъ: слѣдовательно, имѣя въ виду разсмотрѣніе удобопроизносимости рѣчи или, что все равно, ея благозвучія, нужно различать два вида послѣдняго — именно: *a*) благозвучіе въ слагаемыхъ рѣчи, т. е. въ *отдѣльныхъ словахъ*, какъ частяхъ предложенія, и *b*) благозвучіе въ сложившемся изъ частей *цѣломъ*, т. е. въ *предложеніяхъ* и въ *сочетаніи предложеній*, дающемъ въ результатѣ *рѣчь*. Съ точки зрѣнія удобопроизносимости отдѣльныхъ словъ, благозвучіе называется *евфоническимъ*, а со стороны вліянія своего на пріятность (для слуха) цѣлыхъ фразъ, оно называется *евріѳмическимъ*. Евфонизмъ, т. е. благозвучіе отдѣльныхъ словъ, также относится въ евріѳмизму, какъ въ музыкѣ мелодія (чистота и вѣрность отдѣльныхъ звуковъ гаммы) къ гармоніи (аккордъ въ обширномъ смыслѣ).

Слова, являющіяся слагаемыми фразъ, состоятъ, въ свою очередь, изъ дробнѣйшихъ слагаемыхъ — гласныхъ и согласныхъ звуковъ; наконецъ, между самыми гласными, какъ извѣстно изъ грамматической фонетики, одни суть неразложимые элементы (напр. *a*, *i*), другіе разлагаются еще далѣе, напр. $e = a + i$ и т. д.

Дойдя такимъ образомъ до простѣйшихъ составныхъ частей слова, т. е. до составляющихъ его гласныхъ и согласныхъ звуковъ, не надобно думать, чтобы одни изъ

нихъ были благозвучнѣе другихъ: нельзя, напр., утверждать, даже предоставивъ самую широкую свободу личнымъ вкусамъ, что *а* или *б* пріятнѣе или непріятнѣе для слуха, чѣмъ *е* или *і* и т. д. Но несомнѣнно, что слова, напр. *вода*, *дерево* и т. д. благозвучнѣе, чѣмъ напр. *ищущій*, *претряскій*, *сонмъ*, *зіяя* и т. п.

Очевидно, слѣдовательно, что источникъ благозвучія и неблагозвучія заключается не въ звукахъ, пока они стоятъ отдѣльно, а въ сочетаніи звуковъ, когда изъ нихъ уже образовались слова; причемъ, разумѣется, и сочетаніе звуковъ, принадлежащихъ къ двумъ сосѣднимъ словамъ, можетъ служить источникомъ неблагозвучія (напр. о оазисъ! быстръ, страхъ; смыслъ славы) или благозвучія. Вообще же евфоническое благозвучіе, или удобопроизносимость словъ, отдѣльныхъ, равно какъ и сложныхъ, есть возможное равновѣсіе между гласными и согласными, и наоборотъ — неблагозвучіе, или какофонія, является слѣдствіемъ или зіяній (гіатусовъ) отъ излишняго накопленія гласныхъ (напр. не у Ольги, а у Іоанна), или жесткости, производимой накопленіемъ согласныхъ (напр. къ мнимому страстотерпчеству).

Кромѣ того, какофонію производятъ: взаимное сосѣдство словъ слишкомъ длинныхъ (напр. глубокомысленнѣйшіе естествоиспытатели, усовершенствовавшіе многократными и тщательно-провѣряемыми ими наблюденіями....), или слишкомъ краткихъ (напр. вдругъ онъ сталъ бодръ и смѣлъ, самъ за всѣхъ насъ велъ счетъ и бралъ все такъ, что могъ для насъ быть всѣмъ....), или сходныхъ по звукамъ (напр. этотъ-то татъ, осчастливливаю-

щій считающихъ его щедрымъ, къ каждому изъ насъ несъ слѣдующія вещи....). Иногда, впрочемъ, повтореніе какого либо звука умышленно допускается или для *тавтологіи* (§ 27), дающей выразительность рѣчи, или для *аллитераціи* (§ 27), простой или звукоподражательной, имѣющей въ виду воспроизвесть предметъ, дѣйствіе или качество, звуками, ихъ напоминающими. Вотъ примѣры тавтологіи и звукоподражательной аллитераціи: „Черные во́роны табуномъ табунилися". „Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ", *Пушк.* (здѣсь звукъ *т* напоминаетъ удары молота, а *др* и *стекло*—насильственное распаденіе хрупкаго вещества. „*Ну*кать то *ну*кай, да не пришлось бы *пт*рукать" *(посл.)*

§ 29. Какъ степень евфоническаго благозвучія въ словахъ опредѣляется тѣмъ или другимъ сочетаніемъ въ нихъ гласныхъ звуковъ съ согласными, точно такъ же благозвучіе *евриѳмическое* послѣдовательной *сложной рѣчи* зависитъ отъ того или другаго сочетанія *предложеній*, вошедшихъ въ ея составъ. Но источники благозвучія евфоническаго и евриѳмическаго неодинаковы: первое происходитъ отъ возможности уравновѣшиванія гласныхъ съ согласными, второе же, т. е. евриѳмизмъ, зависитъ: 1) отъ взаимной соразмѣрности между предложеніями подчиняющими и подчиненными, равно какъ между предложеніями, соединенными по способу, называемому въ синтаксисѣ „сочиняющимъ"; 2) отъ совпаденія фразнаго ударенія съ тѣми именно мѣстами въ рѣчи, гдѣ голосу легко повыситься съ надлежащею силою, т. е. гдѣ голосъ еще не утомленъ, какъ это обыкновенно случается къ

концу длинныхъ фразъ; 3) отъ помѣщенія паузъ, или остановокъ голоса, именно тамъ, гдѣ голосу трудно было бы обойтись безъ нихъ и гдѣ въ то же время присутствіемъ ихъ не разрозниваются сплошныя части фразы; 4) отъ приспособленія паузъ длиннѣйшихъ и кратчайшихъ къ случаямъ большей или меньшей разобщенности мыслей, выраженныхъ смежными фразами.

Соблюденіе или несоблюденіе этихъ условій евріемизма само собою чувствуется и безъ труда можетъ быть опредѣляемо каждымъ изъ насъ при помощи слѣдующей простой повѣрки: чѣмъ легче читать (при равенствѣ прочихъ условій — точности и ясности выраженій) послѣдовательную рѣчь, съ соблюденіемъ, при чтеніи, естественно употребляемыхъ нами фразныхъ удареній и паузъ, тѣмъ эта рѣчь удовлетворительнѣе въ евріемическомъ отношеніи. Общему закону связи между слухомъ и выговоромъ подчиняются всѣ формы сочетанія предложеній — отрывистая, періодическая [21], [22] и смѣшанная. Регламентаціи, встрѣчаемыя въ старинныхъ учебникахъ подъ рубрикою *ораторскаго размѣра* (numerus oratorius) были не что иное, какъ безполезныя поименованія безчисленныхъ видовъ удобопроизносимости, непосредственно чувствуемой каждымъ и безъ нихъ.

§ 30. Кромѣ евфонизма и евріемизма, обязательныхъ для каждой рѣчи, начиная съ разговорной, есть еще благозвучіе спеціальное, свойственное тому только изъ видовъ художественнаго слога, котораго образчикъ приведенъ былъ нами выше, въ § 14 подъ литерою *с*.

Прочтемъ *вслухъ* два примѣра:

а) Встарину́ счёт часо́въ былъ у на́съ восто́чный, заи́мствованный изъ Византі́и вмѣстѣ съ церко́вными кни́гами. Су́тки дѣли́лись на дневны́е и ночны́е часы́; часъ со́лнечнаго восхо́да былъ пе́рвымъ ча́сомъ дня́; часъ зака́та —пе́рвымъ ча́сомъ но́чи. Само́ собо́ю разумѣется, что при тако́мъ времясчисле́ніи, количество денны́хъ и ночны́хъ часо́въ на са́момъ дѣлѣ могло́ быть одина́ково и равно́ то́лько во вре́мя равноде́нствія, а потому́ это вре́мя и принима́лось за но́рму.

(Костомаровъ)

б) Я зато́ глубоко́ презира́ю себя́,
Что живу́, день за дне́мъ безполе́зно губя́.

(Некрасовъ)

Мы замѣчаемъ.

1) Въ обоихъ этихъ примѣрахъ *движеніе* звуковъ, или, говоря прямѣе, *движеніе* нашего голоса, выразившееся членораздѣльными звуками. 2) Въ примѣрѣ подъ литерою *а* движеніе звуковъ не представляетъ собою ничего противнаго благозвучію, т. е. въ движеніи этомъ соблюдены общія условія евфонизма и евріѳмизма (§ 28), не болѣе. 3) Въ примѣрѣ подъ литерою *б*, кромѣ соблюденія общихъ требованій евфонизма и евріѳмизма, слышно еще какое-то *особенное благозвучіе*, напоминающее собою *музыку*, и дѣйствительно *съ нею однородное;* эта здѣсь музыкальность непосредственно чувствуется, подобно теплотѣ, свѣту, тому или другому вкусу на языкѣ и. т. д. 4) Вникая въ *признакъ*, свидѣтельствующій, въ примѣрѣ подъ литерою *б*, о поднятіи движенія звуковъ надъ уровнемъ общаго евфонизма и евріѳмизма до степени музы-

кальности попреимуществу, нельзя не примѣтить, что *признакъ* этотъ есть *разнообразіе повышеній* и *пониженій* голоса, *единообразно воспроизведенное* нѣсколько разъ, именно: въ обѣихъ здѣсь строчкахъ замѣтно разнообразіе, т. е. *два* слога *безъ* повышеній голоса, или *безъ* ударений, и *третій* слогъ *съ повышеніемъ*, или съ *удареніемъ*. Если *устранить* это *разнообразіе*, т. е. если поставить *сплошь только ударяемые слоги* *, то выйдетъ рядъ звуковъ, однородный, по характеру своему, съ монотонными ударами маятника; и, съ другой стороны, если *сохранить разнообразіе* (соединеніе *ударяемыхъ* слоговъ съ *неударяемыми*), но не повторять его въ единообразной послѣдовательности, то выйдетъ рѣчь съ звуковымъ характеромъ примѣра подъ литерою *а*, т. е. рѣчь только отрицательно благозвучная, съ отсутствіемъ нарушеній евфонизма и евриѳмизма. Значитъ, движеніе звуковъ въ примѣрѣ подъ лит. *б* именно *оттого музыкально*, что въ немъ *разнообразіе* движущихся звуковъ подведено къ извѣстному *единству*, или иначе: одна и та же форма разнообразнаго движенія *воспроизведена нѣсколько разъ*.

Рядъ подобныхъ, повтореній какого нибудь разнообразнаго движенія называется вообще *ритмомъ*. Ритмъ, такимъ образомъ понимаемый, можетъ быть или *видимъ*, какъ напр. въ художественной пляскѣ, или *слышенъ* **, какъ

---

* О сплошной рѣчи изъ *однихъ неударяемыхъ* слоговъ нечего здѣсь и говорить, даже предположительно, такъ-какъ она невозможна.

** Вслѣдствіе связи ритма *слышнаго* съ *видимымъ* возможно и вполнѣ понятно выраженіе, употребленное нами на стр. 75 „изобразительность ритмическая“ (rhythmische Malerei).

напр. въ музыкѣ и въ спеціально-благозвучныхъ строчкахъ, каковы приведенныя подъ литерою *б*.

Опредѣленной длины строчка, спеціально-благозвучная вслѣдствіе присутствія въ ней ритма или, что все равно, вслѣдствіе совмѣщенія въ ней слоговъ, не только разнообразныхъ въ отношеніи къ удареніямъ, но и повторяющихся въ томъ или другомъ видѣ единообразія, называется *стихомъ*, στίχος, versus, откуда—le vers, der Vers, и т. д. Рѣчь, составленная изъ такихъ спеціально-благозвучныхъ строкъ, называется *стихотворною*, въ противоположность рѣчи *прозаической*, или *прозѣ*.

Примѣчаніе. Удареніе, смотря по вызывающей и направляющей его цѣли, бываетъ:

а) *Грамматическое*, указывающее на сравнительно бо́льшую напряженность въ выговорѣ одного изъ *слоговъ* въ данномъ словѣ, напр. во-*да́*, кни́-*га*, вере-*ни́*-ца, по-смо-*три́* и т. д.

б) *Логическое*, которымъ оттѣняется сравнительная важность одного *слова* или одного *предложенія* передъ другими словами или предложеніями, напр. около *меня*, *милый* мой; не *могу; чему* вы смѣетесь? чему *вы*-то смѣетесь? онъ плачетъ, а вы *смѣетесь! завтра*, я думаю, *онъ уѣдетъ*. Въ первыхъ шести примѣрахъ логическимъ удареніемъ выдвинуты *слова*, сравнительно важнѣйшія по своему значенію въ данной рѣчи, а въ седьмомъ примѣрѣ логическимъ удареніемъ отмѣтилось главное предложеніе, т. е. послѣднее произносится съ бо́льшею силою, чѣмъ предложеніе вводное. Сверхъ того, изъ примѣровъ 4-го, 5-го и 6-го видно, что логическое ударе́ніе можетъ *попеременно* давать бо́льшую выразительность *разнымъ* словамъ. Наконецъ, оказалось еще, что логическое ударе́ніе падаетъ иногда не только на слова сами по себѣ *незначительныя* (каковы вообще напр. служебныя части рѣчи), но даже на отдѣльные *слоги* словъ, напримѣръ: „Если бы мы могли дѣйствовать дружно противъ человѣка“, разсуждали звѣри, „то онъ не былъ бы нашимъ повелителемъ“ „То-то *если-бы* могли“, насмѣшливо повторила лиса (логическое ударе́ніе стоитъ

здѣсь на союзѣ *если-бы*). „Дѣлать-то онъ *дѣлаетъ*, да все какъ-то не *додѣлываетъ*“ (логическое удареніе привязано здѣсь къ *различію составныхъ звуковъ* въ употребленныхъ глаголахъ). „*Тихо* идешь — *бѣда* догонитъ, *шибко* пойдешь — *бѣду* догонишь“ Здѣсь удареніемъ логическимъ отмѣчены не только нарѣчія *тихо* и *шибко*, но и окончанія въ существительномъ „*бѣда*“, „*бѣду*“, для показанія, что при безпечности мы бываемъ несчастны не отъ себя (иниціатива принадлежитъ здѣсь дѣйствующему *подлежащему* „*бѣда*“), а при честолюбіи, непосѣдливости или жадности несчастіе и вѣрнѣе, и невыносимѣе, потому что тутъ мы уже его искали (*дополненіе* „*бѣду*“ есть предметъ, подвластный нами направленному сказуемому). Если даже понять эту пословицу нѣсколько иначе, именно въ смыслѣ *одинаковой* неизбѣжности горя и при безпечности, и при заносчивости, то и въ такомъ случаѣ удареніемъ, такъ сказать, самой мысли, или удареніемъ логическимъ выставится до нѣкоторой степени различіе между „*бѣда*“ и „*бѣду*“.

в) *Удареніе* называется *стихотворнымъ*, когда имъ обусловливается *ритмъ* (ср стр. 80, 81).

Само собою разумѣется, отмѣчать знакомъ (ˈ) можно только ударяемость *грамматическую* и *стихотворную;* логическая же ударяемость не можетъ быть отмѣчена подобнымъ знакомъ, потому что она заключается, какъ мы видѣли, и въ цѣлыхъ предложеніяхъ, и въ отдѣльныхъ слогахъ слова, (дѣлаетъ — *до*дѣлываетъ, *бѣда* — *бѣду*), которые нерѣдко лишены даже грамматическаго ударенія, т. е. всякаго сколько нибудь внятнаго повышенія голоса и всякой протяжности выговора (напр. въ „*до*дѣлываетъ“).

§ 31. Сумма способовъ составлять стихи (стр. 82) и распредѣлять ихъ на разряды, характеризуемые употребленіемъ этихъ способовъ, называется *версификаціею*, или *стихосложеніемъ*.

Версификація *видоизмѣняется* подъ вліяніемъ каждаго изъ *четырехъ* слѣдующихъ условій: *а*) въ данномъ языкѣ (какъ напр. въ греческомъ и латинскомъ) существуетъ дѣленіе *гласныхъ*, а слѣдовательно и слоговъ, на *долгіе* и

краткіе, отъ котораго часто зависитъ мѣсто ударенія въ словахъ *; *б*) между гласными *нѣтъ* ни долгихъ, ни краткихъ, и *удареніе постоянно* привязано къ извѣстному мѣсту въ словахъ **; *в*) между гласными также *нѣтъ* ни долгихъ, ни краткихъ, *но удареніе* не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ словахъ ***; *г*) при *отсутствіи* долгихъ и краткихъ гласныхъ и при *непостоянствѣ* мѣста уда-

---

* Наприм. если въ ἄνθρωπος вм. краткаго окончанія (ος) поставить долгое, (положимъ ω), то удареніе съ перваго слога перейдетъ на второй — ἀνθρώπῳ. Равнымъ образомъ въ fiërat — удареніе на первомъ слогѣ, а въ apportant на второмъ *потому* что въ fiërat предпослѣдній слогъ кратокъ, а въ apportant предпослѣдній слогъ дологъ Очевидно, стало быть, удареніе здѣсь зависитъ отъ долготы и краткости гласныхъ: напр. въ словахъ diei и fidei при незнаніи, что въ первомъ изъ нихъ *e* есть долгое, а во второмъ краткое, мы не знали бы также и мѣста ударенія; но зная долготу и краткость (изъ латинск. просодіи), мы уже *вѣрно* поставимъ удареніе, именно. diéi и fidei (т. е. на надлежащемъ мѣстѣ повысимъ голосъ, потому что ударенія по-латыни не принято отмѣчать знакомъ)

** Напр. во *французскомъ* языкѣ удареніе *постоянно* бываетъ на *послѣднемъ* слогѣ при окончаніи слова звучномъ (sonore), наприм ami, и на *предпослѣднемъ* при окончаніи слова нѣмымъ слогомъ (syllabe muette), напр. vertueuse.

*** Наприм. въ *русскомъ* языкѣ: 1)между *гласными* нѣтъ ни *долгихъ*, ни *краткихъ*, 2) удареніе не имѣетъ постояннаго мѣста въ словахъ, встрѣчается на разныхъ слогахъ, напр. о́сень, людей́, удивля́йтесь, переѣзжа́ли, изобличено́, недоговорена́, 3) если удареніе у насъ переходитъ въ какомъ нибудь словѣ съ одного слога на другой (напр. голова́, го́лову, голо́въ, отдала́, о́тдали, отда́йте), то переходъ этотъ не обусловленъ вліяніемъ гласныхъ, какъ напр. въ греческихъ ἄνθρωπος и ἀνθρώπῳ.

ренія въ словахъ, *ударяемые* слоги принимаются за *долгіе*, а *неударяемые* за *краткіе* *.

При первомъ условіи, версификація, усложненная взаимными отношеніями ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ къ слогамъ долгимъ и краткимъ, называется *метрическою* (отъ μετρον мѣра), или *стопочислительною* (§§ 32–37).

При второмъ условіи, т. е. при отсутствіи долгихъ и краткихъ гласныхъ и при неподвижности ударенія въ словахъ, версификація, не располагая средствами перестанавливать это удареніе, ограничиваетъ благозвучіе своего ритма опредѣленнымъ *числомъ слоговъ* въ стихахъ. Она называется *силлабическою* (отъ syllaba слогъ), или *слогочислительною* (§ 38).

При третьемъ условіи, т. е. при отсутствіи долгихъ и краткихъ гласныхъ и при непостоянствѣ удареній въ словахъ, версификація исключительно основывается на переливахъ удареній. Она называется *тоническою*, или *силочислительною* (отъ τονος сила, удареніе) (§§ 39—45).

При четвертомъ, наконецъ, условіи, версификація, участвуя во всѣхъ свойствахъ тонизма, расширяетъ ихъ въ себѣ чрезъ сближеніе свое съ метризмомъ, котораго долгіе и краткіе слоги она уподобляетъ своимъ слогамъ ударяемымъ и неударяемымъ. Этотъ видъ версификаціи мы называемъ *тонико-метрическимъ* (§ 46 и дал.).

§ 32. Въ отношеніи къ *метрической* версификаціи (§ 31), греческой и (копіи ея) латинской, слова состоятъ изъ

---

* § 46 и дал

долгихъ и *краткихъ* слоговъ, производимыхъ *гласными долгими, краткими* и *обоюдными*, т. е. такими гласными, которыя могутъ быть *иногда долгими, иногда краткими* *.

При опредѣленіи этой долготы и краткости, технически называемыхъ *количествомъ* слоговъ, за единицу принимается моментъ выговора краткой гласной, именуемый *протяженіемъ* (mora). Два такія протяженія соотвѣтствуютъ времени выговора одной *долгой* гласной, или другими словами: *время выговора одной долгой гласной равняется времени выговора двухъ краткихъ гласныхъ*, напр.

---

* Въ *греческомъ* языкѣ есть гласныя исключительно *долгія*, исключительно *краткія* и *обоюдныя*, или *общія*, т. е. такія, которыя могутъ быть то долгими, то краткими Краткія, наконецъ, *становятся долгими*, находясь напр. передъ двумя согласными и т. д. *Латинскій* же языкъ не имѣетъ ни исключительно долгихъ, ни исключительно краткихъ, а каждая въ немъ гласная можетъ быть и долгою, и краткою, смотря по своему мѣсту въ данныхъ условіяхъ, напримѣръ amā и pută; *o* обоюдно въ amo, sermo, и постоянно долгимъ является въ твор. пад lecto, tecto и т. д. *Безусловно долгими* бываютъ въ латинскомъ языкѣ только *двугласныя* и гласныя, образовавшіяся изъ *сліянія двухъ или болѣе звуковъ* (напр. въ cogo вм. coago, въ dīs вм. dris, въ malo вм. mavolo и т. д.). *Коротка почти всегда* (искл. напр. *e* передъ *i* послѣ глас въ 5-мъ склоненіи — diēi) гласная передъ другою гласною (напр. Deus, meo; причемъ *h* не раздѣляетъ двухъ гласныхъ — veho) Внѣ этого слѣдуютъ случаи долготы, краткости и обоюдности слоговъ, основанные на *употребленіи*. Такіе случаи приходится отдѣльно заучивать напередъ въ латинской просодіи: напр только изъ употребленія извѣстна *краткость* гласной въ *первомъ* слогѣ словъ avus, gravis, colo и т. д., или напр. *долгота* гласной *перваго* же слога въ словахъ pravus, dico, frater и т. д. Разумѣется, это послѣднее обстоятельство значительно затрудняетъ доступъ къ латинской просодіи и къ зависящей отъ нея версификаціи, сообщая обѣимъ характеръ искуственный и шаткій.

η=ε+ε. *Долгота* отмѣчается знакомъ —, краткость ⏑, обоюдность означается помѣщеніемъ одного изъ этихъ знаковъ надъ другимъ (⏒).

§ 33. Соединеніе двухъ, трехъ или четырехъ слоговъ, долженствующее повторяться въ стихахъ (§ 30), называется *стопою* (pes). Названіе здѣсь произошло отъ того, что это повторяющееся соединеніе слоговъ содѣйствуетъ ритму въ стихахъ, который соотвѣтствуетъ *такту* въ музыкѣ; а тактъ, какъ извѣстно, обозначаютъ обыкновенно отбоемъ *ноги (стопы)*. Отсюда иверсификацію метрическую, основанную на стопахъ, называютъ иначе *стопочислительною*, или *стопосложеніемъ*, хотя, собственно, и всякая другая версификація, понеобходимости связанная съ тактомъ и отбоемъ, слѣдовательно, такта ногою, должна была бы носить это же имя.

§ 34. *Стопы*, какъ члены, которыхъ, такъ сказать, *суставчатый* рядъ образуетъ собою стихъ, раздѣляются на *двусложныя*, *трехсложныя* и *четырехсложныя*. Виды стопъ, изображенные посредствомъ знаковъ долготы и краткости (§ 32), называются *фигурами*, или *схемами* стопъ.

Двусложныя стопы суть: 1) *ямбъ*, котораго схема: ⏑ –, напр. potens; 2) *хорéй*, или *трохéй* (схема: – ⏑, fortis); 3) *пиррíхій* (⏑ ⏑: bone) и т. д.

Трехсложныя стопы: 1) *дáктиль* (– ⏑ ⏑: omnia; 2) *амфибрáхій* (⏑ – ⏑: amare); 3) *анáпестъ* (⏑ ⏑ –: meditans; 4) *трибрахій* (⏑ ⏑ ⏑: domine) и т. д

Четырехсложныя стопы. 1) *дипиррихій* (⏑ ⏑ ⏑ ⏑: memoria); 2) *хоріямбъ* (– ⏑ ⏑ –: credulitas); 3) *пэонъ первый* (– ⏑ ⏑ ⏑:

historia); 4) *пэонъ второй* (⏑ – ⏑ ⏑: amabilis); 5) *пэонъ третіи* (⏑ ⏑ – ⏑: opulentus; 6) *пэонъ четертый* (⏑ ⏑ ⏑ –: celeritas) и т. д.

Читать стихи по стопамъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ метризма, называется „скандировать“ стихи.

§ 35. Не надобно думать, основываясь на приведенныхъ въ § 34 примѣрахъ, выполняющихъ отвлеченныя схемы, что для образованія стопы необходимо цѣлое слово, или что въ стихѣ бываетъ именно столько стопъ, сколько отдѣльныхъ словъ. Нѣтъ: начало и окончаніе стопъ могутъ и совпадать, и не совпадать съ началомъ и окончаніемъ словъ; напр. въ слѣдующемъ стихѣ Виргилія семь словъ, а стопъ только шесть:

Tityre, | tu patu|lae recu|bans sub | tegmine | fagi.

Примѣчаніе. Стопы, когда нужно опредѣлить ихъ или провѣрить, раздѣляются вертикальными чертами, какъ мы это сейчасъ сдѣлали въ приведенномъ стихѣ

Предѣлы стопъ, какъ сейчасъ было замѣчено, должны лишь изрѣдка совпадать съ началомъ и концомъ словъ. Постоянное ихъ совпаденіе уничтожило бы благозвучіе стиха, напр.

Nuper | quidam | doctus | versus | scribere | coepit.

Напротивъ, стихъ много выигрываетъ въ отношеніи къ благозвучію, если раздѣлятся въ немъ стопы между двумя словами такъ, чтобы послѣдній слогъ слова становился первымъ слогомъ стопы, напр.

Una sa|*lus* vic|*tis* nul|*lam* spe|rare sa|lutem.

Такія раздѣленія стиха, независимо отъ раздѣленій его на стопы, называются *цезурами.*

Знакъ *цезуры* есть ||.

Цезура имѣетъ различныя наименованія, смотря по своему отношенію къ долгому слогу и по мѣсту, занимаемому въ стихѣ.

Цезура на *долгомъ* слогѣ называется *мужескою*, на *краткомъ* — *женскою*, напр.

Муж. цез

Tityre, | tu patu|*lae* || rec|ubans sub|tegmine | fagi.

Женск. цез.

Falleret | inde | prensus || et|irreme|abilis | error.

Смотря по занимаемому ею мѣсту въ стихѣ, *цезура* называется:

а) *Полутретною*, $2^1/_2$ (trihemimeris), на первомъ слогѣ второй стопы, т. е. въ третьей полустопѣ, напр.

Arma vi|rum||que cano, Trojae qui primus ab oris.

б) $4^1/_2$-ною (penthemimeris), на первомъ слогѣ третьей стопы, т. е. на пятой полустопѣ, напр.

Мужеск.

Tityre, | tu patu|*lae* || recubans sub tegmine fagi.

Женск., послѣ 3-го трохея, напр

Orphei | Calio|*pea* || Li|no for|mosus A|pollo.

(ср. Arbori|busque co|*mae*..... Trudi|tur di|*es*.....).

в) $6^1/_2$-ною (hepthemimeris), на первомъ слогѣ четвертой стопы, т. е. на седьмой полустопѣ. (См. на стр. 90 въ послѣдней строкѣ)

г) $8^1/_2$-ною (enneĥemimeris), въ первой половинѣ пятой стопы, т. е. въ девятой полустопѣ, напр.

Ille la|tus nive|um mol|li ful|*tus* || hyacintho.

§ 36. Съ цезурою не слѣдуетъ смѣшивать такъ называемыхъ *діэрезъ*, т. е. раздѣленій стиха остановками голоса, совпадающихъ съ *окончаніемъ словъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ *стопъ*. Діэрезы:

а) послѣ первой стопы, напр.

Littora; | multum il|le et ter|ris jac|tatus et|alto.

b) послѣ второй стопы, напр.

Descen|*dens gener* | adver|sis in|structus E|ois.

c) послѣ третьей стопы:

Cui non | dictus Hyl|*as puer*, | aut Latonia Delos.

d) послѣ четвертаго дактиля (*„цезура буколическая“*):

Ambo | floren|tes ae|*tatibus*, | Arcades ambo.

e) послѣ пятаго дактиля:

At Bore|ae de|partetru|cis cum | *fulminat*; | et cum—

Цезуръ можетъ быть нѣсколько въ одномъ стихѣ, напр.

Non unquam || gravis aere domum || mihi dextra redibat.....
Daphnin || ad astra || feremus, || amavit nos quoque Daphnis.....
Una Eurusque, || Notusque || ruunt, || creberque procellis.

При двухъ или нѣсколькихъ цезурахъ, одна бываетъ *сильнѣйшая*, т. е. на ней долѣе, чѣмъ на другихъ сдерживется голосъ, наприм. въ стихѣ Formo|sam || reso|nare do|ces || Ama|ryllida | silvas двѣ цезуры—одна *сильнѣй-*

шая въ 4-й стопѣ (hepthemimeris), другая *слабая*, во 2-й стопѣ (trihemimeris)

Длинные *безцезурные* стихи лишены художественнаго благозвучія, напр.

In te | quae bona | sunt, ea | non male | ponere | debes....
Vestro, | Musae, | Phoebo | dulces | pangite | versus.

Примѣчаніе. Другія правила и особенности *метрической* версификаціи, вообще довольно сложныя и многочисленныя, могутъ быть изложены только для знакомящихся съ этою версификаціею прямо въ ея источникѣ — въ греческихъ и латинскихъ стихотвореніяхъ. Пособія: *Munk* Die Metrik d. Griechen und Romer. 1834. — *Freeze* Griech. — röm. Metrik. 1842 и т. д

§ 37. *Метрическую* версификацію считали свойственною *славяно-церковному* языку Лаврентій *Зизаній* и Мелетій *Смотрицкій*. Въ грамматикѣ того и другаго (въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст.) принимаются слоги *долгіе*, *краткіе* и *обоюдные*, какъ въ греческомъ яз., на основаніи прирожденной, по ихъ мнѣнію, долготы, краткости и обоюдности, въ славянскомъ языкѣ, гласнымъ. Именно, они считали *и*, *ъ* (вмѣстѣ съ нѣкоторыми двугласными и всѣми гласными, стоящими передъ двумя или многими согласными) за *долгія*, *е*, *о* за *краткія*, *а*, *і*, *ѵ* за *обоюдныя*. Въ силу таковой теоріи, очевидно не имѣющей никакого основанія въ славянскомъ языкѣ, Смотрицкій принимаетъ для послѣдняго чисто метрическія стопы.

Вотъ предлагаемые имъ, для образца, славянскіе метрическіе стихи:

Молю|, Іисѹ|се, ѡ|стави | мои | грѣхи.
(схема: ⏑–|⏑–|⏑–|⏑–|⏑–|⏑–)
Исти|ны даждь | ми | присно, Іи|сѹсе, лю|бовь
(схема: –⏑|–⏑|–|–||–⏑–⏑|–⏑–⏑|–⏑)
Пою | ти, Бла|годат|наѧ, | пѣснь, ра|дѹйся!
(схема: ⏑–|⏑–|⏑–|⏑–|⏑–|⏑–)

Теорія Зизанія и Смотрицкаго осталась безъ послѣдствій для русской версификаціи.

§ 38. Во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII стол. русскому языку старались присвоить *силлабическую* (§ 31) версификацію, по примѣру французскихъ и польскихъ стиховъ. Самый замѣчательный представитель у насъ этой версификаціи, несвойственной, впрочемъ, русскому языку, какъ и метрическая, былъ князь Антіохъ *Кантемиръ* (ум. въ 1744 г.). Вотъ для образца его стихи.

4-хъ сложн. Чис | ты | нра | вы
Суть пріятны
Царю славы и т. д.
6-ти сложн. Лег|ко | не|воз|дер|жный
Языкъ въ бѣду вводитъ.

Въ силлабической версификаціи играетъ важную роль *риѳма*, т. е. одинаковость окончаній въ стихахъ, напримѣръ.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ *доволенъ*,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ *воленъ*
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ *надежну*
Стезю добродѣтели къ концу *неизбѣжну*.

(Кантемиръ)

Слова «*риѳма*» (или «*рифма*»), „rime“ образовались чрезъ искаженіе слова „ритмъ“ (§ 30). Присутствіе послѣдняго вообще необходимо въ данной строчкѣ, для того чтобы она могла быть *стихомъ*. Въ силлабической версификаціи, лишенной многихъ условій метрическаго благозвучія, нужно прибѣгнуть къ *счету* слоговъ въ стихахъ, какъ къ единственному средству, обезпечивающему за такими стихами извѣстную симметрію въ ихъ сравнительной величинѣ. При важномъ здѣсь значеніи величины стиховъ, пригоднымъ оказывается *рѣзкое обозначеніе мѣстъ*, гдѣ одни изъ нихъ *оканчиваются*, а другіе начинаются, а такой цѣли какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ *риѳма*, именно: для показанія *предѣла*, до котораго стихъ долженъ былъ дойти и дѣйствительно дошелъ, чтобы выполнить собою отмѣренную ему слогочислительную протяженность, на исходѣ ея стиху дается *окончаніе* или *одинаковое*, или *приблизительно сходное*, по звукамъ, *съ окончаніемъ другаго стиха*. Примѣры „риѳмъ“ *одинаковыхъ:* роза, мороза; доска, тоска; „риѳмы“ *близкія:* ему, одному; вѣкъ, Олегъ; мною, землею; мглѣ, челѣ; туча, летучій и т. д.

„Риѳмы“ называются: *женскими*, если онѣ оканчиваются неударяемымъ слогомъ (напр. хозарамъ, пожарамъ), и *мужескими*, съ окончаніемъ ударяемымъ (напр. владыкъ, языкъ).

Примѣчаніе. Такъ-какъ риема чужда дошедшимъ до насъ стихамъ греческимъ и латинскимъ классическаго періода, то нѣкоторые, относя ея происхожденіе къ позднѣйшему времени, почитали ея изобрѣтателями провансальскихъ стихотворцевъ XI и XII

столѣтій. Другіе полагали, что стихотворцы эти переняли риѳму у аравитянъ, водворившихся въ Испаніи еще въ VIII стол Такія мнѣнія однако же невѣрны. Риѳмическія созвучія, — не говоря уже о ихъ пріятности для слуха, достаточно оправдывающей ихъ появленіе и существованіе,—какъ признаки симметріи между разными членами и отдѣлами художественно высказывающейся мысли, основаны на врожденной человѣку потребности въ мѣрѣ, въ возможномъ разграниченіи частей мыслимаго и чувствуемаго, между прочимъ, и ощутительными для *слуха* средствами. Поэтому-то риѳма, одно изъ такихъ средствъ, никѣмъ не изобрѣтена, а выведена, такъ сказать, изъ чувства мѣры, складности и соотвѣтствій, прирожденнаго человѣку. Извѣстно, что риѳма встрѣчается въ древнѣйшихъ произведеніяхъ стихотворства у китайцевъ, индѣйцевъ, аравитянъ и др.

Составляя, такимъ образомъ, почти насущную потрѣбность для стиховъ силлабическихъ, риѳма, въ силу указаннаго нами общаго ея значенія, далеко не пренебрегается тоническою версификаціею (§ 43) и неразлучимо сжилась съ версификаціею тонико-метрическою (§ 55).

Примѣчаніе 2. Подробно ознакомиться можно съ версификаціею силлабическою изъ *Quicherat* Traité complet de versification française. 1850

§ 39 Если, для достиженія стихотворной музыкальности, преобладающее значеніе дать повышеніямъ голоса на тѣхъ слогахъ, которые имѣютъ на себѣ стихотворное удареніе *(примѣч.* къ § 30), то ритмъ, происходящій отъ увеличенной такимъ образомъ важности стихотворнаго ударенія, называется *тоническимъ*, и вся система версификаціи, на немъ основанная—*тоническою*. Эта версификація, самая естественная и попреимуществу музыкальная, свойственна русскимъ народнымъ стихотвореніямъ, и потому мы будемъ ее разсматривать прямо въ заимствованныхъ оттуда образцахъ. Напр.

Голова́-ль ты моя, голо́вушка,
Голова́ ты моя, послу́шливая!
Послужи́ла ты, моя голо́вушка,
Ровно тридцать лѣтъ и три́ года.

Здѣсь, какъ мы видимъ, а) стихотворный ритмъ (§ 30) основанъ *не на стопахъ*, такъ-какъ для самаго уже образованія стопъ здѣсь недостаетъ одного изъ матеріаловъ стопы — природной *долготы* и *краткости гласныхъ* (§§ 31—34): слѣдовательно приведенные нами стихи не *метрическіе*. б) Стихотворный ритмъ основанъ въ нихъ *не на равносложности*, такъ-какъ въ первомъ изъ нихъ 10 слоговъ, во второмъ и третьемъ по 11, въ четвертомъ 9 слоговъ: слѣдовательно стихи эти *не силлабическіе* (§ 38). в) Стихотворный ритмъ въ нихъ видимо держится *повышеніями голоса*, дотого выдвигающими нѣкоторые слоги, что при этомъ *подавляется* выговоръ не только другихъ слоговъ, но даже цѣлыхъ словъ, напр. первое повышеніе голоса въ первой половинѣ перваго стиха подавляетъ вокругъ себя цѣлыхъ 5 слоговъ.

Тоническая версификація, которая охарактеризовалась существенными своими чертами въ приведенныхъ четырехъ стихахъ: 1) не имѣетъ въ своемъ распоряженіи стопъ, обусловливаемыхъ присутствіемъ (напр. въ греческомъ языкѣ) долгихъ и краткихъ гласныхъ; 2) такъ какъ ритмъ тоническаго стиха, сообщающій звуковую красоту послѣднему, не можетъ выдти изъ повиновенія одному изъ общихъ условій всякой красоты, состоящему въ *симметріи*, т. е. такъ-какъ понеобходимости должна быть извѣстная симметрія во взаимномъ разстояніи между

повышеніями голоса, а разстоянія эти въ стихѣ измѣряются чаще всего * числомъ промежуточныхъ слоговъ, то и тоническіе смежные стихи чаще всего бываютъ *равносложны:* но равносложность для нихъ далеко не такъ обязательна, какъ для стиховъ силлабическихъ (§ 38); 3) отличать слѣдуетъ отъ метрической стопы (§ 34) особымъ названіемъ сумму слоговъ или словъ, подавляемыхъ въ данномъ случаѣ тоническимъ удареніемъ; назовемъ ее (со включеніемъ въ нее, разумѣется, и слога ударяемаго) *тоническимъ періодомъ*.

§ 40. *Тоническое* удареніе *большею частью* совпадаетъ, въ нашихъ народныхъ стихахъ, съ *логическимъ (примѣч.* къ § 30), но *невсегда*, напримѣръ:

а) Ахъ ты со́лнце, ты солнце кра́сное!
Ты кчему́ рано за лѣсъ ка́тишься?
б) Ужь какъ па́лъ туманъ на синё море,
А злодѣй тоска въ ретиво́ сердце. ..
в) Ты ряби́нушка, ты кудря́вая,
Ты когда́ взошла, когда вы́росла? ** ...

---

* Мы говоримъ „чаще всего“, значитъ — *не всегда*, именно: иногда вм. слога можетъ быть пауза, напр.

Коли лу́чше меня найдешь, позабу́дешь, (12 слог.)
Коли хуже меня найдешь, | вспомянешь. (11 сл.)

Здѣсь отсутствіе равносложности въ обоихъ стихахъ вознаграждается во второмъ стихѣ паузою передъ „вспомянешь“.

** Мы, слѣдуя Сахарову (Сказ русск нар 1841, т. I, кн 3, стр. 203), принимаемъ въ этихъ стихахъ по 2 тоническихъ періода; но другіе дѣлятъ ихъ иначе, именно:

Если въ примѣрѣ подъ литерою *а* ударенія тоническія совпадаютъ съ логическими, то никакъ нельзя того же приписать и примѣру подъ литерою *б*, именно: передѣлавъ, для доказательства нашего замѣчанія, стихи въ прозаическую рѣчь, нисколько, разумѣется, не нарушая ни мысли въ нихъ, ни ея оттѣнковъ, получимъ: „на ретивое сердце пала злая тоска, какъ (или „когда“) туманъ палъ на сине море“. Очевидно, здѣсь логическому ударенію законное мѣсто—на словахъ взаимно противопоставляющихся (сердце—море; тоска—туманъ), а не на эпитетахъ, которые, какъ показываетъ контекстъ, не играютъ здѣсь видной роли въ предложеніи. Сравнительная незначительность, въ этой фразѣ, глагола „палъ“, а слѣдовательно и отсутствіе на немъ логическаго ударенія видны уже и изъ того, что онъ подвергся эллипсису при второмъ подлежащемъ (при „злодѣй-тоска“ только подразумѣвается этотъ глаголъ), а между тѣмъ на этомъ глаголѣ поставлено удареніе стихотворное. Наконецъ, второй стихъ въ примѣрѣ подъ литерою *в* показываетъ опять несовпаденіе ударенія стихотворнаго съ логическимъ. Что нибудь изъ двухъ: или тутъ имѣется въ виду время, и въ такомъ случаѣ логическое удареніе должно стоять на обоихъ „когда“, или тутъ взаимно противопоставляются только глаголы „взойти“ и „вырости“, и въ такомъ случаѣ логическое удареніе (совпадающее,

---

Ты рябѝнушка,
Ты кудря́вая и т. д.

Разумѣется, это не имѣетъ никакого вліянія на затронутый здѣсь вопросъ.

положимъ, съ грамматическимъ въ „выросла“) должно достаться глаголу „взошла“, а не нарѣчію времени.

§ 41. Числомъ тоническихъ удареній, подавляющихъ около себя нѣсколько неударяемыхъ слоговъ, указывается ритмъ даннаго стиха *. Ритмъ этотъ бываетъ:

А) въ *одно* тоническое ударение (или въ одинъ *темпъ*), образующее около себя одинъ тоническій періодъ:

Вѣдь твоя́ то мать
Мнѣ родна́я дочь,
Семи лѣ́тъ она,
Во поло́нъ взята .....

Б) Въ *два* тонич. ударенія, или въ *два* темпа:

Ахъ ты се́рдце мое, се́рдце,
Ретиво́е, молоде́цкое,
Къ чему ное́шь, заныва́ешь?....

В) Въ *три* тонич. ударенія:

Лѣса́ ли вы лѣсочки, лѣса те́мные.....

Г) Въ *четыре* тонич. ударенія (рѣдко):

Что есаулъ ходитъ по́ кругу, по донско́му, по яи́цкому.

§ 42. *Складъ* даннаго тоническаго стиха можно опредѣлить *счетомъ неударяемыхъ* (заглушаемыхъ) промежуточныхъ слоговъ *между тоническими ударе́ніями*, причемъ еще обращается вниманіе на *начало* и на окончание *стиха*.

---

* Въ пѣсняхъ, сказкахъ и т д

А) *Разстоянія* между тоническими ударенiями простираются отъ *одного* слога до *шести*, именно:

(1 сл.) Словно жáръ | го|рятъ... .

(2 и 3 сл.) Ты носи́, | *моя* | ду́шенька,
Что на пра́|*вой ли на* | ру́ченькѣ
Золотъ пе́рс|*тень со ал*|ма́зами.

(4 сл.) Ты дубро́|*ва моя ду*|бро́вушка,
Ты дубро́|*ва моя, зе*|ле́ная!.....

(5 сл.) Хорошо́ | *корабли изу*|кра́шены.

(6 сл.) Изъ сла́в|*наго города изъ* | Пско́ва.

Б) *Начинается* стихъ *чаще всего двумя неударяемыми слогами*, напр.

Не си|ди́, мой другъ, поздно вечеромъ.

Нѣсколько *рѣже* стихъ начинается *однимъ неударяемымъ* слогомъ, и еще рѣже прямо *ударяемымъ* либо *тремя неударяемыми*, какъ напр.

На|у́лицѣ то дождь, то снѣгъ ... .
Ча́|рочки по столику похаживаютъ.....
Я бы цвѣ|то́чковъ лазоревыхъ нарвала.

В) *Окончанія* въ этихъ стихахъ бываютъ:

а) съ удареніемъ на *послѣднемъ* слогѣ:

А мнѣ молодцу тош|*нѣй* . .

б) Съ удареніемъ на *предпослѣднемъ* слогѣ:

Ахъ, кабы на меня да не кру|*чи́на*!

в) Съ ударенiемъ на *третьемъ* слогѣ *съ конца* (самое употребительное окончаніе):

Ахъ мóлодость, | *мóлодость!*
Чѣмъ то вспомя|*нýть тебя!*
Вспомянýю я | *мóлодость*
Тоскóю кру|*чи́ною.*

г) Съ ударенiемъ на *четвертомъ отъ конца* слогѣ:

Ясны очи за|*гля́дчиваты!*

д) Съ ударенiемъ на *пятомъ отъ конца слогѣ:*

Хлеснулъ его шелепутою по | *бу́йной головѣ....*

§ 43. *Рифма*, которая составляетъ весьма важную принадлежность силлабической версификацiи (§38), встрѣчается и въ народныхъ нашихъ стихотворенiяхъ:

Ведерцы дубо*вы*,
Обручья кедро*вы*.....
Коромысло гне*тся*,
Сверху вода *льется*....

Триста жеребцовъ испуга*лися*,
Съ княженецкаго двора разбѣжа*лися*.....
Бѣлодубовы столы пошата*лися*,
Что питья медвяныя восплеснu*лися*....
А и тутъ змѣй Горыничъ хвостъ по*джалъ*
Да и вонъ побѣ*жалъ*.....

§ 44. Къ числу прiемовъ, облегчающихъ технику народнаго стиха, принадлежатъ:

а) *Неодинаковость* грамматическаго *ударенiя* на одной и той же формѣ нѣкоторыхъ словъ, напр.

дѣвица и дьви́ца:

Красна *дѣвица* душа не для утѣшенья,
Все для слезъ же меня молодца полюбила....
Ты душа-ль красна *дьви́ца*,
Ты названная сестрица....

дѣвицъ и дьви́цъ:

Ахъ горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной *дѣвицъ*. .
А мнѣ молодцу тошнѣй
По душѣ-ль красной *дьви́цъ*,
По названной-ли сестрицѣ ...

серебро́ и се́ребро:

По ночамъ они ходили,
Они окны выбивали,
Брали жемчугъ, *серебро́*. ..
И я золото хороню, хороню,
Чисто *се́ребро* хороню, хороню.....

б) *Смѣшанное* употребление этимологическихъ формъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ, то краткихъ, то удлиненныхъ, смотря по запросу стихотворнаго склада, напр.

Заказалъ всѣмъ тужи*ть* и плака*ти*.....
Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новы*я* хожу....
Ахъ и по морю, ахъ и по морю,
Ахъ по морю синему. .
Онъ кровь пустилъ по синю морю....
Еще во лузяхъ, во зелены*хъ* лузяхъ... .
И я молодова на смерть не люблю:
Со млады*имъ*, со млады*имъ*,

Со *младыимъ* гулять не пойду.....
Туто ходитъ Марьина протомойница,
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Тутъ она и сказалась имъ. ...
Околъ Дону, околъ Дону,
Околъ тихаго Дуная.

в) ***Пропускъ*** гласныхъ, несовмѣстимыхъ со складомъ стиха, напр.

Вертено (вм. веретено) изъ рукъ валится,
Мочки клочу, не чешу...

г) ***Прибавка*** и *повтореніе* частицъ, не требуемыхъ контекстомъ фразы, а только удовлетворяющихъ нуждамъ склада, напр.

У заѣзжаго добраго молодца
Что болитъ его буйная головушка....
На томъ, *на* крутомъ, *на* красномъ бережкѣ.....
Съ иной женой, *съ* смертью раннею....
За сине море, *за* соленое. ..
Онъ бралъ ее за руки, *за* бѣлыя,
За тѣ *же* перстни злаченые....

§ 45. Многія пѣсни въ нашей народной поэзіи, особенно отличающіяся живымъ, быстрымъ напѣвомъ и, въ отличіе отъ пѣсенъ „заунывныхъ“, или „протяжныхъ“, называемыя *хороводными*, *плясовыми*, *святочными* и т. д., состоятъ изъ стиховъ, сгруппированныхъ въ небольшія *строфы*, или *куплеты*.

Чаще другихъ встрѣчаются слѣдующіе виды куплетовъ:

а) За двумя стихами слѣдуетъ припѣвъ („Ой люли!“ „Люшеньки люли!“ „Ля ли! лили!“ „Ой жги!“ „Ой дидъ

ладо!“ „Дунай мой, Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай!“ и т. д), за которымъ повторяется второй стихъ, напр.

Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ,
Опоясочка-то шолковая!
Ой жги! ой жги! говори!
Опоясочка-то шолковая!

Иногда за двумя, почти одинаковыми, стихами слѣдуетъ двойной припѣвъ, или за однимъ стихомъ — простой припѣвъ, или за двумя стихами пѣсни—два стиха неизмѣняющагося припѣва, напр.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!....
Ахъ утушка луговая,
Люли, люли, луговая!
Молодушка молодая,
Люли, люли, молодая!. ...
Ты поди моя коровушка домой,
Пропади моя головушка долой,
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода малинка моя!

б) Повторяются первыя слова каждаго стиха или обѣ его половины по 2, по 3 раза и болѣе, напр.

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Еще во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ,
Еще во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ!
Выросла, выросла,
Выростала трава шолковая,
Выростала трава шолковая ...

Отъ горницы, отъ горницы,
Да и до горницы
Лежатъ брусья, лежатъ брусья,
Неотесанные, неоскобленные....

и т д

§ 46. Если смотрѣть на тоническій стихъ, какъ на сочетаніе *стопъ* (§§ 33, 34), а не *тоническихъ періодовъ* (§ 39), принимая за основаніе этихъ стопъ удареніе вмѣсто долготы, характеризующей стопы метрическія (§§ 32, 34), то это даетъ начало особенной системѣ стихосложенія, которую слѣдуетъ назвать *тонико-метрическою* (§ 31). Она не есть метрическая, потому что послѣдняя строитъ стопы изъ долгихъ и краткихъ слоговъ; она и не тоническая, потому что послѣдняя, ограничиваясь службою ударенiй, не знаетъ никакихъ стопъ (§§ 39—45).

§ 47. Въ сущности *долгота* и *краткость* слоговъ, т. е. два вида въ степени *протяжности* ихъ выговора, совсѣмъ не то, что ихъ *ударяемость* и *неударяемость*, т. е. два вида въ степени *напряженности* ихъ выговора. Можно данный слогъ выговаривать протяжно безъ повышенія голоса, и наоборотъ — непротяжно (кратко), но съ повышеніемъ голоса. Попробуйте вслухъ прочесть монотонно, сплошь одинаковымъ голосомъ, нѣсколько стиховъ сряду, протягивая выговоромъ одни слоги болѣе, чѣмъ другіе, потомъ тѣ же стихи прочтите не монотонно, а какъ бы вскрикивая слегка (возвышая голосъ) на нѣкоторыхъ слогахъ, и этотъ опытъ покажетъ разницу, съ одной стороны, между долготою и ударяемостью, съ другой — между краткостью и неударяемостью слоговъ.

Спрашивается: на какомъ основаніи позволяется счи-

тать это различіе несуществующимъ? Другими словами: до какой степени законно перенесены, у нѣмцевъ и потомъ у насъ, въ тоническую версификацію схемы версификаціи метрической (§ 34)?

Для показанія, что при всемъ различіи долготы отъ ударяемости, между ними есть однако же аналогія, подавшая поводъ смѣшать тоническія схемы съ метрическими, позволимъ себѣ прибѣгнуть къ сравненію: произношеніе слоговъ попеременно то протяжнѣе, то сокращеннѣе (по долготѣ и краткости слоговъ) соотвѣтствуетъ такой ходьбѣ, въ которой *одинъ шагъ длиннѣе другаго;* произношеніе же слоговъ голосомъ, попеременно повышающимся и понижающимся (по ударенію, или тону), соотвѣтствуетъ ходьбѣ, сопровождаемой *прыжками.* Далѣе: всякій шагъ, въ ходьбѣ, неразлученъ съ небольшимъ прыжкомъ (иначе подошва двигалась бы только горизонтально, тащилась бы по землѣ); но на той степени движенія, на которой шагъ называется уже прыжкомъ попреимуществу, *усиліе* мускуловъ бываетъ, разумѣется, значительнѣе, чѣмъ тогда, когда оно производитъ только простое шаганье: равнымъ образомъ необходимо бо́льшее *усиліе* мускуловъ для удлиненія шага, противъ другаго шага, кратчайшаго. Словомъ: при различіи удлиненнаго шага отъ прыжка (первый вдаль, второй вверхъ), они сходны между собою настолько, насколько для обоихъ равно необходимо *усиліе.*

Все это можно примѣнить и къ разрѣшенію занимающаго насъ вопроса объ отношеніи *долготы* слоговъ къ *ударяемости* ихъ, именно: для удлиненнаго произношенія какого-либо слога необходимо *усиліе* гортани, бо́льшее

противъ требуемаго произношеніемъ того же слога неудлиненнымъ, и *усиліе* же гортани необходимо для повышенія произносимаго слога передъ слогомъ, не требующимъ этого повышенія въ голосѣ. Вотъ на основаніи-то принадлежности, протяженному и повышенному произношеніямъ слоговъ, одинаковаго условія, т. е. *усилія*, и позволительно принимать одно за другое въ образованіи стиха, т. е. позволительно, или по крайней мѣрѣ извинительно, обходить различіе между тоническимъ періодомъ (§ 39) и метрическою стопою (§ 34), какъ это дѣлаютъ нѣмцы съ начала XVII вѣка, и какъ это дѣлаемъ мы со временъ Тредьяковскаго и Ломоносова.

§ 48. Возстановивъ смыслъ аналогіи между версификаціями метрическою и тоническою, мы видимъ, что позволительно, не выходя изъ его предѣловъ, 1) называть *стопами* части, изъ которыхъ сочленяются русскіе литературные стихи, и 2) стопы—изображать, аналогически, схемами метрическаго стихосложенія (34), съ замѣною лишь знака *долготы* (—) знакомъ *ударенія* (′), и знака *краткости* (⏑) *нулемъ*, показывающимъ *отсутствіе ударенія* (см. § 50).

§ 49. Версификація эта усвоена русскому литературному стиху *Ломоносовымъ* съ 1739 года, хотя *Тредьяковскій* еще въ 1735 г. не только печатно высказывалъ мысль о ней, но и старался, не совсѣмъ безуспѣшно, примѣнить ее къ своимъ „пиитическимъ“ опытамъ.

Въ отношеніи къ ударяемымъ и неударяемымъ слогамъ держатся здѣсь слѣдующаго правила: односложныя

слова принимаются то за ударяемыя, то за неударяемыя, смотря по надобности: напр. у Пушкина:

Тогда лѣнюсь я веселѣе (*я* безъ удар.)
Въ странѣ, гдѣ *я* забылъ тревóги прéжнихъ лѣтъ (*я* съ удар.)
Когдá же волны *пó* брегàмъ (*по* съ удар.)
И громъ гремúть *по* нéбесáмъ (*по* безъ удар.)
Князь пó полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ (*князь* безъ удар.)
И вскрúкнулъ внезáпно ужаленный *кнáзь* (*князь* съ удар.) и т. д.

Сюда же примыкаетъ присвоеніе ударенія неударяемымъ слогамъ, при дѣленіи стиха, преимущественно на ямбическія и хореическія стопы (§ 34), напр.

Цыгá|на дú|кагó | разскáзъ
(Пушкинъ)

Тя́нетъ | мéдлен|нó дру|гóй.
(Пушк.)

Примѣчаніе. Ударенія, присвоиваемыя, въ видѣ стихотворной вольности (§77), неударяемымъ слогамъ, произносятся *весьма слабо*.

Механизмъ составленія стиховъ значительно облегчается этою свободою обращенія съ удареніемъ, равно какъ и *инверсіею*, т. е размѣщеніемъ словъ, отступающимъ отъ обыкновеннаго: *

Скользимъ мы *бездны на краю*.
(Держ.)
вм. *на краю бездны* (ср. стр. 73).

---

* Одна изъ особенностей *тонической* версификаціи, въ нашихъ народныхъ стихотвореніяхъ, противъ версификаціи тонико-метрической, заключается въ томъ, что первой несвойственна *инверсія*.

Встрѣчаются, особенно у старинныхъ нашихъ стихотворцевъ (Ломоносова, Сумарокова, Державина, Озерова), иногда легкія неправильности грамматическія, оправдываемыя угожденіемъ стихотворному размѣру и вообще называемыя *стихотворными вольностями* *, напр.

Близъ града твоего дозволь въ уединеньи
Сокрыть мою печаль, бѣды и преступленьи.
(Озеровъ)

Здѣсь стихотворецъ позволилъ себѣ употребить „преступленьи (вм. преступленья или *нія*) для риѳмы съ окончаніемъ предыдущаго стиха.

§ 50. Тонико-метрическія *стопы* (§ 47), сочленяемыя единствомъ ритма (§ 30) въ данный стихъ, состоятъ изъ слоговъ, числомъ отъ двухъ до четырехъ (ср § 34)

Двусложныя стопы суть: 1) *хорей* (′о), напр. Пу́шкинъ; 2) *ямбъ* (о′), напр. Кольцо́въ; 3) *пиррихій* (оо), напр. Ломоно́сов|*ская* (см. *прим.* 3 къ § 51).

Трехсложныя стопы:

1) *Дактиль* (′оо), напр. Ле́рмонтовъ; 2) *анапестъ* (оо′), напр. Карамзи́нъ; 3) *амфибрахій* (о′о), напр. Жукóвскій; 4) *трибрахій* (ооо), напр *доисто*|ри́ческое (*прим.* 3 къ § 51).

Четырехсложныя стопы: 1) *пэонъ первый* (′ооо), напр. Жа́довская; 2) *пэонъ второй* (о′оо), напр. Одóевскій; 3) *пэонъ третій* (оо′о), напр. Ломоно́совъ; 4) *пэонъ четвертый*

* Ср. *Примѣч* къ § 27 и § 77

(ooo′), напр. Ростопчина́; 5) *хорія́мбъ* (′oo′), напр. всѣхъ удиви́лъ.

§ 51. Наименьшее и наибольшее число стопъ въ стихѣ содержится между 1 и 7. Причемъ надобно замѣтить, что одностопные стихи вообще попадаются рѣдко, и большею частью только въ соединеніи съ другими, длиннѣйшими стихами.

А) *Ямбы:*

1-стопн.

Шуми́тъ,
Бѣжи́тъ.
(Пушкинъ)

2-стопн.

Гдѣ нѣ́тъ | сго́,
Тамъ всѐ́ | мертво́,
Мнѣ дѐ́нь | не ми́лъ
И ми́ръ | постылъ
(Веневитиновъ)

3-стопн.

Оди́нъ | толпо́й | врагóвъ.
(Батюшковъ)

4-стопн.

Глаго́лъ | времѐ́нъ | мета́л|ла звóнъ.-.
(Державинъ)

5-стопн.

Давно́ль | онъ сло́|вомъ пла́|менны́мъ | ка|ра́лъ?
(Плещеевъ)

---

* Съ употребляемою здѣсь вертикальною чертою, для разграниченія стопъ, мы уже знакомы изъ § 35

6-стопн.

Будь ка́ж|дый зву́къ | хвала́, | будь ка́ж|дый хо́лмъ | алта́рь
(Жуковскій)

7-стопн *

Бі́нь|е се́рд|ца, гру́сть | видна́ | въ оча́хъ | царя́ | суро́|ва **
(Державинъ)

Б) *Хореи:*

2-стопн.

Хладенъ|, свѣтелъ
Де́нь прос|ну́лся.
Ра́нній | пѣ́телъ
Встре́пе|ну́лся.
(Тютчевъ)

6-стопн.

Бы́ть е|му́ въ Па|ри́жѣ. | та́къ судь|ба́мъ у|го́дно.
(Некрасовъ)

В) *Дактили:*

3-стопн

Съ тре́петомъ | мы́сль прекло|ня́ется.
(—р—)

6-стопн.

Вье́тся кру|га́ми зми|я́ по тра|вѣ́ обно|ви́вшись въ раз|сѣ́линѣ.
(Ломоносовъ)

В) *Анапесты*

1-стопн.

На поля́хъ
Еще тѣ́нь,

---

* Ямбическіе стихи такой длины, весьма рѣдкіе у старинныхъ нашихъ поэтовъ, у новѣйшихъ совсѣмъ не встрѣчаются.

** См. *прим.* 1 къ§ 57.

Вижу дéнь
На горáхъ.
(Щербина)

4-стопн.

Не гуля́лъ | съ кистенёмъ | я въ дрему́ | чемъ лѣсу́ *.
(Некрасовъ)

Д) *Амфибрахіи:*

2-стопн.

Я въ у́жа|сѣ вѣщемъ.
(Дмитріевъ)

3-стопн.

Опя́ть е|го се́рдце | трепе́щетъ.
(Лермонтовъ)

6-стопн.

Пото́мъ вос|пѣва́етъ | пѣве́цъ какъ | Арги́вцы | въ жела́нно|е вре́мя
Исто́рглись | изъ хи́трыхъ | закле́повъ |, изъ во́льна|го плѣна... .

Е) *Пэоны:*

2-й:

Косма́таго | , рога́таго **.
(Дельвигъ)

3-й:

Лучше ку́ко|ля пшени́ца **.
(Мей)

---

* Ср. § 30, *б*.

** Непризнающіе *пэоновъ* въ новѣйшемъ русскомъ стихотворствѣ должны приводимые нами здѣсь стихи рубить на ямбы и хореи слѣдующимъ образомъ, крайне непріятнымъ для слуха.

„Косма́|таго́|, рога́|таго́“; „Наé|динѣ | съ тобо́|ю бра́тъ“, „Лу́чше| ку́ко|ля́ пше|ни́ца“. Послѣ этого стихъ, напр. Пушкина *(въ Нулинѣ)* „И мамзель Марсъ, увы! старѣетъ“ придется обезобразить слѣдующимъ ямбическимъ чтеніемъ: „И мам|зель Ма́рсъ|, увы́!|старѣетъ“, мѣжду тѣмъ какъ по *пэону* 4-му, ямбу и амфибрахію стихъ этотъ естественно выходитъ: „И мамзель Ма́рсъ | увы! | старѣетъ“.—Нѣкоторые разрѣшаютъ это затрудненіе пиррихіями и трибрахіями; см. напр. Русск. стихосл. *Перевлѣскаго*, 1853, стр. 17 и 18

4-й:

Наединѣ | съ тобою, брáтъ

(Лермонтовъ)

Примѣчаніе 1. У насъ столько же легко, сколько естественно избѣгаются хореи и ямбы, если ихъ читать по пэонамъ, напр

Птичка бóжі|я не знáетъ (два пэона 3)
Ни забóты | ни трудá, (пэонъ 3 и анапестъ)
Хлопотли́во | не свивáетъ (два пэона 3)
Долговѣчна|го гнѣздá. .. (пэонъ 3 и анапестъ)
Глаголъ времéнъ | металла звóнъ! (два пэона 4)
Твой страшный глáсъ | меня смущá|етъ (два пэона 4, съ лишн. слог. женск. риемы).

Ж) *Хоріямбы.*

1-стопн.

Снóва дышý.

(Дельвигъ)

2-стопн.

Тьмá отъ челá, | съ пóсвиста пы́ль.

(Державинъ)

Примѣчаніе 2 Чтобы опредѣлить ритмъ, т. е. качество стопъ въ данномъ стихѣ, нужно прежде всего отмѣтить въ немъ тоническія, т, е. стихотворныя ударенія (§ 30 *примѣч.*). Потомъ слѣдуетъ отыскать, какъ относятся къ этимъ удареніямъ неударяемые слоги, т е предшествуютъ они ударяемымъ (ямбъ, анапестъ, три послѣдніе пэона), или неударяемые слѣдуютъ за ударяемыми (хорей, дактиль, пэонъ первый), или ударяемый слогъ обставленъ неударяемыми (амфибрахій), или два неударяемые обставлены ударяемыми (хоріямбъ)

Примѣчаніе 3. Если стихъ состоитъ изъ одного только слова, какова бы ни была длина послѣдняго, для опредѣленія въ немъ ритма, слѣдуетъ примѣнять къ нему схемы стопъ, начиная съ кратчайшихъ (съ двусложныхъ, напр см. выше А) и доходя до длиннѣйшихъ, т. е. четырехсложныхъ (см. выше Е, Ж) Если же и послѣ этого остаются еще неударяемые слоги, то слѣдуетъ

примѣнять къ нимъ пиррихій и трибрахій, которые преимущественно (§ 50) для этого употребленія и существуютъ у насъ. Напр. положимъ, встрѣтится стихъ, состоящій изъ одного длиннаго слова —„переименованіями“. Спрашивается: какъ подвести это слово подъ стихотворныя схемы? Для этого въ немъ прежде всего нужно отдѣлить число слоговъ съ однимъ ударяемымъ, соотвѣтствующее длиннѣйшей изъ нашихъ однотонныхъ * стопъ, именно которому-нибудь изъ пэоновъ, а остальные расчислить на брахическія стопы, именно, или

пере|имено|ва́ніями (пиррихій, трибрахій, пэонъ 1-й)
или. переи|менова́н|ями (трибрахій, пэонъ 3-й, пиррихій)
или пере|именова́|ніями (пиррихій, пэонъ 4-й, трибрахій)
или пере|име|нова́н|ями (два пиррихія, амфибрахій, пиррихій).

Конечно, мы не беремся отыскать у нашихъ поэтовъ примѣръ съ такимъ длиннымъ словомъ, какое мы сейчасъ привели. Но вѣдь поэтъ, вслѣдствіе принадлежащей ему свободы, можетъ употреблять слова какой ему угодно длины: стало быть, съ нашей стороны отнюдь не было излишнимъ указать, какъ нужно смотрѣть на это съ точки зрѣнія версификаціи.

§ 52. Стихи можно разсматривать, для раздѣленія ихъ на разряды, двоякимъ образомъ: А) *отдѣльно* и Б) въ *совокупности*.

А) *Отдѣльно* отъ другихъ разсматриваемый стихъ можетъ быть: а) *однородный*, т. е. сплошь составленный изъ одинаковыхъ стопъ, какъ это мы видѣли въ стихахъ, приведенныхъ въ § 51; б) *разнородный*, т. е образовавшійся изъ стопъ различныхъ, напр

Ду́малъ я | го́рькую | ду́му.

(Некрасовъ)

Бу́дешь у|мы́ уловля́ть | бу́дешь по|мо́щникъ царямъ.

(Пушкинъ)

* Хорiямбъ — *двутонная*, т. е. съ двумя ударенiями стопа

Въ ме́бельной | лавчо́нкѣ | съ старомо́д|нымъ хла́момъ.
(Майковъ)

Здѣсь въ первомъ примѣрѣ два дактиля и хорей, во второмъ — два дактиля и два хоріямба, въ третьемъ — дактиль и анапестъ съ двумя амфибрахіями.

Б) Если разсматривать стихи въ ихъ взаимной совокупности, сравнивая ихъ между собою, то они оказываются: а) *одинаковыми* и b) *различными*.

Одинаковость и различіе стиховъ, сравниваемыхъ между собою, основываются на ихъ: α) *качествѣ* и β) *количествѣ*. *Качественно одинаковы* между собою стихи или потому, что они однородны (напр. нѣсколько стиховъ хореическихъ, ямбическихъ и т. д.), или потому, что они одинаково разнородны (напр. вспломь дактилохореи и т. д.)

Качественно же *различны* между собою стихи, напр. въ слѣдующемъ видѣ:

Бу́дь намъ за|стпу́никомъ,
Вѣ́рнымъ со|пу́тникомъ,
На́съ провожа́й.
(Жуковскій)

Здѣсь 1-й и 2-й стихи *одинаковы по качеству*, т. е. оба составлены изъ *дактилей*, а 3-й стихъ *различается* отъ нихъ *качественно*, такъ-какъ онъ состоитъ изъ *хоріямба* (ср. ниже *примѣч.* 1 къ § 57).

β) *Количественно одинаковы* между собою такіе стихи, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ себѣ одинаковое число стопъ, однородныхъ или разнородныхъ, напр.

Въ чи́стомъ | по́лѣ | по́дъ ра|ки́той
Богатырь лежитъ убитый.

(Пушкинъ)

О́кна рас|тво́ришь
Ти́хо и | чу́тко. *(Фетъ)*

Стихи эти равноколичественны и равнокачественны: первые два состоятъ изъ 4 хореевъ, а изъ послѣднихъ двухъ каждый состоитъ изъ дактиля и хорея.

Гнѣвъ твой у|жа́сенъ,
И са́мъ я | бою́сь... .

(Фетъ)

Стихи эти тоже равноколичественны, хотя они и разнокачественны (1-й — дактиль съ хореемъ, второй — амфибрахій съ ямбомъ).

Количественно различны между собою стихи, состоящіе изъ неодинаковаго числа стопъ, напр.

И сво|его | верблю|да велъ
Степной | купецъ,
Гдѣ ны|нѣ мчит|ся лишь | Эолъ,
Небесъ | жилецъ.

(Пушкинъ)

Здѣсь равноколичественны стихи только первый съ третьимъ (по 4 ямба) и второй съ четвертымъ (по 2 ямба).

Разноколичественные (каковы сейчасъ приведенные стихи Пушкина) и разнокачественные * стихи, входящіе

---

* Каковы между приведенными стихами Фета:

Гнѣвъ твой уж. сенъ,
И самъ я боюсь.....

въ составъ какого нибудь стихотворенія, называются *смѣшанными*. Разноколичественные стихи называются еще „вольными“.

Соединять *смѣшанные* стихи, въ какомъ угодно видѣ, безусловно предоставляется на усмотрѣніе поэта (примѣры тому см. въ *баснях*ъ Хемницера, Крылова и т. д., въ стихотвореніяхъ Фета: „Вечера и ночи“, „Посейдонъ“ и у мног др.).

§ 53. Длинные стихи (6—5 стопн.) нельзя читать безъ остановокъ голоса, или *паузъ*. Эти паузы въ нашей нынѣшней версификаціи вообще называются *цезурою*, чрезъ что „цезура“ въ тѣсномъ смыслѣ (§ 35), т. е. остановка голоса въ *срединѣ* стопы, неправильно смѣшивается съ *діэрезою* (§ 36), т. е. съ остановкою голоса въ *концѣ* стопы Напр. въ слѣдующихъ 4-хъ стопахъ Пушкина собственно цезура находится только въ 1-мъ и 4-мъ стихахъ, а во второмъ и третьемъ, именно послѣ 3-й и 2-й стопы, поставлена *діэреза:*

Урну съ во|дой уро нивъ, || объ у|тесъ ее | дѣва раз|била. .
Теперь | моя | пора, || я не | люблю | весны .
Разго|рѣлись || снова | въ немъ же|ланья....
Ѣздитъ | онъ || по | бере|гу Мо|равы...

Чтобы не разойтись, впрочемъ, съ укоренившимся уже у насъ на счетъ этого обычаемъ, мы также подъ общимъ именемъ *„пересѣченія“* будемъ разумѣть и *цезуру* и *діэрезу*.

Примѣры пересѣченій:

Октябрь | ужь на|ступилъ ||, ужь роща отряхаетъ
Послѣд|ніе | листы || съ нагихъ своихъ вѣтвей
(Пушкинъ)

Тутъ при|шла раз|вязка | круто измѣнился
Докторъ|-спеку|ляторъ: || деспотомъ явился!
Деньги|, бриллі|янты || — все спустилъ въ аферы.
(Некрасовъ)

На пир|шествахъ ||, въ спокойствіи семей,
Предъ ал|таремъ ||, въ обители царей,
Всядѣ !, о вождь ||, тебѣ благословенье.
(Жуковскій)

Смѣшеніе у насъ діэрезы съ цезурою дастъ большую свободу въ употребленіи ихъ. Несмотря однако же на эту свободу въ отношеніи къ мѣсту пересѣченія въ стихахъ, послѣднее не должно находиться на предлогахъ, союзахъ и т. д. какъ напр.

И нашихъ силъ противъ || ордынскихъ не поставилъ.
(Херасковъ)

Могуль я вѣрить, что || ты будешь мнѣ вѣрна?

§ 54. Изъ многочисленныхъ видовъ *разнороднаго* (§ 52) стиха, только два имѣютъ у насъ особенныя названія, взятыя изъ версификаціи метрической и силлабической: мы разумѣемъ *шестистопный дактило-хорей*, называемый *гекзаметромъ*, и *шестистопный ямбъ*, соотвѣтствующій 12-тисложному силлабическому стиху *, по имени послѣдняго прозванный *александрійскимъ*, или *героическимъ* **.

---

* См. Версификація. 1863. Спб § 20.

** См. выше въ § 51 шестистопный ямбъ. Ср. съ нимъ
Te chante ce héros qui régna sur la France.
(Voltaire)

Шестистопный дактило-хорей. или *гекзаметръ*, усвоенный русскому стихосложенію Тредьяковскимъ, усовершенствованъ Гнѣдичемъ и Жуковскимъ.

Въ чистомъ своемъ видѣ представляясь сочлененіемъ 5 дактилей съ хореемъ, онъ разнообразится употребленіемъ хорея вм. дактиля въ третьей стопѣ, рѣже въ четвертой, и еще рѣже въ первой и второй.

Образчики нашего нынѣшняго *гекзаметра:*

1) 5 дактилей, шестой хорей:

Гнѣвъ, о бо|ги́ня, вос|пой Ахил|ле́са, Пе|лéева | сы́на.

2) 4 дактиля и два хорея:

а) Гнѣвъ, бо|ги́ня, вос|пой Ахил|ле́са Пе|ле́ева | сы́на.
б) Дій же о|тецъ отъ О|ли́мпа | гро́мы низ|ве́ргнулъ на | зе́млю

3) 3 дактиля и три хорея:

а) Ко́ни по|слу́шные | бы́стро | мча́тся | съ гро́знымъ воз|ни́цей.
б) Онъ васъ | съ свѣтлаго | не́ба | въ тартаръ низ|ри́нетъ глу|бо́кій

4) 2 дактиля и четыре хорея:

а) Легкіе | ко́ни | ска́чутъ | бы́стро | рвы́ проле|та́я.
б) Бы́стро | ко́ни | по́лемъ | пра́хъ возды|ма́я не|су́тся.

5) Одинъ дактиль и пять хореевъ:

Во́лны | мо́ря | вста́вши | съ ре́вомъ | хле́щутся | въ бе́регъ.

Постоянны здѣсь стопы: 5-я — *всегда дактилическая*, и 6-я — *всегда хореическая*.

Пересѣченіе въ нашемъ гекзаметрѣ чаще всего ставится въ третьей стопѣ, напр.

Такъ онъ въ сле|захъ вопі|ялъ ||, и | слышала | вопль его | матерь.
(Гнѣдичъ)

Вышла изъ | мрака мла|дая || съ перс|тами пур|пурными | Эосъ
(Жуковскій)

Рѣже встрѣчается пересѣченіе въ четвертой стопѣ, сопровождаясь обыкновенно другимъ, слабѣйшимъ пересѣченіемъ во 2-й стопѣ, напр

Другомъ вле|комъ, || ужь поч|ти уле|тѣлъ || отъ вра|говъ Абба|дона
(Жуковскій)

Еще рѣже—пересѣченія: тройное и въ первой стопѣ, напр.

Нашихъ бы|ковъ || и ба|рановъ || и | козъ || от|кормленныхъ | рѣзать.
(Жуковскій)

Всѣ ужь другіе погибели вѣрной избѣгшіе были
Дома ||, из|бѣгнувъ и | брани и | моря ||, е|го лишь раз|лукой
(Жуковскій)

Образчики *гекзаметровъ Тредьяковскаго:*

Здѣсь вели|чáясь шу|мúтъ и | клéнъ, и | áсень вы|сóкій....
Сúмъ укло|нúлся ска|зáть, что | бúли мы | Еллины | рóдомъ....
Всѣхъ не мо|гýщихъ у|брáть пло|дóвъ отъ зем|лú изне|сéнныхъ....
Всé возму|щáетъ е|гó безпо|кóитъ, снѣ|дáетъ и | мýчитъ....
Нѣчего | здѣсь те|бѣ и | нѣкого | нúнѣ бо|áться....
Мáло по | мáлу яс нѣй бере|гá мы | óстрова | вúдимъ....
Нѣсколько | ждáлъ, и да|вáлъ мано|вéніе | въ знáкъ я ру|кою.

§ 55. *Рифма*, т. е. одинаковое или сходное окончаніе въ стихахъ (§ 38), весьма важная для силлабической

версификáціи, гдѣ трудно разграничиваются стихи одною ихъ равносложностью, безъ созвучія въ ихъ окончаніяхъ, непостоянная гостья въ стихахъ тоническихъ (§ 43), такъ сильно и такъ справедливо полюбилась нашей тонико-метрической версификаціи, что онѣ теперь почти неразлучны.

Рѳма въ *одинаковыхъ* окончаніяхъ называется „богатою“ (напр. *доска*, *тоска*, *смѣлый*, *бѣлый*), въ сходныхъ— „убогою“ (напр. *могъ*, *увлекъ*, *рабъ*, *лапъ*, *рабочій ночи*), въ одинаковыхъ только для *зрѣнія*, но различныхъ для слуха — „мнимою“, или „призрачною“, напр. *боги*, *ноги*, *благо*, *иго*, *такого*, *строго*, *скучно* (произн. *што*), *звучно* и т д.

Одинаковость и сходство, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, должны непремѣнно распространяться на *цѣлый слогъ*, не ограничиваясь звуками согласными и полугласными, или даже гласными, оторванными отъ причитающихся имъ согласныхъ или полугласныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что не всякое созвучіе окончаній образуетъ рѳму, напр. совсѣмъ не рѳмуются между собою: *страсть* и *молодость*, *бой* и *бей*, *доска* и *стѣна*, *тать* и *голь*. Два, наконецъ, слога, чтобы быть одинаковыми или сходными до степени рѳмы, должны имѣть непремѣнно одинаковое удареніе; не рѳмуются слѣдовательно: *ла́ской* и *доско́й*, *раба́* и *жа́ба*, *зо́лото*, *боло́то* и *долото́*.

Приведенные сейчасъ правила нарушать отъ имени „стихотворныхъ вольностей“ (§ 49) допускается всегда въ пользу слуха, а не зрѣнія, и позволительнѣе напримѣръ рѳмовать „*строгъ*“ съ „*строкъ*“, „*могучій*“ съ „*тучи*“,

„книга“ съ „иго“, „отца“ съ „смѣется“, чѣмъ - - „изобрѣлъ“ и „стрѣлъ“, „произнесъ“ и „чудесъ“ и т. д.

По ударенію, какъ замѣчено было выше (§ 38), риѳма бываетъ:

а) *мужеская*, *ямбическая* или *анапестическая*, съ удареніемъ на концѣ,напр. бѣда, слѣда, тьнь, льнь, пилой, гнилой

б) *женская*, *хорѳическая*, *дактилическая* или *амфибрахическая*, съ послѣднимъ слогомъ неударяемымъ, напр волны, полны, дремучій, гремучій, одѣвается, улыбается и т. д.

Для избѣжанія монотонности въ окончаніи стиховъ, риѳмы сплошь мужескія или сплошь женскія употребляются рѣже, чѣмъ мужескія, сочетаемыя съ женскими: напр.

(сплошь мужеск.)

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать....

(Хомяковъ)

(сплошь женск.)

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо полное грозою
Отъ зарницъ все трепетало.

(Тютчевъ)

(р. муж. и женск.)

Слезы людскія! о слезы людскія! (ж.)
Льетесь вы ранней и поздней порой, (м.)

Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя, (ж.)
Неистощимыя, неисчислимыя, (ж.)
Льетесь, какъ льются струи дождевыя (ж.)
Въ осень глухую, порою ночной. (м.)

(Тютчевъ)

Стихи риѳмуются:

а) *смежно* (по формулѣ *аа бб*), напр.

На небѣ тишина,
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ

(Жуковскій)

б) *черезстрочно*, т. е. черезъ стихъ, черезъ два, черезъ три стиха и т. д. (по формуламъ: *абаб* или *абба*, *аббба* и т. д.), напр.

Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.

(Пушкинъ)

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

(Крыловъ)

Ворчали старики:
Что-жь мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?

(Лермонтовъ)

Разумѣется, ничто не мѣшаетъ поэту риѳмовать стихи и по другимъ формуламъ, напр. *ааббвв*, *абабвв*, *абааб* и т. д., равно какъ вставлять нериѳмованные стихи посреди риѳмующихся и т. д

§ 56. Стихи безъ риѳмъ называются *бѣлыми* *. Употреблять ихъ слѣдовало бы преимущественно въ подражаніяхъ древнимъ (которые едва ли знали риѳму) и въ такихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ, для особенной цѣли или по прихоти автора, должны встрѣчаться частые „переносы“ **, напр.

Какъ намъ, добрый читатель, сказать:
Къ сожалѣнью, иль къ счастью, что наше
Горе земное не на долго? Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потерянным благомъ сливаетъ
Насъ воедино....

(Жуковскій)

Впрочемъ, отступленія отъ этого, кажется, основательнаго правила достаточно объясняются свободою художника.

§ 57. Стихи, оканчивающіеся стопами хореическою, дактилическою, амфибрахическою и 3-мя первыми пэонами, въ состояніи имѣть, разумѣется, только риѳму женскую (§ 55), а стихи съ ямбомъ, анапестомъ и пэономъ 4-мъ на концѣ неразлучны съ риѳмою мужескою

---

* См. вышеприв. Версификацію стр. 31, 33, 87.

** *Переносомъ* часть предложенія, не умѣстившагося въ одномъ стихѣ, перебрасывается въ другой. Переносовъ, какъ и инверсіи, не бываетъ въ тоническихъ стихахъ. Ср. 1-ю *выноску* въ § 49.

(§ 55). Для избѣжанія долженствующей произойти отсюда монотонности (§ 55), принято слѣдующее:

а) Чтобы дать, въ случаѣ надобности, мужескую риѳму стиху хореическому (также амфибрахическому и т. д.), на концѣ его отнимается слогъ, напр.

Мо́ре | во́етъ, | мо́ре | сто́нетъ
И во | мракѣ | оди|но́къ,
Поглощенъ волною, то́нетъ
Мой заносчивый челно́къ.

(Д. Давыдовъ)

Дово́льно, | сокро́йся! | Пора́ ми|нова́лась,
Земля освѣжилась и буря промча́лась,
И вѣ́теръ, | ласка́я | листо́чки | *древе́съ*,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ | *небесъ*.

(Пушкинъ)

Или, вмѣсто убавленія въ амфибрахіи послѣдняго неударяемаго слога, для мужеской риѳмы, прибавляется ямбъ, напр.

Какъ нынѣ | сбира́ет|ся вѣщій | *Оле́гъ*
Отмсти́ть не | разумнымъ | Хаза́рамъ,
Ихъ села и нивы за буйный | *набѣгъ*.
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.

(Пушкинъ)

Въ дактилическомъ стихѣ, для мужеской риѳмы, отнимаются два послѣдніе слога въ послѣднемъ дактилѣ, напр.

Ти́хо про|но́сится | но́чь благо|во́нная
Міръ, внемля | Богу, мо́л|чи́тъ,
Въ рощѣ одна лишь осинка безсонная,
Листья колебля, шу|ми́тъ.

(Полонскій)

б) Въ стихахъ съ окончаніемъ ямбическимъ (также анапестическимъ и т. д.) женская риѳма образуется посредствомъ прибавленія къ послѣднему ямбу или анапесту неударяемаго слога, напр.

Уже́ | давно́ | между́ | собо́|*ю*
Вражду|ютъ э́|ти пле|мена́,
Неразъ клонились подъ грозо́|*ю*
То ихъ, то наша сторона.

(Пушкинъ)

Или убавляется послѣдній слогъ послѣдняго ямба. напр.

Мила | какъ Гра|ція́, | скромна́
Какъ Са́нд|рильо́ *на*,
Подобна ей, красой она́,
Достойна тро́|*на*.

(Баратынскій)

Завяза́в|ши подъ мы́ш|ки пере́д|*никъ*,
Перета́|нешь уро́д|ливо гру́дь,
Будетъ бить тебя мужъ привере́д|*никъ*
И свекровь въ три погибели гнуть.

(Некрасовъ)

Или убавляются два послѣдніе слога въ послѣднемъ анапестѣ, напр.

Было го́рь|ко мнѣ, дру́гъ, | въ эти че́р|ные дни!
Опусти́|лись совсѣмъ | мои ру́|*ки*!
Стали хлѣбъ убирать,—въ полѣ пѣсни, огни,
А я сохну отъ горя и ску|*ки*

(Никитинъ)

Примѣчаніе 1. Вслѣдствіе такихъ удлиненій и укорачиваній стиха, онъ часто представляется, со стороны своего состава, не тѣмъ въ разрозненности, чѣмъ въ совмѣстной сложности съ дру-

гиии стихами. Такъ напр. „Вѣщій Олегъ“ Пушкина написанъ амфибрахическимъ размѣромъ (Воѝте|лю слáва | отрáда), но нѣкоторые въ немъ стихи, если ихъ разсматривать отдѣльно, вслѣдствіе сейчасъ указанныхъ нами укорачиваній и удлиненій — амфибрахіи съ *ямбами* на концѣ, напр. „Какъ нынѣ | сбирает|ся вѣщій | Олéгъ.“ Равнымъ образомъ въ извѣстной, напр „пѣснѣ русскому царю“ Жуковскаго („Боже, ца|ря храни“), написанной двустопнымъ дактилемъ, стихи 3-й, 7-й, 10-й, 14-й и т. д., если ихъ разсматривать отдѣльно, оказываются *хоріямбами* „Дáй на земли́.“ „Всѐ испошли́.“ „Боже храни́ “ „Прóчь отжени́“ и т. д.

Примѣчаніе 2. И въ „бѣлыхъ“ стихахъ (§ 56) окончанія мужескія (ударяемыя) нерѣдко очередуются съ женскими (неударяемыми) для избѣжанія монотонности, напр.

Въ двѣнадцать часовъ по ночáмъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ,
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу...

(Жуковскій)

§ 58. Стихи нерѣдко группируются въ небольшіе отдѣлы, или *ритмическіе періоды*, которые вообще назвать можно *строфами*.

У южныхъ европейцевъ, которые заимствовали большую часть своихъ стихотворныхъ формъ въ Провансѣ, самое общее названіе для такихъ ритмическихъ періодовъ — „*стансы*“ * (stanza, stance), подраздѣляемые у

---

* Слово „стансъ“ взято у итальянцевъ. stanza у нихъ значитъ *пребываніе, стоянка, комната*. Въ смыслѣ стихотворномъ „stanza“ у *трубадуровъ*, кажется, называлось, въ противоположность длиннымъ канцонамъ, пастурелламъ и т. д., небольшое стихотвореніе, которое можно было продекламировать или пропѣть въ непродолжительное время, какъ бы *стоя* на одномъ мѣстѣ, не сходя съ мѣста (ср. нѣмецк. Ständchen).

нихъ на *строфы* и ни *куплеты* (canzonetto, arietta, couplet).

И у насъ употребляется слово „*стансъ*“, но въ смыслѣ дотого неопредѣленномъ, что его никакъ нельзя съ точностію объяснить ни себѣ, ни другимъ. Напр. въ двухъ пiесахъ Пушкина, озаглавленныхъ „стансы“, четырехстопные ямбы съ перезстрочною риѳмою сгруппированы по-четыре; въ „стансахъ“ Языкова четырехстопные, черезъ строку риѳмованные хореи, соединены въ осьмистишія; у Козлова въ 6 „стансахъ“—четырехстопн. и пятистопн. ямбъ, перезстрочно риѳмующійся, а въ 7-й пiесѣ, съ этимъ заглавіемъ—четырехстопные ямбы, риѳмующіеся по формулѣ *абабаб*, соединены по 6 стиховъ, у Богдановича въ „стансахъ“ употребленъ четырехстопн. и шестистопн. ямбъ, а одно изъ стихотвореній, названныхъ этимъ именемъ, совсѣмъ даже и не раздѣлено на „ритмическіе періоды“ и т. д. Изъ этого достаточно видно, что о русскихъ „стансахъ“ въ теоріи поэзіи и въ версификаціи одинаково безполезно разсуждать, такъ-какъ наши стихотворцы употребляютъ слово „стансы“ едва ли не произвольно. Нѣсколько опредѣленнѣе у насъ слово „*куплетъ*“: имъ означаются такія строфы, которыя прямо предназначены къ *пѣнію*, напр. въ водевиляхъ, въ привѣтственныхъ пѣсняхъ и т. д. Но такъ-какъ всякую строфу, положивъ на ноты, можно спѣть, и всякіе куплеты можно, вмѣсто пѣнія, читать, даже не подозрѣвая ихъ мелическаго назначенія, то очевидно, между строфою и куплетомъ нѣтъ существеннаго различія (встрѣчается и смѣшиваніе *куплета* съ *строфою*, напр. въ извѣстн.

объясненіяхъ стиховъ Державина, строфы въ „Фелицѣ“ названы *куплетами;* см. соч. Держав., изд. Смирд. т. 1 стр. 361.

Послѣ всего этого, не опасаясь уже обоюдностей въ смыслѣ, мы можемъ называть *всякій ритмическій періодъ*, въ русской искуственной поэзіи, вообще *строфою*, т е по точному смыслу этого слова (*στροφή* отъ *στρέφω* *обращаю*, возвращаю) группою стиховъ, постоянно возвращающеюся.

Строфы наши, понимаемыя въ вышеозначенномъ смыслѣ, разсматривать можно: А) по числу заключающихся въ нихъ стиховъ, Б) по различію количественнаго состава стиховъ.

А) Строфы по числу стиховъ бываютъ отъ 2 стиховъ до 14.

Въ 2 стиха (двустишія), напр.

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой,
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;
Лѣсъ ли начнется — сосна да осина...
Невесела ты родная картина!

(Некрасовъ)

Въ 14 стиховъ, напр.

Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ·
Его примѣръ другимъ наука;
Но, Боже мой, какая скука

Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей же часъ,
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я...
Но вреденъ сѣверъ для меня

(Пушкинъ)

Свыше этого числа стиховъ ритмическіе періоды (какъ напр. въ „Чернецѣ“ Козлова) называются уже не строфами, а „главами“.

Б) Со стороны различія въ *количественномъ* составѣ стиховъ, строфы бываютъ *однородныя* и *разнородныя*, какъ это легко видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Строфы однородныя:

Предстала — и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ

Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей

Погасъ; но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта,
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта,
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ.
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

(Баратынскій)

Строфы разнородныя.

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна;
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней,
Дубравъ по брегамъ,
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Надъ дубомъ вѣтвистымъ—
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ —
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она.

(Жуковскій)

Примѣчаніе. О тонико-метрическ. версификаціи ср. *Kœpert* Lehrbuch der Poetik 1800. §§ 17 — 26 *Minckwitz* Lehrbuch der deutsch. Verskunst, 1863. *Его-же* Lehrbuch der rhythmischen Malerei. 1858.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Переходъ отъ стилистики къ теоріи поэзіи и прозы. Значенія и сущность поэзіи вообще. Разграниченіе прозы и поэзіи.

§ 59. Средства „художественнаго слога", разсмотрѣнныя нами въ §§ 14 — 58, составляютъ *языкъ поэзіи*. Теперь предстоитъ * рѣшить вопросъ: *что такое поэзія* **, выражающаяся этимъ языкомъ?

Чтобы устранить, повозможности, трудность опредѣленія поэзіи, надобно съ точностію различать значенія, въ которыхъ обыкновенно употребляется это слово.

а) Поэзія, въ наиболѣе употребительномъ смыслѣ, есть одно изъ изящныхъ искусствъ [17], выражающееся посредствомъ слова, и потому называемое *„словеснымъ* искусствомъ", въ отличіе отъ искусствъ „пластическихъ", „тоническихъ" и т. д.

б) Прежде нежели поэтическое чувство словеснаго художника, или поэта, успѣетъ высказаться въ той или другой литературной формѣ, оно, съ полнымъ составомъ своей поэтичности, должно, понеобходимости, существовать предварительно, какъ самосознательная возможность,

---

* Цѣль шестой здѣсь главы — достиженіе возможности заниматься во 2-й ч. этой книги (см. выше, въ предувѣдомленіи) только *произведеніями* поэзіи-*литературы*, не имѣя уже тамъ надобности въ *общихъ* разсужденіяхъ о поэзіи.

** Отъ греческ. ποιεῖν — *дѣлать, производить*.

въ душѣ поэта: слѣдовательно, здѣсь элемены и условія поэтичности могутъ быть разсматриваемы сами по себѣ, внѣ проявляющей ихъ художественной формы, независимо отъ воплощающаго ихъ въ себѣ матеріала

в) Область дѣйствій поэтическаго настроенія обширнѣе, нежели соотвѣтствующее и соименное ей искусство (т. е. нежели поэзія, проявляющая себя средствами своей техники): такъ, наприм., когда говорятъ о „поэзіи“ войны, путешествій, о „поэтической“ мѣстности и т. д., рѣчь идетъ тогда, разумѣется, только о чертахъ и условіяхъ привлекательности особеннаго рода, болѣе или менѣе доступной всѣмъ, и поэтамъ и не-поэтамъ, не измѣняющей нимало условіямъ своей сущности даже и въ такомъ случаѣ, когда у испытывающихъ ее нѣтъ ни врожденнаго призванія, ни охоты, ни навыка къ проявленію ея въ видѣ произведеній изящной литературы.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что слово „поэзія“ имѣетъ три значенія. Именно, подъ нимъ разумѣютъ: *а*) словесное искусство, съ отдѣльнымъ кругомъ своеобразныхъ, ему принадлежащихъ законовъ, средствъ и пріемовъ; *б*) личныя психологическія условія, которыми зачинается въ душѣ поэта настроенность къ цѣлесообразному творчеству, имѣющему въ своемъ распоряженіи спеціальныя художественно-словесныя формы; *в*) особенную своеобразную привлекательность предметовъ и состояній духа, къ которой пріурочена общечеловѣческая воспріимчивость. Эта привлекательность однородна съ дѣйствіемъ на насъ изящныхъ искусствъ вообще и поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. поэзіи-словеснаго искусства).

Изученіе поэзіи, понимаемой въ двухъ послѣднихъ смыслахъ, составляетъ ея *этіологію* *, а изслѣдованія законовъ и проявленій поэзіи въ первомъ смыслѣ, т. е. поэзіи, какъ искусства, составляетъ ея *теорію* **, называвшуюся встарину „*піитикою*“. И этіологія, и теорія поэзіи входятъ, по нынѣшней классификаціи наукъ, въ область *эстетики* [8].

Примѣчаніе 1. Собирательнымъ именемъ „поэзіи“ называютъ иногда сумму литературно-поэтическихъ произведеній, устныхъ и письменныхъ, принадлежащую какой-либо эпохѣ (напр. поэзія античная, средневѣковая и т. д.), мѣстности (напр. поэзія Востока, Сѣверная и т. д.) или какому-либо народу (напр. русская, англійская поэзія и т. д.).

Примѣчаніе 2. Въ нѣкоторыхъ языкахъ „поэзіею“, впрочемъ во множественномъ только числѣ, называются вообще стихотворенія, напр. у итальянцевъ „le poesie di Petrarca“, у французовъ „les poésies de Malherbe“.

§ 60. Значенія поэзіи, неодинаковыя, какъ мы сейчасъ видѣли, сближаются однакоже между собою связью предыдущаго съ послѣдующимъ, содержащаго съ содержимымъ, способности и повода къ проявленію съ самыми ихъ проявленіями. Дѣйствительно, поэзія, въ смыслѣ искусства, относится и къ спеціальной организаціи поэта, и къ общечеловѣческой поэтической воспріимчивости какъ послѣдующее къ предыдущему, какъ слѣдствіе къ причинѣ, какъ проявляющее къ возможности и поводу

---

* „Этіологія“ — *изслѣдованіе началъ и причинъ*, отъ *αἰτία причина, основаніе, начало*, *λόγος слово, ученіе.*

** „Теорія“, *θεωρία — разсматриваніе, созерцаніе* вообще, въ тѣсномъ смыслѣ — объясненіе явленій ихъ началами.

проявляемаго. Слѣдовательно, можно и должно искать основаній поэзіи, *общихъ* для всѣхъ *трехъ* ея значеній: только на почвѣ подобнаго ихъ сближенія можетъ возникнуть надлежащее пониманіе и опредѣленіе поэзіи.

Примѣчаніе. Старинная піитика, увлекшись классификаціями и внѣшними характеристиками проявленій поэзіи, какъ производящаго искусства, обходила самые существенные вопросы объ основаніяхъ этого искусства, осмысливающихся и объясняющихся только посредствомъ изученія психологическихъ началъ поэзіи вообще. Отсюда произошли эмпиризмъ и склонность къ произволу, уронившіе піитику. Но изъ злоупотребленій или изъ временнаго совращенія какой-либо науки съ надлежащаго пути вовсе не должно слѣдовать ея отрицаніе: можно, конечно, съ большею или меньшею недовѣрчивостію встрѣчать данный трактатъ о поэзіи; но отвергать потребность всякаго о ней трактата — значило бы рѣшиться на отсутствіе систематическаго мышленія о явленіяхъ цѣлой, самостоятельной области знаній, засвидѣтельствованныхъ и дѣйствительностію ихъ и потребностію въ нихъ со стороны нашего разума.

По различію личныхъ воззрѣній, различно рѣшается вопросъ о томъ, которая изъ двухъ односторонностей *хуже* — грубый ли фактизмъ эмпириковъ, или туманности сторонниковъ теоретизма; но для человѣка, нормально, въ умственномъ отношеніи, организованнаго, равно какъ для истиннаго прогреса знаній, ни одна изъ этихъ двухъ односторонностей не составляетъ идеала или обязательнаго авторитета, каково бы впрочемъ ни было господствующее настроеніе умовъ въ данную эпоху.

§ 61. Отъ надлежащаго опредѣленія поэзіи мы вправѣ требовать двухъ принадлежностей: *а*) обнимая всѣ ея значенія, оно должно быть разсчитано не на спеціальность только поэтовъ или на литературныя ихъ произведенія, но и на людей вообще, такъ-какъ поэзія прежде всего есть достояніе природы человѣческой; *б*) опредѣ-

леніе поэзіи обязано вмѣстить въ себѣ одни лишь существенныя ея условія, одинаково удобопримѣнимыя ко всѣмъ ея эпохамъ и школамъ, ко всѣмъ родамъ и видамъ поэтичности въ литературѣ, въ настроенностяхъ духа, въ дѣйствіяхъ человѣка и въ качественности предметовъ, доступныхъ его воспріимчивости.

Несостоятельности существующихъ опредѣленій поэзіи подходятъ подъ слѣдующіе важнѣйшіе разряды:

а) Поэзію односторонно разсматриваютъ, такъ сказать, съ подобострастіемъ негровъ къ бѣлокожимъ, видя въ ней неподлежащую суду исключительность нѣкоторыхъ, избранныхъ, а не одно изъ видоизмѣненій общечеловѣческаго элемента. Здѣсь упускается изъ виду истина, что между поэтомъ и не поэтомъ существуетъ различіе количественное, а отнюдь не качественное.

b) За сущность поэзіи принимаются ея средства и признаки: опредѣляютъ, напримѣръ, поэзію тѣмъ, что она, въ противоположность прозѣ, изъясняется языкомъ живыхъ „образовъ“, а не мыслями, болѣе или менѣе отвлеченными, представленіемъ предметовъ, а не разсужденіями о нихъ (напр. „Плюшкинъ“ Гоголя — достояніе поэзіи, а диссертація о скупости — принадлежность прозы),—что она имѣетъ дѣло не съ дѣйствительностію, а съ возможностію (отсюда — законность „вымысла“ въ поэзіи). Всѣ эти черты въ поэзіи неоспоримы, но ими ли опредѣляется ея сущность? Очевидно, нѣтъ. Опасность опредѣлять предметъ его чертами, а не сущностію, засвидѣтельствована, между прочимъ, общеизвѣстнымъ анекдотомъ о Діогенѣ, представившемъ общипаннаго пѣтуха

кандидатомъ въ люди, въ опроверженіе платоновой характеристики человѣка. Вѣдь музыка, напримѣръ, прибѣгаетъ къ звукамъ гаммы, пищевареніе совершается въ желудкѣ, простуда обнаруживается ознобомъ; но, разумѣется, гамма не музыка, желудокъ не пищевареніе, ознобъ не простуда и т. д.

c) Природу поэзіи смѣшиваютъ съ ея положительными и отрицательными отношеніями къ способностямъ человѣческаго духа. Это заставило пріурочить поэзію къ воображенію и чувству, а прозу къ уму и волѣ. Дѣйствительно, поэзія неразлучна, какъ увидимъ, съ одною изъ двухъ первыхъ способностей, именно съ воображеніемъ; но этою неразлучностью все-таки не рѣшается вопросъ о томъ, что такое поэзія сама въ себѣ. Говоря, напримѣръ, что птицы летаютъ въ воздухѣ, а рыбы плаваютъ въ водѣ, указываемъ только на слѣдствія ихъ организаціи, и важность задачи все-же останется тутъ сосредоточенною въ рѣшеніи вопроса: *какъ* и *почему* именно рыбы, а не птицы способны жить въ водѣ. Равнымъ образомъ для насъ здѣсь капитальная важность въ вопросѣ: *какъ* и *почему* поэзія болѣе имѣетъ сродство съ воображеніемъ, чѣмъ съ другими психическими силами человѣка?

d) Характеристики поэзіи ограничиваются указаніемъ ея побужденій и цѣлей въ общественной жизни. Но побужденія эти и цѣли непостоянны, небезусловны: они зависятъ отъ угловъ личнаго воззрѣнія на вещи, ничѣмъ не обезпечены ни отъ случайностей, ни отъ произвола отдѣльныхъ лицъ или эпохъ. Сюда принадлежатъ, напр.,

мысли о поэтѣ: Пушкина *, Языкова **, Лермонтова ***, Веневетинова ****, Некрасова *****, — требованія, чтобы поэзія была воспроизведеніемъ дѣйствительности, фотографически-вѣрнымъ по мнѣнію однихъ, идеализированнымъ по мнѣнію другихъ, утилитарнымъ по мнѣнію нѣкоторыхъ и т. д.

е) Въ новѣйшихъ русскихъ учебникахъ по теоріи поэзіи находимъ слѣдующее: вмѣсто опредѣленія поэзіи указаны ея характеристическія черты — „пластическая и музыкальная стороны сочиненій“ (*Чистякова* Курсъ теоріи словесности, 1847, ч. II, § 2); поэзія причисляется къ изящнымъ искусствамъ и вслѣдъ затѣмъ приводится „раздѣленіе“ ея, но опредѣленія поэзіи нѣтъ (*Тулова* Руков. къ позн. родовъ, видовъ и формъ поэзіи, 1853, стр. 35, 36); „поэзія есть выраженіе въ словѣ мысли подъ вліяніемъ чувства“ (*Смирнова* Матеріалы для учебн. теор. словесн. 1858, ч. III, § 1). На это можно возразить: во первыхъ, не всякое чувство, сущностію своею и вліяніемъ на мысль, поэтично; во вторыхъ, несравненно болѣе и чаще поэзія зависитъ отъ воображенія, чѣмъ отъ какого бы то ни было чувства (§ 71); въ третьихъ, поэзія въ обширномъ смыслѣ (§ 59, б), еще не выска-

---

* Соч. *Пушкина*, изд. Анненкова, 1855, т. II, стр. 406, 416, 429, 465 — 6, 509.

** Стихотв *Языкова*, изд. Перевлѣсскаго, 1858, т. I, стр. 60, т. II, стр. 6, 7, 22.

*** Соч *Лермонтова*, изд. Дудышкина, т. I, стр. 138, 211.

**** Соч. *Веневитинова*, 1829, т I стр 41, 42

***** Стихотв. *Некрасова*, 1863, ч. I, стр. 57, 76, 129; ч. II, стр. 73.

завшаяся, но уже готовая излиться изъ поэтическаго вдохновенія, не есть выраженіе мысли понеобходимости *словесное*. Наконецъ, въ „Опытѣ кратк. излож. теоріи словесности“, 1865, на стр 64 сказано: „поэзія есть изящное искусство, которое осуществляетъ идею прекраснаго въ образѣ посредствомъ слова“. Это указаніе *дѣйствій* поэзіи, разумѣется, не составляетъ ея опредѣленія.

Примѣчаніе. Излишнимъ считаемъ здѣсь приводить опредѣленія или, лучше сказать, описанія поэзіи, помѣщавшіяся въ учебникахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: тамъ понятіе о поэзіи затемнялось обыкновенно безвкусицею восторженности при одномъ ея имени и иносказаніями въ родѣ того, что она есть „нѣкій небесный огнь“, „языкъ боговъ“, „нѣчто отрѣшающее насъ отъ земнаго праха“ и т. д.

§ 62. Для выполненія условій, приведенныхъ въ § 61, и слѣдуя правиламъ логическаго [23] опредѣленія, должно сперва найти главную примѣту поэзіи вообще, а потомъ, на основаніи этой примѣты, отыскать въ области психическихъ явленій, свойственныхъ человѣку вообще, такую настроенность духа, къ которой поэзія относилась бы какъ видъ къ роду.

Какая же неотъемлемая примѣта принадлежитъ поэзіи, въ общихъ предѣлахъ троякаго значенія послѣдней? Являясь то въ видѣ особенной настроенности духа, болѣе или менѣе доступной всякому, то въ чертахъ своеобразной привлекательности, вызывающей эту настроенность, то, наконецъ, въ формахъ произведеній словеснаго искусства (§ 59 *а*, *б*, *в*), поэзія, во всѣхъ этихъ случаяхъ, постоянно обнаруживаетъ въ себѣ одинъ и

тотъ же господствующій характеръ, именно: она *нравится*, она *пріятна* * намъ. Слѣдовательно, поэзія, какъ одно изъ видовыхъ слагаемыхъ родовой суммы, прежде всего оказывается принадлежащею къ родовому понятію *наслажденій* человѣческаго духа, т. е. *поэзія есть одно изъ духовныхъ наслажденій.*

Здѣсь предвидѣть можно слѣдующее возраженіе: но поэты нерѣдко вдохновляются страданіемъ, котораго изображенія имѣютъ однакоже въ себѣ условія поэтичности, неотразимо дѣйствующей на читателя; а такъ-какъ страданіе вообще неспособно нравиться, то не ошибочно ли совмѣщеніе всѣхъ источниковъ и проявленій поэзіи въ одномъ лишь нравящемся, пріятномъ?

Отвѣчаемъ на это возраженіе. По одной уже ограниченности своей природы, человѣкъ не можемъ быть ни вполнѣ счастливъ, ни вполнѣ несчастенъ, подобно тому какъ легкія его не въ состояніи дышать и чистымъ кислородомъ, и чистымъ азотомъ. Нѣтъ наслажденій, которыя были бы недоступны по крайней мѣрѣ отравленію ихъ мыслями о непрочности всего, а равнымъ образомъ нѣтъ и страданій, изъ-подъ которыхъ не сквозилъ бы лучъ надежды на перемѣну къ лучшему; надежда же слаще въ горѣ, чѣмъ радость при тревожныхъ опасеніяхъ: такъ темное блеститъ на солнцѣ, между тѣмъ

---

* Какъ ни ослабѣли нынѣ, вслѣдствіе своей обширной приложимости и частой, слѣдовательно, употребительности, слова „нравится“, „пріятно“, ими однако же, и только одними ими, можетъ быть обозначено главное свойство всего того, что мы называемъ „удовольствіемъ“ и „наслажденіемъ“.

какъ блестящее перестаетъ блестѣть въ темнотѣ. „Гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять недалеко“, говоритъ одно изъ самыхъ поэтическихъ существъ, созданныхъ Лермонтовымъ. Дѣйствительно, радость и горе безпрестанно перемежаются какъ волны прилива и отлива, и эти колебанія слагаемыхъ жизни прежде всего требуютъ быть признанными со стороны всѣхъ людей. Сократъ, выводимый въ платоновомъ разговорѣ „Федонъ“, говоритъ слѣдующее: „Какъ странно то, что люди называютъ удовольствіемъ! Какое удивительное соотношеніе, какое поражающее сходство имѣетъ оно съ страданіемъ, которое однако же считаютъ обыкновенно противоположнымъ ему! Никогда не приходятъ они оба вмѣстѣ; но преслѣдуя или схватывая удовольствіе, неизбѣжно мы преслѣдуемъ или схватываемъ страданіе, и наоборотъ: какъ будто они скованы вмѣстѣ! Я полагаю, что Эзопъ, если бы пришлось ему объ этомъ подумать, могъ бы сочинить вотъ какую басню: Богъ, желая примирить радость съ горемъ, и найдя это невозможнымъ, связалъ ихъ оконечности, почему лишь только является радость, вслѣдъ за нею тащится горе, и наоборотъ“.... Наконецъ, не надобно упускать изъ виду слѣдующее важное ограниченіе: страданіе способно служить темою поэзіи только въ предѣлахъ средней человѣческой выносимости, „пока еще поется“, хоть и на заунывный ладъ; за чертою же этой выносимости слѣдуетъ апатія, совершенно разобщенная, по крайней мѣрѣ на время, со всѣми поэтическими элементами. Эти мысли, и безъ дальнѣйшаго распростране-

нія ихъ подробностями, примиряютъ противорѣчіе, заподозрѣнное вышепредложеннымъ возраженіемъ: ясно, что понятіе о поэзіи, какъ о *наслажденіи*, нимало не исключается понятіемъ о *страданіяхъ*. Подобнымъ образомъ теплота, не оканчиваясь на точкѣ замерзанія, и при всѣхъ минусныхъ градусахъ термометра продолжаетъ быть теплотою.

§ 63. Такъ-какъ въ объемѣ рода [15] должны заключаться существенные признаки составляющихъ его видовъ, то объясненія сущности поэзіи, прежде нежели обратимся къ ея частному предикату, слѣдуетъ искать въ природѣ *наслажденія* вообще. Всякое наслажденіе, доставляемое человѣку удовлетвореніемъ его инстикнтовъ, низшихъ, т. е. тѣлесныхъ, и высшихъ, или духовныхъ, обусловливается: a) *дѣятельностью*, b) *гармоніею*, c) *увлеченіемъ*. Значеніе этихъ словъ увидимъ въ слѣдующемъ §.

Примѣчаніе. Разумѣется, наслажденія духовныя и тѣлесныя имѣютъ, съ одной стороны, общія черты, заключающіяся въ родовомъ понятіи о наслажденіи, и черты частныя, соотвѣтствующія различію между духовностью и тѣлесностью. Но какъ поэзія принадлежитъ къ наслажденіямъ *духовнымъ*, то мы будемъ имѣть въ виду исключительно послѣднія всякій разъ, какъ придется намъ употреблять ниже техническій терминъ „наслажденіе“.

§ 64. *Дѣятельностью* нравственно-свободнаго существа называется всякое личное его стремленіе къ какой бы то ни было цѣли, прибѣгающее къ средствамъ, или зависящимъ отъ него, или по крайней мѣрѣ отъ него направляемымъ. Общечеловѣческій капиталъ цѣлей для дѣятельности неистощимъ: каждый, кто бы онъ ни былъ,

выбираетъ изъ него потребное и доступное на свою долю. Другими словами: нѣтъ человѣка, который былъ бы въ жизни своей обездоленъ до невозможности предпринять хотя что нибудь, то для блага своего, извѣстнымъ образомъ понимаемаго, то для безкорыстной, такъ сказать, любви къ движенію въ обстанавливающей его средѣ, во всякомъ случаѣ повинуясь сильнѣйшему изъ врожденныхъ человѣку инстинктовъ — инстинкту *дѣятельности*. Опытомъ, ровестникомъ человѣческаго рода, дознано, что удовольствіе безотлучно состоитъ при трудѣ, и что для насъ невыносима даже мысль объ отсутствіи сферы или средствъ къ проявленію нашей личности какимъ бы то ни было родомъ дѣятельности: нельзя себѣ, слѣдовательно, представить удовольствія внѣ дѣятельности, тѣлесной, духовной или смѣшанной.

Нѣкоторые сошлются, можетъ быть, для опроверженія сейчасъ сказаннаго, на пріятность праздности, на „поэзію лѣни“ и т. п. Но въ словахъ: „праздность“, лѣнь“, „отдыхъ“ и т. д. не слѣдуетъ видѣть, чего въ нихъ нѣтъ: ими исключается не всякая вообще дѣятельность, а только дѣятельность извѣстнаго рода. Отдыхающій, съ виду праздный человѣкъ, не слѣпъ, не глухъ или, выражаясь обширнѣе, не разобщенъ съ внѣшними дѣятелями, вызывающими внутреннюю реакцію созерцанія, мысли, чувства. И „лежа на боку“, и „сложа руки“, и лѣнясь, и отдыхая отъ трудовъ, мы размышляемъ, составляемъ какіе нибудь планы для будущаго, вспоминаемъ прошлое, оцѣниваемъ настоящее. Развѣ все это праздность въ буквальномъ смыслѣ? Развѣ тутъ есть

безусловное отсутствіе дѣятельности? Вѣдь не все то праздно, что въ данную минуту наблюденія не заявляетъ себя глазамъ зрителя или ушамъ слушателя. Вѣдь не видимъ же мы и не слышимъ, какъ родятся и зрѣютъ въ чьей нибудь душѣ замыслы и страсти, часто не замѣчаемъ ихъ хода и въ нашей собственной душѣ; не замѣчаемъ, какъ развиваются сѣмена въ землѣ, какъ мчимся мы безостановочно, на нашей планетѣ, вокругъ солнца съ быстрою 28 верстъ въ секунду.... Нельзя, конечно, поручиться, что всякій человѣкъ во всѣ минуты праздности празденъ только снаружи и работаетъ умомъ, воображеніемъ или чувствомъ; но зато ужь не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію, что полное, нѣсколько продолжительное или переходное совпаденіе бездѣйствія наружнаго съ внутреннимъ рѣшительно несовмѣстимо съ природою удовольствія.

§ 65. Изъ сказаннаго, въ предыдущемъ §, что внѣ дѣятельности нѣтъ удовольствія, не слѣдуетъ, что всякая дѣятельность сама по себѣ есть уже удовольствіе. Работа, которая „не клеится“, по несоотвѣтствію ея нашимъ влеченіямъ, превосходящая нашу къ ней приготовленность или не вызывающая достаточнаго внимания со стороны нашего ума, поселяетъ въ душѣ чувство, противоположное пріятному. Только равновѣсіе между усиліями и послѣдствіями, при гармоническомъ совпаденіи дѣйствующихъ средствъ съ ихъ цѣлями или, по крайней мѣрѣ, при надеждѣ на это совпаденіе, даютъ начало ободрительному сознанію успѣха и пріятнѣйшему изъ чувствъ — самоуваженію, засвидѣтельствованному

опытомъ. Ясно, что достиженіе этого наслажденія невозможно безъ *гармоніи* между цѣлями дѣйствій и между цѣлесообразностью ведущихъ къ нимъ обнаруженій личной нашей дѣятельности. Съ другой стороны, явленія, въ окружающей насъ дѣйствительности, слишкомъ часто разнорѣчатъ съ нашими, такъ сказать, на нихъ запросами, и для избѣжанія проистекающихъ отсюда препятствій къ возможному съ ними примиренію необходимо бываетъ создавать болѣе или менѣе воображаемую, но все-таки совершенно насъ удовлетворяющую *гармонію* между желаемымъ и дѣйствительнымъ. Способностію къ производству подобной гармоніи нашими личными средствами мы добываемъ изъ дѣйствительности едвали не девять десятыхъ нашихъ наслажденій.

§ 66. Для того чтобы въ насъ могло состояться чувство наслажденія, недостаточно однако же ни дѣятельности, ни гармоническаго примѣненія дѣйствующихъ способовъ къ ихъ назначенію: необходимо еще одно здѣсь условіе, именно — чувство непосредственнаго *увлеченія*. Мы не можемъ ничѣмъ наслаждаться по заказу, чужому или собственному. Въ обусловленность наслажденія не включена наша власть надъ нею; намъ предоставлено только желать наслажденія и отвращать нѣкоторыя препятствія на знакомомъ уже къ ней пути. Своенравно приходя и уходя, во время своего въ насъ пребыванія она до того поглощаетъ насъ, что мы и не помышляемъ даже о томъ, чтобы взвѣшивать и оцѣнивать ее. Только лишь полюбопытствуемъ мы удостовѣриться—дѣйствительно-ли мы наслаждаемся, какъ тотчасъ же перестаемъ

уже наслаждаться. Отчего дѣти болѣе взрослыхъ способны наслаждаться почти всѣмъ и всегда? Оттого единственно, что они менѣе взрослыхъ расположены противодѣйствовать увлеченію анализомъ его

§ 67. Выводъ изъ вышесказаннаго (§§ 63 — 66) даетъ элементы и устойчивость слѣдующему опредѣленію: „наслажденіе“ есть *вносящая гармонію и увлекающая дѣятельность*.

§ 68. Вникая въ это опредѣленіе, нельзя не замѣтить, что самый важный его членъ есть *дѣятельность*, характеризующаяся уже, какъ своими качествами, *гармоніею* и *увлекательностью*. Гармонія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы здѣсь ее понимаемъ *, т. е. какъ совпаденіе стремленій дѣятельности съ ея цѣлями и какъ сглаживаніе взаимно-исключающихся противорѣчій дѣйствительнаго съ воображаемымъ, не предшествуетъ и не наслѣдуетъ дѣятельности, но сопровождаетъ ее, современна ей; увлекательность же есть произведеніе союза дѣятельности съ гармоніею. Увлечься можно только уже существующею дѣятельностью, своею или чужою, и притомъ дѣятельностью, гармонически совпадающею съ цѣлью ея

---

* Слово *гармонія* преимущественно употребляется нынѣ, по-русски и на другихъ европейскихъ языкахъ, въ смыслѣ согласія звуковъ. Но общее значеніе „гармоніи“, прилагаемостью своею, несравненно обширнѣе рамки этого техническаго (въ музыкѣ) термина; напр. говорится: „гармонія идеи съ формою“, въ живописи „гармонія колорита“ и т. д. По-гречески ἁρμονία зн. *приспособленіе*, *согласіе*, *союзъ*, *узаконеніе*, *пропорціональность*, *аккордъ*, ἁρμονίζω или ἁρμόττω — *прилаживаю*, *привязываю*, *направляю*, *женюсь* и *выдаю замужъ*, *устраиваю* и т. д.

стремленія. Очевидно, наконецъ, что чѣмъ гармоничнѣе дѣятельность, тѣмъ она успѣшнѣе, слѣдовательно—тѣмъ она увлекательнѣе, т. е. тѣмъ сильнѣе производимое (общею сложностью дѣятельности, гармоніи и увлеченія) наслажденіе.

§ 69. Какъ ни разнообразна, по своимъ проявленіямъ и значеніямъ, поэзія (§ 59 а, б, в.), въ каждомъ изъ нихъ однако же она опредѣляется, въ отношеніи къ нашему сознанію, общими чертами *духовнаго наслажденія* (см выше *примѣч.* къ § 63). И то чувство, которымъ движется поэтъ въ минуты творчества, и чувство, вызываемое всякою поэтичностью,—оба они не что иное, какъ наслажденіе; наслажденіемъ только, не другимъ словомъ, можно назвать впечатлѣніе на насъ поэтической мѣстности, поэтическихъ сторонъ чьего-либо характера, какого нибудь приключенія и т. д. Что, наконецъ, произведенія изящной литературы настолько лишь поэтичны, насколько ими можно увлечься и, увлекшись, наслаждаться, о томъ уже и говорить нечего, какъ о фактѣ чисто опытномъ, общеизвѣстномъ. Словомъ: поэзія есть одинъ изъ видовъ общаго родоваго понятія о наслажденіи.

Въ §§ 64—66 мы видѣли, что сущность этого родоваго понятія, по удостовѣренію опыта, характеризуется тремя элементами — *дѣятельностью, гармоніею* и *увлекательностью:* стало быть, въ силу логическихъ отношеній рода къ видамъ, тѣ же элементы должны быть свойственны и поэзіи. Сверхъ того, разумѣется, послѣдняя не можетъ но заключать въ себѣ и такихъ особенностей, которыя только ей одной принадлежатъ: безъ нихъ

она не выдѣлилась бы изъ родовой сферы „наслажденія“ вообще.

§ 70. Подобно тому, какъ въ эпоху рыцарства не было рыцарей природныхъ, и короли наравнѣ съ простыми вассалами обязаны были лично добиваться этого званія, точно такъ же ниодно наслажденіе, какъ бы оно ни было возвышенно или низменно, само по себѣ еще не есть поэзія; но всякое наслажденіе можетъ быть, такъ сказать, напоэтизировано. Кругъ поэзіи, слѣдовательно, чуть не безбреженъ. Принадлежа къ огромной семьѣ „наслажденій“, она въ состояніи каждое изъ нихъ засвѣтить своимъ волшебнымъ пламенникомъ. И таковы свойства всеоблагороживающихъ ея прикосновеній, что если, напр., двое людей, при равенствѣ прочихъ условій, наслаждаются чѣмъ нибудь въ данную минуту, одинъ поэтически, другой не-поэтически, то цѣлая бездна раздѣляетъ ихъ, и чувство наслажденія у перваго изъ нихъ неизмѣримо глубже, утонченнѣе, художественнѣе, человѣчнѣе и благороднѣе, чѣмъ то же чувство у втораго.

§ 71. Въ § 68 было сказано, что значительность слагаемыхъ въ суммѣ „наслажденія“ неодинакова: гармонія предполагается уже самою дѣятельностью, а увлекательность заключается въ объемѣ гармонической дѣятельности: стало быть вопросъ о сущности того или другаго наслажденія равносиленъ вопросу о томъ, *какого рода „дѣятельность“* составляетъ отличительную черту опредѣляемаго „наслажденія“. Спрашивается: какая же именно „дѣятельность“,—дѣятельность *чего* именно, т. е. какой способности духа (примѣч. къ § 63) составляетъ собою „поэзію“?

Отправленія духовнаго организма нашего, чѣмъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ, по прямымъ указаніямъ наблюденія, подходятъ подъ три главные разряда—*мышленія*, *чувствованія* и *желанія*. Изъ нихъ наибольшая доля дѣятельности принадлежитъ, безспорно, „мышленію“. Дѣйствительно, въ душѣ человѣческой нѣтъ ни на минуту остановки его отправленій, какъ ни на минуту, въ теченіе жизни, не останавливаются тѣлесныя работы—дыханіе, уподобленіе, всасываніе и обращеніе соковъ и т. д. Не только бодрствуя, но и во снѣ человѣкъ безостановочно дѣйствуетъ—духовно и тѣлесно. Оставляя въ сторонѣ, какъ не касающіяся теперь до насъ, отправленія тѣлеснаго организма, замѣтимъ здѣсь, что нѣтъ минуты, когда бы человѣкъ или не думалъ, или не чувствовалъ, или не желалъ бы чего нибудь. Мышленіе, въ бодрственномъ состояніи, бываетъ порою дотого слабо и незамѣтно для насъ самихъ, что каждый изъ насъ готовъ былъ бы иногда сказать про себя: „теперь я ни о чемъ не думаю.“ Подобное однако же „недуманіе“ въ нормальномъ, здоровомъ состояніи невозможно: когда намъ кажется, что мы ни о чемъ не думаемъ, мы гнѣздящейся въ насъ мысли только *не сознаемъ* или вслѣдствіе разсѣянности, или вслѣдствіе усталости, или подъ вліяніемъ какого нибудь страстнаго порыва, или, наконецъ, такъ сказать, по „несинтересности“ думаемаго въ данную минуту. Безпрерывность мышленія переходитъ и за предѣлы бодрствованія: въ усыпленномъ состояніи мышленіе сказывается въ формѣ сновидѣній. Это безпрерывное, въ живомъ человѣкѣ, мышленіе бываетъ троякое: *разумное*, *умственное* и *представляющее*, или *изобразительное*, т. е. мы-

слитъ человѣкъ въ данную минуту или *разумомъ*, [19] или *умомъ* [19], или *воображеніемъ* [19].

Выше, въ этомъ §, было замѣчено, что наибольшая доля дѣятельности, въ сферѣ психическихъ отправленій, принадлежитъ „мышленію“. Доказать это нетрудно: не налегая даже на безостановочность мышленія вообще, такъ сказать, „замѣтнаго“ и „незамѣтнаго“, всякій согласится, что мы дѣйствуемъ мыслію несравненно чаще, чѣмъ чувствомъ или желаніями: чувствовать и только чувствовать (т. е. только испытывать пріятныя и непріятныя ощущенія) цѣлые часы, дни и т д. невыносимо для человѣка, ненормально и, стало быть, невозможно; желать и только желать въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, дней и т. д. было бы равно ненормально. Между тѣмъ мыслить, думать мы можемъ всегда, постоянно, такъ же, какъ и дышать. Далѣе: изъ формъ мышленія, видоизмѣняемаго вліяніемъ разума, ума и воображенія, наиболѣе увлекательна, своеобразна и предпріимчива форма, *изображающая* или воспроизводящая физіономію предметовъ, т. е. самое широкое и самое одушевленное мышленіе производится *воображеніемъ* и *фантазіею*. Если, слѣдовательно, всякое духовное (см. выше *примѣч.* къ § 63) „наслажденіе“ порождается „дѣятельностію“ (§§ 64, 68), и если *поэзія* вообще есть *наслажденіе* (§ 69), то очевидно сущность поэзіи обусловливается духовною силою *дѣятельною попреимуществу*, именно *воображеніемъ*. *Чувства* и *желанія могутъ* быть только *иногда* поэтическими; проникнутое же или произведенное *воображеніемъ* только *иногда*, весьма *рѣдко*, не бываетъ поэтическимъ.

§ 72. Ошибочно, разумѣется, было бы допускать полное разобщеніе поэзіи съ другими, кромѣ воображенія, силами духа: всѣ эти силы связаны между собою, потому что онѣ—части духовнаго организма, и поэзія, соприкасаясь съ одною изъ нихъ, не можетъ не придти въ нѣкоторое соприкосновеніе съ остальными. Такъ, связь ея, зависящая преимущественно отъ мышленія изобрѣтающаго (отъ воображенія и фантазіи), съ мышленіемъ разумнымъ и умственнымъ (разумомъ, умомъ) видна уже изъ того одного, что все возмущающее собою разумъ и умъ — безсмысленно, а безсмысленное не можетъ быть поэтическимъ. Связь поэзіи съ волею видна изъ того, что послѣдняя расположена, какъ показываетъ ежедневный опытъ, усиленно стремиться къ предметамъ поэтически-увлекательнымъ, и нерѣдко самая усиленность ея стремленій къ чему-либо возвышаетъ, если прямо не создаетъ въ насъ, поэтическую настроенность Что касается до чувства, то легкій доступъ его многочисленнымъ видоизмѣненіямъ къ поэзіи обозначенъ самою уже этою многочисленностію: такъ, даже при самой малой возможности вообще для чувства быть поэтическимъ, чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе его проявленія, тѣмъ болѣе они имѣли бы шансовъ сойтись съ поэзіею. Словомъ: дѣятельность *поэзіи* есть не исключительная, а только преобладающая дѣятельность *воображенія*. Подобнымъ образомъ въ тѣлесномъ организмѣ есть спеціальныя отправленія нервовъ, системы кровеносной, мышечно-движительной и т. д.; но ниодно изъ органическихъ отправленій не изолировано отъ всѣхъ другихъ работъ химико-органическаго про-

цеса жизненности. Какъ, наконецъ, мышленіе разумичное и умственное вмѣшивается, такъ сказать, въ дѣла поэзіи, попреимуществу управляемыя воображеніемъ, такъ и воображеніе—безотлучный спутникъ поэзіи, можетъ, въ свою очередь, законно входить въ работу разума и ума, не разстроивая ея: напримѣръ, занимающемуся точными науками оно, давая наглядность выводамъ, помогаетъ открывать аналогіи, дѣлать разныя сближенія среди кажущейся разрозненности и разнорѣчій. Но благоразумное участіе здѣсь воображенія есть и оставаться должно второстепеннымъ: это—союзникъ, котораго услугами здѣсь пользуются лишь тогда и настолько, когда и насколько онѣ эпизодально нужны.

§ 73 Разсматривая сущность духовнаго наслажденія (примѣч. къ § 63) въ ея проявленіяхъ, анализъ постоянно раскрываетъ въ каждомъ изъ нихъ ту или другую долю *воображенія*, которымъ они всѣ какъ бы приправлены. Но наибольшее участіе воображенія обнаруживается въ наслажденіи спеціальномъ—въ *поэзіи*, разсматриваемъ ли мы ее, какъ міръ поэтически-привлекательнаго (§ 59, *в*), или какъ поэтически-творческое настроеніе духа (§ 59, *б*), или какъ словесно-изящное искусство (§ 59, *а*). Чѣмъ способнѣе, слѣдовательно, данныя явленія природы, искусства, созерцанія или чувствованія подѣйствовать на воображеніе, тѣмъ болѣе условій поэтичности содержится въ нихъ, а процесъ возможнаго увеличенія этой способности есть вмѣстѣ съ тѣмъ общій процесъ ихъ поэтизированія. Степень поэтизируемости предметовъ прямо опредѣляется мѣрою потребности въ

такихъ именно сосудахъ воображенія, какъ количествомъ поглощаемаго жара опредѣляется, въ физикѣ, различная плавкость тѣлъ. Продолжая это сравненіе, можно сказать, что какъ нѣкоторыя тѣла, напр. ртуть и вода, при обыкновенной температурѣ находятся въ капельно-жидкомъ состояніи, такъ нѣкоторые предметы и настроенія мыслей (напр. состоящія подъ вліяніемъ любви, надежды, мечтательности и т. д.) всегда болѣе или менѣе напоэтизированы, даже при самой обыкновенной обстановкѣ жизни.

§ 74 Воображеніе, способность духа творческая и оживляющая попреимуществу, привходитъ въ отправленія всѣхъ другихъ способностей. Какъ солнце то прямо создаетъ различные жизненные процесы, то косвенно вызываетъ дневныя работы человѣка, такъ и воображеніе подчиняетъ, въ нашей душѣ, все своему вкрадчивому вліянію, прямо или косвенно. Не довольствуясь всегдашнею сговорчивостью чувства, воображеніе нерѣдко и отъ имени разума успѣваетъ производить дѣла, въ которыхъ онъ неповиненъ. Кромѣ вмѣшательствъ воображенія въ чужія, такъ сказать, вѣдомства, этой способности принадлежатъ еще двѣ могущественныя силы: А) Оно служитъ посредникомъ между разрозненнымъ, объединяетъ различія, смягчаетъ переходы, скрадываетъ скачки и промежутки, приводитъ въ гармонію диссонансы всякаго рода; путемъ сцѣпленій и разъединеній, не боящихся никакой натяжки, оно можетъ сообщить характеръ грубой чувственности всякой мысли, всякому ощущенію, и оно же въ состояніи болѣе или менѣе идеализировать всякую животность и въ чувствѣ,

и въ желаніи, и въ поступкѣ. Между бѣднякомъ и сладостями богатства оно можетъ перебросить волшебный мостъ, существующій иногда на мгновеніе, чаще во снѣ, чѣмъ на яву; нужды нѣтъ: все-таки бѣднякъ былъ богачемъ часъ, минуту, секунду, на зло дѣйствительности, и обязанъ этимъ воображенію! Чары воображенія основаны въ подобныхъ случаяхъ на смѣшеніяхъ субъективнаго съ объективнымъ, на прикрытіи всякихъ различій и на отождествленіи противоположностей, между которыми чрезъ то исчезаютъ раздѣляющія ихъ разстоянія. Извѣстно, что мы, подобно гомеровымъ богамъ, сражавшимся и дружившимся съ собственными своими созданіями— людьми, можемъ быть и несчастны и счастливы несравненно болѣе отъ представляемаго нами, чѣмъ отъ дѣйствительно испытываемаго извнѣ. Въ отношеніи къ сознанію и оцѣнкѣ нами личныхъ нашихъ ощущеній, быть тѣмъ или другимъ въ воображеніи — совершенно то же, что быть или не быть тѣмъ же на самомъ дѣлѣ. Уѣздные чиновники гоголевой комедіи, воображающіе, что Хлестаковъ „особа“ (т. е. прибавившіе и убавившіе въ суммѣ его качествъ ровно столько, сколько каждому изъ нихъ подсказало воображеніе, для того чтобы Хлестаковъ сдѣлался, въ ихъ глазахъ, тождественнымъ съ „особами“), испытываютъ всѣ проистекающія отсюда, чисто объективныя послѣдствія, волнуются, страдаютъ, зарятся на блага разнаго рода, напередъ предвкушая ихъ сладость. Словомъ: мнимый ревизоръ сдѣлалъ ихъ ровно настолько счастливыми и несчастными, насколько они могли это вообразить себѣ. Это идетъ еще дальше, изъ психологіи

переходитъ, такъ сказать, въ патологію, и Пульхерія Ивановна (въ „Старосвѣтск помѣщик.“ Гоголя) расплачивается жизнію за выработанное ея воображеніемъ мросозерцаніе, умираетъ отъ случайной встрѣчи съ кошкою, какъ если бы смерть отъ подобныхъ встрѣчъ лежала въ закладкѣ непреложной сущности вещей.... Отсюда слѣдуетъ, что одна изъ существенныхъ особенностей воображенія, этого главнаго элемента поэзіи (§ 71), состоитъ не только въ сближеніи идеальнаго съ дѣйствительнымъ, но и въ отождествленіи ихъ, болѣе или менѣе фантастическомъ и болѣе или менѣе продолжительномъ. Воображеніе, можно сказать — музыкантъ, для котораго не существуютъ разстроенные инструменты Б) Воображеніе есть способность попреимуществу *увлекающая*. Вотъ въ чемъ дѣло Настроенность духа можетъ быть, въ данную минуту, или поэтическая (обусловленная воображеніемъ), или не-поэтическая (иначе прозаизмъ), или антипоэтическая (критически разсуждающая).Поэтическая настроенность относится къ прозаизму, какъ любовь къ равнодушію: это не противоположности. Прямо проти вополагаются поэзіи изслѣдованія и критическія оцѣнки, составляющія спеціальность ума и разума. Дѣятельность духа, опоэтизированная вліяніемъ воображенія, неразлучна съ большимъ или меньшимъ самозабвеніемъ: субъектъ въ ней поглощается объектомъ. Въ расположеніи духа не поэтическомъ субъектъ разобщенъ съ объектомъ: они независимы другъ отъ друга. Наконецъ, настроенность критическая, разсуждающая есть подчиненіе объекта субъекту: она прямо противоположна поэзіи. Слѣдова-

тельно — поэзія неразлучна съ увлеченіемъ. (Несовмѣстимость ея съ изслѣдованіями можетъ быть еще доказана тѣмъ, что поэтичности сочиненія всегда вредятъ и пытливость дидактизма, и назидательность сатиры, и всякія утонченности, когда онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ досужей, преднамѣренной обдуманности со стороны автора).

§ 75. Въ предыдущемъ § мы сказали, что поэзія невозможна безъ увлеченій. Но не надобно думать, что всякое вообще увлеченіе порождаетъ поэзію. Она есть не увлеченіе вообще, а увлеченіе особеннаго рода, которое не только не исключаетъ разсудительности, но и нуждается въ ней, какъ въ одномъ изъ условій своей природы. Эта разсудительность принимаетъ здѣсь форму благоразумной недовѣрчивости къ мертвой, такъ сказать, буквѣ поэтическаго содержанія Объяснимся примѣрами: положимъ, кто нибудь, подъ вліяніемъ чтенія Иліады, вѣритъ въ существованіе олимпійскихъ боговъ, причисляетъ къ историческимъ фактамъ рану, нанесенную Діомедомъ Аѳродитѣ, покровительницѣ Энея *; лапландецъ, въ первый разъ увидѣвшій алую розу, счелъ ее за произведеніе

* Весьма сомнительна даже такъ называемая „младенческая“ гомерова вѣра въ боговъ. Она слишкомъ безцеремонно съ ними обращается, какъ это уже замѣтилъ въ древности Платонъ. Вѣра, и младенческая и всякая другая, неразлучна съ благоговѣніемъ, котораго не припишетъ, конечно, Гомеру никто изъ читавшихъ внимательно Иліаду и Одиссею. Да и вообще едвали возможно созданіе дѣйствительно художественнаго произведенія, значительнаго по объему, изъ искренныхъ вѣрованій поэта. Самая уже архитектоника сложнаго сочиненія требуетъ большой гибкости и уступчивости отъ нихъ.

огня; весть-индскіе дикари приняли за ударъ молніи выстрѣлъ изъ пушки и т. д. Въ этихъ образчикахъ легковѣрія есть увлеченіе воображенія, но въ нихъ нѣтъ поэзіи, и нѣтъ ея именно потому, что она чуждается увлеченій *тупыхъ*. Поэзія, при помощи воображенія, сглаживаетъ различія (§ 74) и тѣмъ смѣшиваетъ дѣйствительное съ вымышленнымъ: но мы на это рѣшаемся добровольно, допускаемъ отсутствіе различія не по незнанію послѣдняго, а потому только, что *въ данную минуту* не занимаемся ни *собственными*, *ни чужими знаніями*.

Поэзія расширяетъ кругъ нашего міросозерцанія пополненіемъ дѣйствительности возможностію, которое не должно быть однако же, какъ мы сейчасъ видѣли, безусловно-легковѣрнымъ увлеченіемъ. Зная истину и добровольно позволяя поэзіи смѣшивать ее съ вымысломъ, мы лишь настолько считаемъ это смѣшеніе позволительнымъ, насколько оно, напоэтизировавъ наше воображеніе, способно держать насъ въ кратковременномъ *обаяніи*. Оставаясь въ этой власти слишкомъ долго, мы прямо переходимъ въ настроеніе противо-поэтическое. Подобнымъ образомъ можно *пробѣжать* по тонкому льду, и обломиться — *тихо* пробираясь по немъ.

§ 76. На основаніи §§ 59–75, можно, наконецъ, предложить слѣдующія опредѣленія:

А) *Поэзія вообще* (§ 61) *есть духовное наслажденіе* (§§ 62, 63), *обусловленное гармоническою* (§ 65) *и увлеченною* (§ 66) *дѣятельностью* (§ 69) *воображенія* (§ 71).

Примѣчаніе. Изъ этого положительнаго опредѣленія поэзіи вполнѣ видны условія, *исключающія* и *отрицающія* ее, именно:

а) отсутствіе дѣятельности, инерція, застой; б) прегражденіе доступа воображенію въ дѣятельность, отчего произойдутъ: α) математически-точное разграниченіе предметовъ, причинъ, слѣдствій и т. д.; β) невозможность увлеченій.

Б) Опредѣленія поэзіи въ трехъ различныхъ смыслахъ ея (§ 59):

а) Поэзія, какъ одно изъ изящныхъ искусствъ (§ 59 *а*), *есть производящая дѣятельность воображенія, обусловленная, съ одной стороны, взаимно-уравновѣсившимися гармоніею и увлеченіемъ, съ другой — спеціальными свойствами слова, какъ матеріала, способнаго наглядно* (§ 23) *выражать ея произведенія.*

б) Поэзія, во второмъ смыслѣ (§ 59 *б*), *есть стремленіе дѣятельности воображенія перейти въ производящую силу, подъ условіями гармоніи и увлеченія, изъ которыхъ послѣднее здѣсь преобладаетъ надъ первой.*

в) Поэзія, въ третьемъ смыслѣ (§ 59 *в*), *есть сумма возможностей для дѣятельности воображенія перейти въ производящую силу, подъ условіями гармоніи и увлеченія, изъ которыхъ первая здѣсь преобладаетъ надъ послѣднимъ.*

О поэзіи вообще: ср. *M. Carriere* Aesthetik, 1859. 2-er Th. S. 441 — 634. Его же Das Wesen und die Formen der poesie, 1854. S. 1—59. *Dallas* Poetics, an essay on poetry. 1852 p. 41—61.—Въ Encyclopaedia britannica (изд 1853—1860) vol. XVIII, p. 91 — 97.

§ 77. Отъ опредѣленія поэзіи, въ разныхъ ея значеніяхъ, перейдемъ къ разграниченію *поэзіи-словеснаго искусства* (§ 59 *а*) съ *прозою*

Съ перваго взгляда различіе между *поэзіею* и *прозою* просто и само собою ясно: поэтическими, повидимому, слѣдуетъ называть такія сочиненія, которыя составлены

стихами (§ 30), а прозаическими тѣ, въ которыхъ изложеніе не подчинено требованіямъ *версификаціи* (§ 31). Такое различіе однако *недостаточно*, потому что оно только наружное, и притомъ оно *невѣрно*, такъ-какъ встрѣчаются литературныя произведенія по формѣ изложенія *прозаическія*, которыя однако же по *духу*, *цѣли* и *содержанію* несомнѣнно относятся къ поэзіи: таковы, напр., романы, повѣсти, сказки и т. д. И, съ другой стороны, приходится нерѣдко встрѣчать стихи, безукоризненные въ отношеніи къ правиламъ версификаціи, но по сухости и дѣловому характеру своего содержанія, совершенно чуждые поэзіи. Извѣстно, напр., что въ старинныхъ учебникахъ правила грамматическія * и т. п. перелагались

---

* Напр

AS *in præsenti perfectum format in* AVI:
Ut no nas navi, vocito vocitas vocitavi.
Deme lavo lavi, jūvo jūvi, nexo*que* UI *dans*,
Et seco *quod* secui, *sic et* mico *quod* micui *dat*,
Sic plico *quod* plicui, *sic et* frico *quod* fricui *dat*.
Sic domo *quod* domui, tono *quod* tonui, sono *verbum*
Quod sonui, crepo *quod* crepui, veto *quod* vetui *dat*,
Atque cubo cubui: *raro hæc formantur in* avi.
Do das *rite* dĕdi. sto stas *formare* stĕti *vult*.

Die Männer, Völker, Flüſſe, Wind'
Und Monat' *masculina* ſind.
Die Weiber, Bäume, Städte, Land
Und Inſeln weiblich ſind benannt.
Commune heißt, was einen Mann
Und eine Frau bezeichnen kann.
Was man nicht declliniren kann,
Das ſieht man als ein *neutrum* an.

иногда въ *стихи*, потому что стихи обыкновенно запечатлѣваются въ памяти крѣпче, чѣмъ проза. Уже ли же и написанное подобными стихами можно относить къ поэзіи? Словомъ: характеризировать поэзію *присутствіемъ* стиховъ, а прозу ихъ *отсутствіемъ* невозможно.

Существенное, внутреннее различіе между поэзіею и прозою можетъ быть обозначено слѣдующими чертами:

А) Словесныя произведенія *не-поэтическія* имѣютъ цѣль *практическую*, т. е. или они *знакомятъ* съ какими нибудь истинами и реальными фактами (т. е. дѣйствуютъ *на умъ*), или побуждаютъ къ дѣйствію въ данномъ направленіи (т. е. дѣйствуютъ на *волю*), между тѣмъ какъ произведенія *поэтическія* предназначены преимущественно къ тому, чтобы или *наглядно, живо* изображать предметы (т. е. дѣйствовать на *воображеніе*), или возбуждать *сочувствіе* къ предметамъ (т. е. дѣйствовать на *чувство*). Напримѣръ: въ „Исторіи пугачевскаго бунта“ Пушкинъ только *знакомитъ*, повозможности вѣрно, съ частями и двигателями этого историческаго происшествія; но въ „Капитанской дочкѣ“ тотъ же авторъ старается преимущественно *заинтересовать* читателя судьбою и даже наружностію описываемыхъ имъ лицъ (т. е. онъ заинтересовываетъ ихъ судьбою, возбуждая къ нимъ въ читателѣ извѣстныя *чувства*, а для живаго описанія ихъ наружности дѣйствуетъ *на воображеніе* читателя): слѣдовательно „Исторія пугачевскаго бунта“ не принадлежитъ, а „Капитанская дочка“ принадлежитъ къ поэзіи. Равнымъ образомъ рѣчь, которою, напр., духовный ораторъ заставляетъ слушателей немедленно подать помощь

пострадавшимъ, положимъ, отъ пожара — *проза*, а *картинное* изображеніе пожара, не наводящее прямо на мысль о вспомоществованіи погорѣлымъ — *поэзія*.

Противъ приведенной нами разграничивающей черты между прозою и поэзіею нетрудно предвидѣть слѣдующее возраженіе: „но и Капитанская дочка“, будучи произведеніемъ поэтическимъ, *знакомитъ* съ пугачеьскимъ бунтомъ, а *знакомить*, какъ сказано было—дѣло не *поэзіи;* прочитавъ поэтическое, живое изображеніе пожара, такъ же какъ и прослушавъ, напр., рѣчь о сострадательности къ погорѣлымъ, можно придти къ практическому желанію помочь имъ, а приводить къ непосредственному желанію—*сдѣлать* что нибудь, есть дѣло, какъ сказано было, *непоэзіи*. На эти справедливыя возраженія вотъ что можно отвѣтить. Какъ въ человѣческомъ духѣ связаны между собою *умъ*, *воля*, *чувство* и *воображеніе*, такъ и въ словесныхъ произведеніяхъ, одномъ изъ отраженій человѣческаго духа, нѣтъ возможности строго раздѣлить эти четыре способности или стороны духа. Подобная невозможность строгихъ разграниченій встрѣчается, впрочемъ, и въ другихъ сферахъ: напр. мы говоримъ, „человѣкъ *добрый* и человѣкъ *злой*“, но извѣстно, что во всякомъ *добромъ* человѣкѣ есть и *злое*, и въ зломъ есть что нибудь *доброе*, т. е. всякій человѣкъ, понеобходимости, есть смѣсь добра и зла. Тоже и въ литературѣ: „Капитанская дочка“ отчасти знакомитъ съ историческимъ фактомъ не знающихъ этого факта изъ самой исторіи, и, наоборотъ, въ чисто географическомъ напр. описаніи Кавказа могутъ быть употреблены намеки, *рисующіе*

Кавказъ, — и вотъ является *поэзія* среди прозы и т. д. Словомъ: едва-ли возможны сочиненія *чисто-прозаическія*, т. е. ничего не говорящія *воображенію*, или *чисто-поэтическія*, т. е. ничему не научающія и не располагающія, прямо или косвенно, къ какимъ-либо дѣйствіямъ. Дѣло тутъ только въ томъ, что поэтическія произведенія *преимущественно* (не исключительно) дѣйствуютъ *на воображеніе* и *чувство*, а прозаическія дѣйствуютъ *преимущественно* (не исключительно) на *умъ* или *волю*.

Б) Въ прозаическихъ сочиненіяхъ предметы представляются такими, каковы они *на самомъ дѣлѣ*, а въ поэтическихъ такими, какими они *могли бы* быть, т. е. къ нимъ прибавляются нѣкоторыя *вымышленныя* чѣрты въ *предѣлахъ*, впрочемъ, *правдоподобія*. Напр. изображеніе волка въ зоологіи есть дѣло прозы, а волкъ, разговаривающій съ ягненкомъ, находитъ себѣ мѣсто только въ поэзіи. Изображеніе въ прозаическихъ сочиненіяхъ, предмета такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, называется, *истиною* (*истина* есть то, что *есть*), а изображеніе предмета въ вымышленномъ видѣ называется *поэтическою вольностію* *. Спрашивается: есть ли разница между

* „*Поэтическая* вольность“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее здѣсь понимаемъ, имѣетъ много общаго съ „вольностями *стилистическими*“ (выше—*примѣчаніе* въ концѣ § 27), или, вѣрнѣе сказать—между „*поэтическою* вольностію“, составляющею цѣлое содержаніе поэтическаго произведенія, и между вольностію „*стилистическою*“, замкнутою въ предѣлахъ одного слова или одной фразы, нѣтъ существенной разницы, также какъ нѣтъ ея между *словомъ* и *сочиненіемъ* (§ 11). — Употребляемый здѣсь нѣкоторыми терминъ „поэтическая *истина*“ (въ противоположность „*истинѣ* фактической“) мы отвергаемъ, чтобы не допускать *двоякой* истины — истинной и *не*-истинной.

вымысломъ вообще и *поэтическою вольностію?* Есть, и вотъ она, эта разница: *вымыселъ* самъ по себѣ безпредѣленъ, а *поэтическая вольность* ограничена предѣлами *правдоподобія*, которыя даютъ себя чувствовать даже прежде * достиженія ихъ напр поэтъ, заставивъ (въ баснѣ) волка разговаривать съ ягненкомъ, разумѣется, нарушаетъ истину, но отъ этого нарушенія не возмущается здравый смыслъ, а вотъ если бы поэтъ разсказалъ намъ въ баснѣ, что ягненокъ, придравшись къ волку, *съѣлъ волка*, то мы подобный разсказъ сочли бы *нелѣпостью*. Отчего же волкъ *разговаривающій* съ ягненкомъ не нелѣпость, а ягненокъ *съѣдающій* волка *нелѣпость*? Оттого, что въ послѣднемъ случаѣ искажены характеры и, такъ сказать, естественные типы этихъ двухъ животныхъ, а первое (т. е. разговоръ между ними), хотя и не существуетъ въ природѣ, но оно могло бы существовать, безъ нарушенія типа кровожадности въ волкѣ, и типа беззащитности въ ягненкѣ Другими словами: сдѣлавъ

---

* На этомъ-то основаніи глубоко вѣрна мысль, что дѣйствительность часто бываетъ неправдоподобнѣе приводимаго въ романахъ Напр , не говоря уже о явленіяхъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго круга, о превращеніи какого-нибудь бѣднаго брянскаго кадета въ могущественнѣйшаго императора, раздающаго короны (а правдивый разсказъ объ этомъ, будь онъ въ романѣ, мы сочли бы неправдоподобнымъ вымысломъ), стоитъ только автору съ фотографическою точностію воспроизвесть изъ внутренней жизни мыслящаго человѣка десятокъ лѣтъ колебаній, переворотовъ въ убѣжденіяхъ, ужасающей непослѣдовательности,— и эта исторія, справедливая именно по мѣрѣ ея безсвязности, непремѣнно покажется девяти читателямъ изъ десяти неумѣньемъ автора совладать съ изобрѣтаемою личностію, т е. вымысломъ, ложью!

волка и ягненка *разговаривающими*, мы—*а*) умъ обоихъ преувеличили, можно сказать, въ одинаковое число разъ, слѣдовательно *отношеніе осталось между ними прежнее*, *б*) преувеличенное представленіе предмета не только не исключаетъ собою истины, но и *всегда* ею сопровождается; преувеличенные, напр., слухи о скупости могутъ состояться лишь на счетъ *дѣйствительно скупаго* человѣка; *в*) заставивъ ягненка съѣсть волка, мы не опоэтизировали бы ихъ, а изъ ягненка сдѣлали бы уже *не-ягненка*, изъ волка *не-волка*.

§ 78. Говоря вообще, произведенія *поэзіи* справедливо называютъ *идеальными*, въ противоположность съ *реальными* произведеніями прозы. Слово: „реальный“, по происхожденію своему отъ res—„вещь, дѣло“, равносильно слову *дѣйствительный*, *подлинный*, *вещественный;* что же касается до слова *идеальный*, то оно имѣетъ нѣсколько *значеній*, и вотъ то значеніе, въ которомъ мы употребили его здѣсь, назвавъ произведенія поэзіи „идеальными“: изображеніе предмета *реальное* (или прозаическое) должно во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовать самому предмету, или: всякому не поэтическому описанію соотвѣтствуетъ гдѣ-нибудь находящійся или находившійся *подлинный*, *единичный* предметъ, *индивидуумъ*, напр. историческія (прозаическія) характеристики Іоанна III, Іоанна IV, Петра Великаго и т. д. должны, повозможности, точь-въ-точь соотвѣтствовать *отдѣльнымъ*, *реальнымъ* личностямъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ этими именами; но типамъ, названнымъ у Гоголя „Чичиковымъ“, „Плюшкинымъ“ и т. д мы напрасно искали бы точь-въ-точь соотвѣтствующихъ дѣй-

ствительныхъ, отдѣльныхъ подлинниковъ: типы эти — *„идеалы“ пройдохи, скряги* и т. д. Говоря здѣсь *„идеалы“*, мы не хотимъ сказать, что изображенные Гоголемъ Чичиковъ и Плюшкинъ *невѣрны* законамъ человѣческой природы, прямо *выдуманы*. Нѣтъ: они вѣрны въ отношеніи къ законамъ человѣческой природы, но они не были, или по крайней мѣрѣ *не обязаны* были явиться (у Гоголя) единичными реальными копіями единичныхъ реальныхъ личностей

§ 79. Сказано было уже въ другомъ мѣстѣ (§ 6), что всякое сочиненіе имѣетъ въ себѣ *главную мысль*, изъ которой тема (§ 6) его развивается въ содержаніе, и *форму*, т. е. словесную оболочку, такъ или иначе сложившуюся, въ которую развилась тема. Здѣсь же, говоря о сочиненіяхъ исключительно *поэтическихъ*, замѣтимъ, что *главная мысль* въ нихъ, разумѣется, такъ же необходима, какъ и во всякомъ сочиненіи прозаическомъ; но въ нихъ, т е. въ поэтическихъ сочиненіяхъ, она не должна походить на *задачу* или на *тезисъ*, которыхъ разрѣшеніемъ или доказательствомъ могли бы прямо доказываться какіе нибудь вопросы жизни или науки. Поэтому справедливо говорятъ, въ видѣ упрека, иногда: „такой-то романъ *не хорошъ* потому, что онъ напоминаетъ собою разсужденіе на заданную тему.“ Разумѣется, изъ содержанія и изъ главной мысли поэтическихъ сочиненій мыслящій читатель всегда извлечетъ какіе нибудь результаты; но къ этимъ результатамъ не долженъ, такъ сказать, прямолинейно вести поэтъ читателя, какъ къ исключительной, единственной цѣли своего сочиненія.

§ 80. Форма поэтическихъ произведеній можетъ быть и *стихотворная*, и *прозаическая;* это прямо слѣдуетъ изъ сказаннаго нами выше (§ 77), что характеризовать поэзію *присутствіемъ* стиховъ, а прозу ихъ *отсутствіемъ* невозможно. Но при томъ естественно возникаетъ вопросъ: отчего же поэзія *большею частію* выражается *стихами?*

Въ отвѣтъ можно сказать:

а) Поэзія, какъ одно изъ *изящныхъ* искусствъ, ищетъ для своихъ проявленій наиболѣе изящной формы, а такъ какъ поэзія есть, кромѣ, того *словесное* искусство (§§ 59, 76), т. е. матеріалъ поэзіи — *слово*, слово же, какъ звукъ, тѣмъ изящнѣе, чѣмъ оно *благозвучнѣе*, — то вышеприведенное выраженіе „поэзія ищетъ для своихъ проявленій, повозможности, *наиболѣе изящной* формы", въ настоящемъ случаѣ равносильно выраженію: „поэзія ищетъ для своихъ проявленій *наиболѣе благозвучной* формы". Высшая же степень благозвучія, при сочетаніи словъ, достигается, какъ мы видѣли (§ 30), подчиненіемъ ихъ извѣстному *такту*, *размѣру*, или: словесная форма наиболѣе благозвучная есть *стихъ*.

б) Конечно, сущность поэзіи заключается не въ стихахъ (§ 77); но не слѣдуетъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, считать *стихи* случайною, т. е. совсѣмъ неважною принадлежностію поэзіи. Не входя въ тонкости, достаточно, безъ теоретическихъ предубѣжденій, всмотрѣться, напр., въ прозаическую повѣсть „Капитанская дочка" и въ стихотворную повѣсть (или романъ — это все равно) „Евгеній Онѣгинъ", и едва ли окажется возможнымъ не ви-

дѣть, во-первыхъ, что эти произведенія оба, положимъ, одинаково художественныя, далеко *неодинаковы* по своему характеру и общему колориту, и, во-вторыхъ, что *неодинаковость* эта *въ значительной степени* зависитъ отъ *различія между прозою и стихами*. Чтобы ни утверждала та или другая теорія поэзіи, основывающаяся только *на сущности* поэтическихъ явленій, читателямъ трудно согласиться, что напр. выраженія „Гоголь поэтъ“ и „авторъ оды *Богъ* поэтъ“ * равносильны. Точно то же можно видѣть, насколько позволяются сравненія, и въ другихъ областяхъ истинъ, напримѣръ: для химика горѣніе угля, искра и пламя свѣчи—одно и то же (одинъ изъ видовъ соединенія кислорода съ горючимъ веществомъ); но въ общежитіи далеко не такъ· гдѣ намъ нужно пламя свѣчи, тамъ мы не прибѣгаемъ къ горячему углю изъ-за ихъ химической одинаковости; подобнымъ образомъ поэзію, находящуюся, такъ сказать, еще на степени раскаленнаго угля непредубѣжденные читатели не ставятъ на одну степень съ поэзіею, если позволительно продолжать наше иносказаніе, вспыхнувшею до *наибольшей* степени своего одушевленія, до *стиховъ* Отсюда окончательный выводъ: считать поэзію, какъ это дѣлалось встарину, синонимомъ стиховъ— крайность (т. е. ошибка), равнымъ образомъ — крайность (т. е. опять ошибка) считать стихи, какъ дѣлаютъ

---

* Разумѣется, говоря это, мы вовсе не разсматриваемъ сравнительнаго достоинства между Гоголемъ и Державинымъ, какъ между писателями вообще: вопросъ о сравненіи ихъ съ этой стороны не входитъ здѣсь въ нашу задачу.

нѣкоторые нынѣ, неважною случайностію въ поэзіи. Можетъ быть, первая ошибка больше второй; но не лучше, въ сущности, знаетъ ариѳметику общитавшійся въ копейкахъ, чѣмъ общитавшійся въ рубляхъ. Новыя точки зрѣнія пройдутъ, какъ прошли старыя, а обусловленное природою вещей навсегда остается, и теоріямъ, разумѣется, не разлучить того, что не онѣ сочетали (у всѣхъ народовъ стихи естественно сопровождали и сопровождаютъ поэзію). Отъ автора самой художественной повѣсти въ прозѣ, настаивающаго на томъ, что онъ поэтъ * въ безусловномъ, безоговорочномъ смыслѣ этого слова, только одинъ шагъ до такъ называемыхъ „поэтовъ въ душѣ“, о которыхъ уже удобнѣе говорить шутя, чѣмъ серьозно.

О различіи между поэзіею и прозою ср. *Kœpert* Lehrbuch der Poetik. 1860. §§ 1—3, 17, 19.— *Knittel* Die Dichtkunst. 1863. S. 3—22.— *Kleinpaul* Poetik. 1864. §§ 1—7. — *Beck* Lehrbuch der Poetik. 1862. S. 1—10.

---

* Здѣсь неумѣстно было бы, въ опроверженіе насъ, сослаться, напр. на Гоголя, что онъ *самъ* назвалъ свои „Мертвыя души“ *поэмою* Вѣдь и Дантъ *самъ* назвалъ свою эпическую поэму *комедіею* слѣдуетъ ли изъ этого, что ее надобно причислять къ *драматической* поэзіи? И, наконецъ, *Мертвыя души* ни хуже, ни лучше отъ того, что онѣ не поэма. Дѣло тутъ не въ опредѣленіи достоинствъ, а чисто въ классификаціи, которою, впрочемъ, нельзя пренебрегать въ словесности, какъ и въ другихъ наукахъ. Напр., что сказалъ бы зоологъ, видя *кита* помѣщеннымъ въ разрядъ *рыбъ* потому, положимъ, что въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ постоянно говорится „*рыби*-кить“?..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Поясненія и пополненія *.

1) *Слова* разсматриваются, собственно, въ грамматикѣ со стороны ихъ связи съ предложеніемъ, какъ строительный его матеріалъ. Кромѣ того, они имѣютъ еще другія двѣ стороны, изъ которыхъ одна (лексическая, или вокабуларная) — предметъ лексиконовъ или словарей, а вторая, генетическая — предметъ физіологіи, именно: *а*) въ лексиконѣ слова разсматриваются, какъ опредѣленныя названія предметовъ, дѣйствій, качествъ, отношеній и т. д., *б*) физіологія же изучаетъ образованіе звуковъ (въ органахъ произношенія), изъ которыхъ возникаютъ слова Надобно замѣтить, что физіологія взялась за это дѣло, законно ей принадлежащее, очень недавно: первое основаніе ему только что положилъ знаменитый гейдельбергскій профессоръ *Гельмгольцъ*. Вѣроятно, основная часть „фонетики“ со временемъ отойдетъ отъ грамматики къ физіологіи. Съ этой новой точки зрѣнія на слова смотритъ и *Вундтъ* (ничего впрочемъ не прибавившій къ открытіямъ Гельмгольца) во 2-мъ томѣ своихъ „Vorlesungen“, на которыя мы ссылаемся ниже, въ *примѣчаніяхъ* 8-мъ и 9-мъ.

2) *Классификаціи* (ср *примѣч.* подъ № 15) литературныхъ произведеній различны, смотря по различію началъ самаго дѣленія. Напр., сочиненія дѣлятся: а) на поэтическія и прозаическія; б) на древне-классическія,

* См. выше, выноску на стр. 1.

средне-вѣковыя и новыя; в) на безъискуственныя, всенародныя, большею частію анонимныя, устныя, и — на искуственныя, болѣе или менѣе „кабинетныя“, принадлежащія авторамъ, такъ сказать, по ремеслу, извѣстнымъ по имени, большею частію письменныя и т. д. Прозаическія дѣлятся на описательныя, повѣствовательныя, собственно-историческія и т д. Поэтическія бываютъ: эпическія, лирическія, драматическія. Вслѣдъ за тѣмъ идутъ подраздѣленія, т. е разложеніе родовъ на виды и т д. Ср выше выноску на стр 167.

3) *Критика* въ буквальномъ смыслѣ значитъ *сужденіе, обсуживаніе*, ἡ κριτική (подр. τέχνη) отъ κρίνω *раздѣляю, различаю, откладываю въ сторону, сужу, обсуживаю.*

Критика, о которой идетъ у насъ рѣчь въ § 1,—въ отличіе отъ другихъ ея видовъ, направленныхъ, напр. къ оцѣнкѣ произведеній музыки, живописи, сочиненій юридическихъ, естествоиспытательныхъ и т. д., называется *литературною.* Каждый изъ видовъ критики, очевидно, нуждается· 1) въ полномъ, спеціальномъ знаніи сущности обсуживаемаго въ данномъ случаѣ, и 2) въ твердыхъ точкахъ опоры при составленіи и высказываніи сужденій, безъ чего послѣднія сводятся на выраженія ни для кого не убѣдительнаго *произвола*, формулирующіяся обыкновенно въ оговорки „по *моему* убѣжденію“, „*мнѣ* кажется“, „по свидѣтельству *такого-то*“ и проч.

1) „*Стилистика*“ происх. отъ „stylus“ — особеннаго

рода иглы, которою древніе писали на толсто-навощенныхъ дощечкахъ: отсюда, по метоніміи „стиль такого-то“ вм. манера писать, т. е. выражаться, свойственная такому-то. Подъ именемъ *стилистики* разумѣютъ собственно *введеніе* въ теорію поэзіи и прозы, имѣющее смѣшанный характеръ, гдѣ впрочемъ преобладающею чертою является стремленіе ознакомиться съ тою стороною сочиненій, которая, будучи общею для каждаго изъ нихъ, называется *слогомъ*, le style, der Styl. Статьи, входящія нынѣ въ стилистику, встарину входили отчасти въ риторику, отчасти въ шитику.

Мы, употребивъ, въ § 2, слово „стилистика“, не опредѣлили его тамъ, потому что намъ казалось самымъ удобнымъ опредѣленію предмета нашей книги предпослать ея содержаніе. Изъ послѣдняго теперь ясно, что *стилистика есть пропедевтика теоріи поэзіи и прозы, имѣющая цѣлью изслѣдовать главныя, общія всѣмъ сочиненіямъ черты, между которыми преобладающая — слогъ.*

5) *Теорія поэзіи и теорія прозы.* Вникнувъ въ то значеніе словесности, которое мы объяснили въ § 1 *а*, нетрудно придти къ мысли о необходимости *теоріи словесности* Далѣе: такъ-какъ словесныя произведенія дѣлятся на *поэтическія* и *прозаическія* (§ 77), то ясно, что *теорія словесности* есть общее названіе — *теоріи поэзіи* и *теоріи прозы.*

6) Основаніемъ этому дѣленію наукъ, характеризуемыхъ эпитетами „высшихъ“ и „низшихъ“, отнюдь не

служатъ ни степень пользы, т. е. непосредственной приложимости къ практическимъ интересамъ жизни, ни та или другая точка зрѣнія на сравнительную важность данной науки и т. д. Если бы приняты были здѣсь въ основаніе польза или важность, то, напримѣръ, ариѳметика цѣлыхъ чиселъ, нужная для каждаго на практикѣ, необходимая, какъ ничѣмъ незамѣнимое первое звено въ цѣпи математическихъ наукъ, имѣла бы всѣ права быть *высшею* наукою въ отношеніи къ тригонометріи, дифференціальнымъ исчисленіямъ и проч.

Дѣло обстоитъ тутъ, очевидно, иначе, именно: *низшими* называются тѣ науки, къ изученію которыхъ можно приступить прямо (напр. ариѳметика, географія, элементарная грамматика и т. д), *высшими* же тѣ, къ которымъ нѣтъ доступа, для учащихся, безъ *вспомогательныхъ* и *предварительныхъ* знаній, такова, напр, политическая исторія, нуждающаяся въ содѣйствіи географіи, палеографіи, нумизматики и т. д. Нельзя, наконецъ, не признавать и извѣстной зрѣлости умственнаго и житейскаго развитія, со стороны учащихся, за признакъ, котораго присутствіемъ опредѣляется, въ данной наукѣ, право ся на названіе *высшей* или *низшей*. Такимъ образомъ, науки напр. юридическія, медицинскія и т д., если сравнивать ихъ, напр., съ математикою гимназическаго курса, окажутся *высшими* и проч.

3) „*Эмпиризмомъ*“, или „эмпирическимъ“ методомъ принято называть путь къ знанію, ведущій указаніями *опыта*, разобщеннаго съ теоріею. Извѣстно, что знаніе, добы-

вымое внѣ опыта, оказывается большею частію несостоятельнымъ; съ другой стороны, руководствоваться только опытомъ, имѣющимъ дѣло лишь съ отдѣльными фактами, причемъ ускользаетъ связь между ними и, слѣдовательно, разумное ихъ пониманіе, значитъ обрекать себя на недочеты въ мышленіи и на грубую довѣрчивость лишь къ тому, что способно заявить себя органамъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Очевидно, эмпиризъ, благоразумный и даже необходимый въ предѣлахъ должнаго уваженія, но отнюдь не исключительнаго поклоненія опыту, внѣ этихъ предѣловъ есть односторонность, крайность, недостойная науки, противная ея успѣхамъ. Эмпиризму противополагаются „догматизмъ“, „теоретизмъ“, „доктринерство“, которыя, расходясь съ выводами опыта, стараются или „игнорировать“ ихъ, или насильственно приспособлять къ своимъ точкамъ зрѣнія. Методъ, чуждый этихъ двухъ крайностей, ведущій къ вѣрному, повозможности, пониманію истины, называется „раціональнымъ“ отъ латинск. „ratio“ — *разумъ*, *причина*, *основаніе*. Слово „эмпиризмъ“ происх. отъ πειρα — *опытъ*, *попытка*.

5) *Эстетика* (получившая свое названіе отъ греческаго αἰσθάνομαι *чувствую* въ первый разъ въ сочиненіяхъ *Александра Баумгартена:* De nonnullis ad poëma pertinentibus, Hallæ, 1735, и Aesthetica, Francof. ad Viader 1750) есть наука о сущности и законахъ красоты вообще и о красотѣ художественной въ особенности. Отсюда видно, что она и входитъ въ кругъ философскихъ наукъ, и примыкаетъ къ изящнымъ искус-

ствамъ, которыхъ „общая теорія“ есть одинъ изъ ея дезидератовъ. Лучшею считается теперь эстетика Фишера: Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen. V. Fr. *Vischer*, 5 Th. 1846—1857. Другія извѣстнѣйшія сочиненія по этому предмету: *Tiersch* Allgemeine Aesthetik. 1846.—Moritz *Carriere* Aesthetik, 2 Th. 1859.—*Bayer* Aesthetik, 2 Th. 1863. — *Jouffroy* Cours d'esthétique. 1843. (изъ послѣдней взятъ одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ тезисовъ въ „эстетическ. отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“, 1855, именно: „прекрасное есть жизнь“; Jouffroy 348 и дал.); на русскомъ языкѣ есть компиляція эстетики Гегеля (съ французск. компиляціи Бенара), составл. Модестовымъ, 1847. — Точка зрѣнія физіологическая на изящное: *V. Wundt* Vorlesungen über die Menschen und Thierseele, 1863, 1864. Vorlesungen: 33 — 36.

9) *Психологія*, получившая свое названіе (въ первый разъ въ сочиненіи Гокленія въ 1590) отъ существительныхъ *ψυχη душа* и *λόγος слово*, есть одна изъ философскихъ наукъ, имѣющая предметомъ изученіе души со стороны ея проявленій и способностей. Каковъ бы ни былъ у кого взглядъ на сущность „души“ и „тѣла“, во всякомъ случаѣ неоспоримо для каждаго, что „душа“ и „тѣло“ выражаютъ себя явленіями рѣзко различными,—стóитъ только, напр., сравнить, съ одной стороны, умъ, память, воображеніе, чувство, желаніе и т. д., съ другой — кости, мускулы, кровь, дыханіе, пищевареніе и т. д. Далѣе: единственный путь къ изслѣдованію свойствъ и законовъ всего проявляемаго душою — наше собственное сознаніе,

между тѣмъ какъ пути и орудія къ изученію органовъ и отправленій тѣлесныхъ — измѣренія, взвѣшиванія, химическій анализъ, микроскопъ, скальпель и т. д.

Отсюда — граница между науками объ органахъ и отправленіяхъ матеріальныхъ, т. е. *анатоміею* и *физіологіею*, и между наукою о способностяхъ и отравленіяхъ духовныхъ, т. е. *психологіею*.

Психологію обыкновенно дѣлятъ: *а*) на *эмпирическую*, или *опытную*, которая приходитъ къ извѣстному пониманію души чрезъ наблюденія надъ ея проявленіями, и *б*) на *раціональную*, которая въ разумѣ и сознаніи человѣка старается почерпнуть наиболѣе вѣроятное знаніе души и ея отправленій.

Эмпирическая психологія, въ свою очередь, распадается, по системамъ духовныхъ отправленій, — на трактаты: о *познаваніи*, *чувствованіи* и т. д.

Хотя названіе психологіи, какъ мы видѣли, не восходитъ далѣе конца XVI в., слѣды занятія ею встрѣчаются однако же гораздо раньше, напр. въ бесѣдахъ Сократа (по свидѣтельству Платона и Ксенофонта), въ разговорахъ Платона (особенно въ 1-мъ *Алкивіадѣ*), въ разсужденіи Аристотеля, „о душѣ“ и т. д. Одна изъ лучшихъ нынѣ психологій — *Beneke* Pragmatische Psychologie, 2 Bde. 1850. Популярное изложеніе этой науки см. 1) въ Manuel de philosophie à l'usage des collèges. 1847. pp 1 — 180. — 2) *Весселя* Опытн. психологія, 1862.—Съ педагогическимъ направленіемъ: E. A. E. *Calinich* Seelenlehre für Lehrer und Erzieher, 1849. Съ точки зрѣнія физіологической: *Wundt* Vorlesungen

über die Menschen und Thierseele; Vorlesungen: 1, 4, 13, 18, 19, 31, 32, 33, 55.

10) *Изящное* (отъ *изъемлю* въ смыслѣ *выбираю*, ср. лат. exquisitus отъ exquiro, selectus отъ seligo), *прекрасное*, *красота* (одного корня съ санскритск. глаг. *кри*— приличествовать, совпадать, служить къ достиженію цѣли; ср. латинск. gratus, греческ. χρώζω; ср. греческ. χαρίεις и наше *хорошій*), предметъ изслѣдованій особенной науки (эстетики), есть сумма принадлежностей, доставляющихъ человѣку спеціальное наслажденіе, въ отличіе отъ другихъ наслажденій называемое *эстетическимъ*, или *художественнымъ*. Объясненіе и опредѣленіе сущности изящнаго повело къ большому разногласію. Такимъ образомъ, одни объясняли изящное присутствіемъ *порядка и согласія въ частяхъ предмета*, другіе — возможно *высокою качественностію* или *совершенствомъ*, *полнымъ соотвѣтствіемъ своему назначенію*, *объединеннымъ разнообразіемъ*, отраженіемъ *невидимаго* въ *видимомъ* и т. д.

Объ источникахъ изящнаго мнѣнія также различны: одни полагаютъ его въ самомъ человѣкѣ, другіе внѣ его, въ мірѣ *идеаловъ* или *первообразовъ* (по Платону), съ которыми совпаденіе составляетъ красоту предмета или дѣйствія. Противъ такого объясненія можно возразить, что въ немъ, выражаясь языкомъ математики, для рѣшенія *одного неизвѣстнаго предполагается* существованіе *другаго* неизвѣстнаго, т. е. рѣшеніе задачи только повидимому разрѣшается, въ сущности же она сдѣлалась *вдвое* труднѣе.

Правдоподобнѣе, кажется, слѣдующая теорія изящнаго, имѣющая въ свою пользу много аналогій въ человѣческомъ типѣ:

Извѣстно, напр., что звукъ, какъ звукъ, въ природѣ не существуетъ тамъ есть только колебанія жидкостей, изъ которыхъ одна, именно воздухъ, наиболѣе приходитъ въ такое колебаніе вслѣдствіе поражающихъ ее сотрясеній въ тѣлахъ. Эти простыя колебанія, различныя лишь по скорости, напряженію и слѣдованію одного за другимъ въ различномъ порядкѣ, *тому только слышны* и *звучны*, кто имѣетъ *органъ слуха*, приспособленный къ ихъ воспріятію. Другими словами: звукъ въ природѣ не существовалъ бы, если бы не было существъ, одаренныхъ слухомъ. Почти то же можно сказать и о цвѣтности предметовъ, которой существованіе никакъ не можетъ быть доказано внѣ обусловливающей ее спеціальной воспріимчивости глаза. Стоитъ только, слѣдовательно, произвесть *отсутствіе слышащихъ* и *видящихъ* существъ, и природа, совершенно оставаясь тѣмъ же, что она есть, сдѣлается *нѣмою* и *безцвѣтною:* все въ ней сведется къ колебаніямъ, вибраціямъ чего-то невѣдомаго для насъ, названнаго нами, въ видѣ алгебрическаго *x*, *веществомъ*.

Въ такія же, если не ошибаюсь, отношенія поставленъ человѣкъ и къ такъ называемому *изящному*. Вовсе нѣтъ никакой надобности, чтобы въ природѣ существовала отдѣльно и самостоятельно *красота*, какъ нѣтъ тамъ надобности въ существованіи звуковъ и цвѣтовъ: для бытія послѣднихъ достаточно, чтобы только были существа слышащія и видящія. Точно также, вѣроятно, для

бытія красоты достаточно, чтобы существовала человѣческая природа, непостижимо-способная ощущать красоту (не существующую въ природѣ) какимъ-то невидимымъ органомъ *, принадлежащимъ лишь человѣческому типу, подобно какъ ухо непостижимо-способно слышать (не существующіе въ природѣ) звуки. Отсюда слѣдствія *общія* и *частныя:* общее слѣдствіе изъ сказаннаго то, что природа, оставаясь однимъ и тѣмъ же сама въ себѣ, представляется настолько различною, насколько различны существа, ее воспринимающія. Слѣдствіе же частное, т. е. прямо касающееся нашего частнаго вопроса о красотѣ, выразится слѣдующимъ образомъ: *люди наслаждаются изящнымъ, равно какъ звуками и цвѣтностію, единственно и исключительно*, такъ сказать, *на свое собственное иждивеніе*, т. е. они здѣсь — и *производители* (разумѣется *пассивные*), и *потребители*, и *цѣнители*. Съ точки зрѣнія этой теоріи, изящно то произведеніе природы и искусства, которое можетъ служить *возбудителемъ* соотвѣтствующей ему спеціальности въ нашей воспріимчивости (какъ вибрація воздуха, взволнованнаго колоколомъ, сама по себѣ не есть звукъ, а звукомъ является ощущеніе воспринимающаго ее слуха), или иначе — это поводъ къ

---

* Употребляю здѣсь слово *органъ* потому, что ни изъ чего не слѣдуетъ невозможность органовъ невидимыхъ. Впрочемъ, это не теорія какая-нибудь „невидимыхъ органовъ“, а выраженіе, болѣе или менѣе иносказательное, какъ большая часть всѣхъ научныхъ и ненаучныхъ терминовъ. Во всякомъ случаѣ дѣло здѣсь не въ выраженіи, а въ фактѣ и мысли.

проявленію названной воспріимчивости. Разумѣется, степень и форма воспринятаго тутъ зависятъ отъ двухъ самостоятельныхъ условій: а) отъ силы возбудителя (напр. картина великаго художника возбудитель — сильнѣе, чѣмъ нарисованное посредственнымъ живописцемъ и т. д.), б) отъ личной энергіи, въ данную минуту, воспріимчивости ощущающаго субъекта.

Одно, наконецъ, изъ важныхъ слѣдствій предлагаемой здѣсь мною теоріи есть то, что въ глазахъ ея теряетъ едва ли не всю свою важность вопросъ о томъ, что́ такое *„изящное само въ себѣ?“* Иначе сказать: вопросъ подобный равносиленъ страннымъ вопросамъ: „что такое, само въ себѣ, сладкое, горькое?“ и т. д.

11) Литературы, по тѣсной ихъ связи и по взаимному вліянію, считаемыя неразлучными при изученіи *общей* литературной жизни Европы, суть: *греческая*, *римская*, *провансальская*, *итальянская*, *испанская*, *французская*, *нѣмецкая и англійская*.

12) *Періоды* дѣленія общечеловѣческихъ (т. е. самыхъ важныхъ) литературъ приняты слѣдующіе: а) *древній*, или античный, классическій, греко-римскій, обусловленный политеизмомъ, б) *средне-вѣковый*, готическій, романтическій, родившійся на христіанской почвѣ, в) *ложно-классическій*, порожденный искуственнымъ возвращеніемъ къ греко-римскому вкусу, г) *романтическій-подражательный* (въ противоположность *готическому-романтическому*), д) новѣйшій, называемый обыкновенно *реали-*

стическимъ. Впрочемъ, послѣднее названіе, какъ и другія, которыми пытались замѣнить его (напр. соціальный, критическій и т. д.) преждевременно, такъ-какъ точное названіе можно дать только эпохѣ, уже отжившей, совершившей полный кругъ своей дѣятельности.

13) Слово „идея“ ἰδέα *наружность, образъ*, какъ бы умственное изображеніе предмета (отъ εἶδος *видъ*, въ связи съ οἶδα, аористомъ неупотребительнаго εἴδω *знаю*), употребляется нынѣ въ различныхъ значеніяхъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ *чистому представленію предметовъ*, т. е. такому ихъ представленію, съ которымъ не сопоставляется сказуемое (этимъ разграничивается *идея* съ *сужденіемъ*).

По ученію Платона (и вѣроятно — Сократа) *идеи* суть первообразы („архетипы“ или „прототипы“), съ которыхъ какъ бы скопирована вся природа, такъ что мірозданіе возникло, по этому ученію, изъ вѣчной матеріи, выдѣланной творцомъ (Δημιουργός отъ δήμιος *общій*, ἐργάζομαι *совершаю*, *выдѣлываю*) во всевозможныя существа, по образцу *идей*, вѣчныхъ, т. е. предшествовавшихъ сотворенію міра. Отсюда: а) въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ человѣка только то нормально, справедливо и прекрасно, что соотвѣтствуетъ этимъ, такъ сказать, всемірнымъ *идеямъ*, которыхъ слабые отблески *врождены* человѣку, какъ его руководители въ здѣшней жизни; б) провѣряя все встрѣчаемое здѣсь этими врожденными масштабами и первообразами, человѣкъ собственно ничему существенно

новому не выучивается, а только *припоминаетъ* старое, принесенное откуда-то имъ въ здѣшнюю жизнь. Система этихъ мыслей развита Платономъ преимущественно въ его разговорѣ „Парменидъ“.

Отъ „идея“ происходитъ слово „идеалъ“ (происходящее отъ прилагательнаго idealis, которое произведено, въ эпоху испорченнаго латинскаго языка, отъ существительнаго idæa). „Идеалъ“ имѣетъ два значенія: *а*) все, лишь мыслимое, представляющееся въ видѣ идеи, въ противоположность чувственно-существующему, реальному; *б*) все, представляемое наилучшимъ и, степенями своего совершенства, удаленное отъ извѣстной дѣйствительности: такимъ образомъ, наилучшее состояніе, желательное для науки, искусства, справедливости, общественной и частной жизни и т. д., называется *идеаломъ науки, искусства, справедливости* и т. д. Есть два противоположные взгляда на происхожденіе *идеала*: по одному изъ нихъ— *идеалъ* вырабатывается нами изъ наблюденія встрѣчающихся предметовъ, путемъ исключенія, съ одной стороны, отъ насъ всего неудовлетворительнаго и, съ другой стороны — совокупленіемъ въ одну отвлеченную сумму всего лучшаго по красотѣ, истинности, полезности, разумности и т. д. По другому взгляду, *идеалъ* предвѣчно существуетъ не только внѣ насъ, но даже внѣ здѣшняго міра, въ области такъ называемыхъ „архетиповъ“ или „прототиповъ“ (см. выше „идея“). Перваго взгляда держатся такъ называемые эмпиристы, втораго идеалисты.

11) *Сужденіе* есть соединеніе понятія о предметѣ съ понятіемъ о признакѣ въ одно мыслимое цѣлое, напримѣръ: понятіе о предметѣ—*человѣкъ*, понятіе о признакѣ—*смертенъ*, отсюда сумма—*человѣкъ* (есть) *смертенъ*, и сумма эта есть *сужденіе*.

Мы сказали здѣсь, что предложеніе есть соединеніе понятія о предметѣ съ понятіемъ о признакѣ въ *мыслимое* цѣлое. Этимъ эпитетомъ „мыслимое“ означается разница отъ соединенія предметовъ съ признаками *матеріальнаго:* напр., окрасить столъ, положимъ, красною краскою, значитъ *матеріально* соединить предметъ съ признакомъ (столъ съ краснотою); но въ примѣрѣ *человѣкъ смертенъ* признакъ соединенъ съ предметомъ только *мысленно.* Разумѣется, на этотъ разъ случилось такъ, что признакъ, соединенный нами съ предметомъ въ *мыслимое* цѣлое, есть въ то же время и признакъ *матеріально* соединенный съ природою человѣка; но могло бы случиться и иначе: напр. я могъ бы соединить въ *мыслимое* цѣлое понятіе о человѣкѣ съ понятіемъ, напр. летанія (человѣкъ летаетъ), и это было бы уже *только* мыслимое, а не дѣйствительно существующее цѣлое. Отсюда слѣдуетъ, что возможность соединять предметы съ признаками въ нашей мысли гораздо шире, чѣмъ возможность соединенія признаковъ съ предметами въ дѣйствительности. Другими словами: сужденіями нашими мы столько же можемъ выражать истину (соединеніе въ мыслимое цѣлое предмета съ признакомъ, дѣйствительно соединяющихся), сколько и ложь (соединеніе въ мыслимое цѣлое предмета съ при-

знакомъ, не соотвѣтствующее никакой реальности, т. е. не существующее въ природѣ).

Понятіе о признакѣ мыслимо соединяется съ понятіемъ о предметѣ однимъ изъ слѣдующихъ способовъ: 1) *положительно* (напр., онъ добръ), 2) *отрицательно* (онъ не добръ), 3) *вопросительно* (добръ ли онъ?), 4) *условно* (онъ былъ бы добръ, если бы старался о томъ).

Изъ приведенныхъ примѣровъ и опредѣленій видно, что во всякомъ сужденіи должны заключаться непремѣнно *два* члена — понятіе о предметѣ (подлежащее) и понятіе о признакѣ (сказуемое).

15) Слова (ср. стр. 168) со стороны своего *смысла*, или внутренняго *содержанія*, служатъ къ выраженію *представленій* и *понятій*.

Понятіемъ называется сознаніе нѣсколькихъ *признаковъ* предмета, объединяющихся въ имя предмета. Такъ, напримѣръ, сознавая желтый, чрезвычайно тягучій металлъ, распускающійся въ селитряной кислотѣ, тяжестью своею въ двадцать разъ превышающій тяжесть очищенной воды, и называя такой металлъ „золотомъ“, я имѣю *понятіе* о „золотѣ“.

Чтобы составить это общее *понятіе* о „золотѣ“ нужно было, очевидно, соединить (или объединить) въ одно мыслимое цѣлое отдѣльные признаки — *желтизну*, *тягучесть*, *вязкость*, *растворимость* и т. д.

Отраженія въ нашемъ умѣ признаковъ предмета, о которомъ мы составляемъ понятіе, называются *представленіями*. Очевидно, что 1) представленія относятся къ

понятію, какъ слагаемыя къ суммѣ, 2) подобно тому, какъ всякое слагаемое можетъ, въ свою очередь, быть разсматриваемо какъ сумма другихъ, болѣе мелкихъ слагаемыхъ, точно такъ же и *представленія*, изъ которыхъ слагаются понятія, въ свою очередь суть *понятія* въ отношеніи къ другимъ, болѣе мелкимъ представленіямъ. Другими словами: между понятіями и представленіями нѣтъ *существенной разницы*, а есть только разница *количественная* *.

Всякое понятіе содержитъ подъ собою представленія или предметы, на которое оно распространяется. Но количество такихъ предметовъ или представленій (слагаемыхъ) не во всѣхъ понятіяхъ одинаково: въ однихъ понятіяхъ оно больше, въ другихъ меньше. Отсюда происходятъ разности понятій, выражаемыя техническими терминами: *видъ*, *родъ*, *порядокъ*, *классъ*, *царство*.

Видъ или *видовое понятіе* есть сумма признаковъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ недѣлимымъ (недѣлимымъ называется всякій особый предметъ), каковы напримѣръ *кедръ ливанскій*, *лягавая собака* и т. п.

Гораздо бо́льшій объемъ у понятій *родовыхъ*. *Родъ* или *родовое понятіе* есть сумма признаковъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ *видамъ*, напр. *кедръ*, *собака*.

---

* *Существенно* различны между собою предметы различные *по качеству*, а не по количеству. Выражаясь языкомъ ариѳметики, существенно различны тѣ предметы, которыхъ нельзя слагать въ одну сумму, напр. *версты* и *пуды*, *книги* и *комнаты*, различные же предметы только по количеству всегда могутъ слагаться, стоитъ только привести ихъ въ числа одинаковаго наименованія; напр различныя по количественности своей *пуды* и *фунты* можно слагать, приведя лишь сперва *пуды* въ *фунты*

Но объемъ въ родовыхъ понятіяхъ болѣе и болѣе увеличивается въ дальнѣйшихъ разностяхъ понятій, а именно:

Порядокъ — сумма признаковъ, приличныхъ *нѣскольким родамъ*, напр. *строевое дерево, млекопитающее животное.*

Классомъ называется сумма признаковъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ порядкамъ, напр. *дерево, животное живущее на сушѣ.*

Царствомъ называется сумма признаковъ, приличныхъ нѣсколькимъ классамъ, напр. *царство растеній, царство животныхъ* и т. д.

Всякое понятіе *видовое* можетъ быть *родовымъ*, если сравнивать его съ понятіемъ меньшаго объема, напр. видовое понятіе *лошадь* (въ отношеніи къ *травоядному млекопитающему*) есть родовое въ отношеніи къ *лошади арабской, англійской* и т. д. Равнымъ образомъ, разумѣется, и родовое понятіе можетъ становиться видовымъ, напр. родовое понятіе *артиллеристъ* (въ отношеніи къ *конному* и *пѣшему артиллеристу*) есть видовое въ отношеніи къ *воину* вообще и т. д.

16) *Умозаключеніемъ*, или *силлогизмомъ* называется соединеніе трехъ такихъ сужденій, изъ которыхъ одно выведено изъ другаго при помощи третьяго, напр. всѣ люди могутъ заблуждаться; мудрецы люди: слѣдовательно и мудрецы могутъ заблуждаться.

Иногда одно изъ трехъ сужденій, входящихъ въ составъ силлогизма, по ясности своей, можетъ быть выпущено, т. е. подразумѣвается, напр. всѣ люди смертны,

слѣдовательно и я смертенъ (подразумѣвается „а я человѣкъ“).

Три сужденія, входящія въ составъ силлогизма, называются его *членами*. Члены эти имѣютъ техническія названія, именно: сужденіе, изъ котораго дѣлается выводъ (всѣ люди могутъ заблуждаться), называемое *большимъ терминомъ*, или *большою посылкою*, самый выводъ называется *заключеніемъ* (слѣдовательно и мудрецы могутъ заблуждаться), а сужденіе, которымъ связывается выводъ, съ большимъ терминомъ, называется *среднимъ терминомъ*, или *малою посылкою*

Силлогизмы, въ которыхъ заключеніе не вытекаетъ изъ посылокъ, называются *ложными*. Ложные силлогизмы суть *паралогизмы* или *софизмы*. Паралогизмъ есть ложное умозаключеніе, которымъ вводятъ въ заблужденіе себя, безсознательно, а *софизмами* стараются вводить въ заблужденіе другихъ. Впрочемъ, такъ-какъ нѣтъ возможности всегда рѣшить, съ умысломъ или безъ умысла проводится, въ данномъ случаѣ, ложная мысль, то строго научнаго различія между софизмомъ и паралогизмомъ указать нельзя.

Вотъ нѣсколько, для примѣра, софизмовъ:

а) Два и три суть четъ и нечетъ; но пять есть два и три: слѣдовательно пять есть и четъ, и нечетъ (здѣсь средній терминъ, могущій соединяться и раздѣляться, въ большую посылку входитъ раздѣленнымъ, а въ заключеніе — соединеннымъ).

б) N имѣетъ то, чего онъ еще не потерялъ; милліона рублей онъ не терялъ; слѣдовательно у него есть

милліонъ р. (здѣсь софизмъ зависитъ отъ различія значеній въ глаголѣ *терять*).

в) Въ такомъ-то году видна была на небѣ комета, въ томъ-же году въ Европѣ была холера: слѣдовательно холера происходитъ отъ кометъ. Этотъ софизмъ называется: *post* hoc, ergo propter hoc (*послѣ* этого, слѣдовательно *отъ* этого).

13) *Изящныя искусства*, противополагаемыя *ремесламъ*, какъ безкорыстное прикладному и практическому (напр. *картина* хороша по мѣрѣ ея изящества, а не по возможной отъ нея практической пользѣ, и если живописецъ, написавшій ее, продалъ ее за значительную сумму, то достоинства ея чрезъ то не возвысятся, между тѣмъ какъ, напр. *диванъ*, существующій только для того, чтобы быть изящнымъ, а не для того, чтобы на немъ можно было садиться — нелѣпость), относятся, по изложенной нами теоріи изящнаго (подъ № 10), къ человѣку, какъ искуственные возбудители врожденной ему воспріимчивости къ суммѣ условій, называющихся *изящнымъ* (равнымъ образомъ мы называемъ *сладкимъ*, *горькимъ*, *кислымъ* и т. д., *благозвучнымъ* и *неблагозвучнымъ* и т. д. сумму непостигаемыхъ условій, подъ непостижимымъ вліяніемъ которыхъ въ органахъ вкуса и слуха происходятъ извѣстныя спеціальныя ощущенія, называемыя *сладостью*, *горечью*, *благозвучіемъ* и т. д.

Изящныя искусства, по всему вѣроятію въ сущности, т. е. съ точки зрѣнія ихъ сродства съ изящнымъ вообще, однородныя между собою, различаются обыкно-

венно на основаніи различія употребляемаго каждымъ изъ нихъ матеріала. Такимъ образомъ есть три главныя области искусства: а) искусство, выражающееся въ чувственныхъ образахъ, тѣлесно (скульптура, архитектура, живопись), б) искусство, выражающееся звуками (музыка), в) искусство, выражающееся словомъ (поэзія). Перваго разряда искусства называются у нѣмцевъ bildende K. (у насъ неудачно переведено — *образовательныя* искусства), втораго — *тоническими*, третьяго — *словесными*.

18) „*Философія*“, въ буквальномъ переводѣ — *любомудріе* (*σοφία* — *мудрость*, *φιλέω* — *люблю*), имѣетъ *три*, наиболѣе употребительныя значенія: *а*) наука, повозможности, *общая*, направленная ко всѣмъ предметамъ и областямъ систематическаго и раціональнаго знанія, т. е. не ограничивающая своихъ изслѣдованій тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ предметомъ, тою или другою отдѣльною областью истинъ. Трудность обозначенія предѣловъ для подобной науки, слѣдовательно и указаніе опредѣленнаго ей содержанія, понятны сами собою при одной уже мысли о ней, хотя возможность ея признана первоклассными умами всѣхъ вѣковъ, у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Что касается до потребности и до законности философіи, какъ *общей* науки, какъ *науки наукъ*, то потребность эту и законность можно сравнить съ задачею верховной власти, которой идеалъ, въ благоустроенныхъ государствахъ, есть бдительная многосторонность при безразличіи, т. е. верховная власть, объединяя источники и результаты просвѣщенія, благочинія, правосудія, на-

роднаго богатства, вооруженной силы и т. д., не должна быть сама ни, такъ сказать, министерствомъ просвѣщенія, ни министерствомъ полиціи, финансовъ, войны и т. д., равнымъ образомъ, философія, наука наукъ, объединяя, централизируя и отражая въ себѣ наличныя и возможныя средства наукъ нравственно-юридическихъ, политическихъ, физическихъ, математическихъ, историческихъ и т. д, не должна быть, сама по себѣ, ни юриспруденція, ни физика, ни математика, ни исторія и т. д. Въ былое время, философія, какъ главная изъ наукъ, прежде всего старалась предложить міровую теорію причинъ и происхожденія вещей. Такого рода задачи, съ успѣхами отдѣльныхъ наукъ и съ усиленіемъ авторитета спеціалистовъ на безчисленныхъ, весьма разнородныхъ путяхъ знанія, становятся годъ отъ году труднѣе, неудобоисполнимѣе. И, несмотря на все это, при неточности и различіи пониманія предѣловъ философіи настоящей и будущей, нельзя не вѣровать въ вѣчный параллелизмъ философіи съ просвѣщеннымъ человѣчествомъ. Шиллеръ справедливо говоритъ о философіи:

Welche wohl bleibt von allen den Philosophieen? Ich weiss nicht;
Aber die Philosophie, hoff ich, soll ewig bestehn.

б) Подъ именемъ философіи разумѣютъ не систему знаній, составляющихъ науку, а вообще стремленіе давать себѣ отчетъ въ причинахъ и основаніяхъ явленій, законно проникающее въ каждую изъ наукъ. Каждая наука, такимъ образомъ, имѣетъ свою философію, или, лучше сказать, въ каждой наукѣ, кромѣ фактовъ,

непосредственно заявленныхъ дѣйствительностію, есть, должна или можетъ быть сторона философствующая, разсуждающая о причинахъ и связи приводимыхъ фактовъ. Не говоря уже о наукахъ высшихъ, даже въ наукахъ элементарныхъ, до той или другой степени, возможна и умѣстна „стихія философская“. Напримѣръ, въ элементарной грамматикѣ говорится о согласованіи прилагательнаго съ существительнымъ, — это элементъ чисто фактическій; но въ ней же элементомъ философскимъ будетъ слѣдующій, положимъ, отвѣтъ на вопросъ о *причинѣ* этого согласованія — „прилагательное выражаетъ *признакъ* существительнаго, а существительнымъ выражается понятіе о предметѣ; въ природѣ признаки принадлежатъ къ предметамъ, а не наоборотъ: стало быть и часть рѣчи, выражающая признакъ, зависитъ отъ части рѣчи, выражающей предметъ, что и отражается въ зависимости формъ первой отъ формъ послѣдней“.

в) Такъ-какъ практическое приложеніе любомудрія, или философіи, къ жизни состояло или, по крайней мѣрѣ, должно было состоять въ возвышеніи человѣка надъ треволненіями настоящаго, надъ горечью и сладостью мимоидущаго въ данной средѣ, то въ обычай искони вошло приписывать философіи равнодушіе чье-либо къ ежедневнымъ, бо́льшею частью эфемернымъ и случайнымъ интересамъ жизни: отсюда выраженіе (нерѣдко съ насмѣшливымъ теперь смысломъ) „онъ философъ“ равносильно выраженіямъ: „онъ равнодушенъ къ такимъ-то благамъ, къ такому-то общественному приличію, къ такому-то, вѣскому въ обществѣ, воззрѣнію на вещи и т. д.

Само собою разумѣется, мы здѣсь только *намекнули* на многостороннее и важное значеніе „философіи“ въ двухъ первыхъ смыслахъ, и такой намекъ былъ бы слишкомъ неудовлетворителенъ, напр. даже въ общемъ „энциклопедическомъ“ лексиконѣ, не говоря уже о трактатахъ сколько-нибудь спеціальныхъ по части философіи. Но у насъ объясненіе это — эпизодальное: цѣль его — устранить, на всякій случай, значительное недоразумѣніе, возможное для нѣкоторыхъ читателей, встрѣчающихся съ словами „философія“, „философскій“, какъ съ неизбѣжными, въ излагаемой нами наукѣ, техническими терминами.

Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ языкахъ „философія“ имѣетъ и другія значенія, напр. англичане называютъ натуральною философіею (natural philosophy) физику, химію, математическую географію и т. д.

19) Мышленіе, каковы бы впрочемъ ни были первоначальныя причины, производящія его, представляется наблюденію въ трехъ видахъ: а) различающимъ явленія и непосредственно знакомящимъ съ ними; б) устанавливающимъ въ различаемыхъ явленіяхъ отношенія причинъ къ слѣдствіямъ и основаній къ выводамъ; в) пересоздающимъ предварительно дознанное при помощи различенія и указанія взаимныхъ отношеній. Въ первомъ видѣ мышленіе называется *умомъ*, во второмъ — *разумомъ*, въ третьемъ — *воображеніемъ*. Всѣмъ этимъ видамъ мышленія въ одинаковой степени необходимо содѣйствіе $_{\alpha}$) *внѣшней воспріимчивости*, какъ источника матеріаловъ для ихъ

дѣятельности, β) *памяти*, какъ хранительницы этихъ матеріаловъ.

Изъ доставленнаго внѣшнею воспріимчивостію и сохраненнаго памятью умъ вырабатываетъ *представленія*, *понятія* и *сужденія* (см. *примѣч.* [14] и [15]), разумъ—*сужденія умозаключенія* (см. *примѣч.* [16]), *воображеніе* — *сужденія* и *образы*, или картинное изображеніе явленій.

Способностію *судить*, общею для всѣхъ этихъ трехъ видовъ духовной дѣятельности человѣка, они связаны настолько, что каждому изъ нихъ принадлежитъ право называться общимъ для всѣхъ ихъ именененемъ *мышленія;* съ другой стороны, спеціальность каждаго изъ нихъ обусловливается предѣломъ, до котораго онъ восходитъ, именно: спеціальность ума — *сужденіе* попреимуществу, или сужденіе въ тѣсномъ смыслѣ, спеціальность разума — *умозаключеніе*, спеціальность воображенія — *картинное* выраженіе мыслей.

Воображеніе, когда оно болѣе переиначиваетъ, чѣмъ воспроизводитъ мысли картинными формами, называется *фантазіею*.

30) Древнѣйшая изъ аллегорій встрѣчается въ книгѣ *судей*, гл. IX, ст. 7 — 15: „... и рече имъ: послушайте мене мужи Сихемстіи, и да услышитъ васъ Богъ. Идущи идоша древа помазати себѣ царя и рѣша масличинѣ: буди намъ царь. И рече имъ масличина: еда оставивши тучность мою, юже во мнѣ прослави Богъ и человѣцы, пойду владѣти древами? И рекоша древо смоковницѣ: пріиди, царствуй надъ нами. И рече имъ смоковница:

еда, оставивши мою сладость и плодъ мой благій, пойду владѣти древами? И рекоша древа къ лозѣ виноградньй: пріиди, буди намъ царь. И рече имъ лоза виноградная: еда оставивши вино мое, веселящее человѣки, пойду владѣти древами? И рекоша вся древы тернію: пріиди, буди намъ царь. И рече терніе къ древамъ: аще поистинѣ помазуете себѣ царя мене надъ вами, пріидите и внидите подъ сѣнь мою; аще же ли ни, да взыдетъ огнь изъ тернія, и поястъ кедры ливанскіе....“

21) Рѣчь, искуственно составленная, съ намѣреніемъ выразить нѣсколько мыслей, имѣющихъ между собою связь, въ видѣ *одного грамматическаго цѣлаго*, называется *членною*, или *періодическою*. Напримѣръ:

Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлыхъ истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина; такъ остатки ясныхъ осенніхъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры. думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія.

(Карамзинъ)

Періодомъ (по-гречески, какъ извѣстно, періодъ значитъ *кругъ*) называется словесное развитіе какого-либо *сужденія (темы)* посредствомъ присоединяемыхъ къ нему или новыхъ *понятій*, или цѣлыхъ *сужденій*, вводныхъ и пояснительныхъ, образующихъ одно грамматическое цѣлое, напримѣръ:

А. *„Провидѣніе, мудрый и неусыпный вождь на путяхъ жизни, незримый блюститель людей въ ихъ счастіи и бѣдствіяхъ, постоянно руководствуетъ всѣхъ насъ къ достиженію истиннаго блаженства“*. Здѣсь сужденіе *„Провидѣніе руководствуетъ насъ“* развито *въ періодѣ* посредствомъ поясниительныхъ *понятій*, выраженныхъ грамматическими приложеніями, дополненіями и обстоятельствами.

Б. *„Богатство, котораго многіе добиваются, не можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ, потому что оно не приноситъ съ собою ни благоразумія, ни здоровья, ни правъ на уваженіе“*. Здѣсь главное сужденіе, или тема — *„богатство не можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ“*, вводное сужденіе выражено придаточнымъ предложеніемъ — *„котораго многіе добиваются“*, поясниительное сужденіе — *„оно не приноситъ съ собою ни благоразумія, ни здоровья, ни правъ на уваженіе.“*

Первый (подъ лит. А) изъ двухъ, приведенныхъ выше періодовъ (сужденіе, развитое поясниительными *понятіями*, а не цѣлыми сужденіями), называется *простымъ;* второй, подъ лит. Б (сужденіе, развитое другими, поясниительными *сужденіями*) — *сложнымъ*.

Въ сложномъ періодѣ, поясняемое главное сужденіе, вмѣстѣ съ относящимися къ нему непосредственно поясниительными понятіями и вводными мыслями, составляетъ первую половину (называвшуюся у грековъ и римлянъ *задаткомъ*, prodosis; у насъ этотъ терминъ невѣрно переведенъ словомъ *повышеніе*), а прочія сужденія, служащія къ поясненію главнаго сужденія, или темы—

вторую половину (у насъ *понижение* — съ греческаго apodosis, значащаго *отдача, окончательная выдача* или *уплата*). Въ примѣрѣ сложнаго періода, который приведенъ выше, границею между половинами служитъ запятая передъ словомъ „потому что“.

Главное сужденіе, или тема, равно какъ сужденія, его поясняющія, называются *членами* (membra, cola) періода.

По числу членовъ періоды бываютъ:

а) *Одночленные* Примѣръ приведенъ выше, подъ лит. А.

б) *Двучленные*. Примѣръ приведенъ выше, подъ литерою Б.

в) *Трехчленные*, напр. *Когда непомѣрно возрастающее число неразрѣшимыхъ вопросовъ все болѣе и болѣе подрывало во мнѣ уваженіе къ разуму; когда мои надежды на самого себя оказывались самообольщеніемъ, и слабость, на всякомъ шагу встрѣчаемая, являлась болѣе опаснымъ соперникомъ добра, чѣмъ положительное зло: тогда я, какъ утопающій хватается за соломенку, безразсудно искалъ самозабвенія во что бы то ни стало, изъ какихъ бы слагаемыхъ ни образовалось оно, какія бы ни принимало формы въ минуты моей, какъ я воображалъ, великой потребности въ немъ*. Здѣсь точкой съ запятою отдѣленъ первый членъ отъ втораго, а двоеточіемъ второй членъ отъ третьяго, и вмѣстѣ съ тѣмъ—первая половина періода отъ второй.

г) *Четырехчленный*. Примѣръ приведенъ выше изъ Карамзина („*Здоровье, столь мало*“ и т д.). Въ этомъ примѣрѣ первый отъ втораго и второй отъ третьяго

члены отдѣлены точкой съ запятою, а третій отъ четвертаго — двоеточіемъ. Первая половина оканчивается вмѣстѣ со вторымъ членомъ.

Болѣе четырехъ членовъ въ періодѣ не дозволялось встарину. Нынѣ въ періодахъ, изрѣдка употребляемыхъ, число членовъ не ограничивается; напр. слѣдующій отрывокъ (изъ Щедрина) соотвѣтствуетъ пятичленному періоду:

„Ты представляешь себѣ жизнь слишкомъ въ розовомъ цвѣтѣ, ты ждешь отъ нея непремѣнно чего-то хорошаго, а между тѣмъ въ жизни требуется трудъ, и она даетъ, не то, чего отъ нея требуетъ капризное дитя, а только то, что берутъ отъ нея съ боя люди мужественные и упорные“.

Встарину періоды были въ большемъ употребленіи, чѣмъ нынѣ. Они встрѣчаются чаще у Ломоносова *, чѣмъ у Карамзина, у Карамзина чаще, чѣмъ у Жуковскаго, у Жуковскаго чаще, чѣмъ у Пушкина и т. д.

Не отвергая нѣкотораго изящества, свойственнаго

---

* Вотъ, для примѣра, Ломоносовскій періодъ:

„Хотя Россійское войско было по большей части двулѣтное, противъ стараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго, хотя несогласіе учинилось между нашими полководцами, и злохитрый переметчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельства нашего стана; и хотя Карлъ вторый-на-десять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ Россіянамъ построиться: однако они и по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой и докончить побѣду, такъ что оставшаяся въ цѣлости Россійская Лейбъ-гвардія немало протчаго войска за тѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ онъ, призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ“.

періодамъ, нельзя не назвать однакоже ихъ „искуственными“ зато уже одно, что ими выражаются обыкновенно преднамѣренно старающіеся закруглять свои фразы въ члены симметрической рѣчи. Въ наше время писатели болѣе любятъ легкій, естественный строй рѣчи, который приблизительно можно характеризовать названіемъ *разговорно-повѣствовательнаго*. Даже въ ученыхъ сочиненіяхъ нынѣ стараются выражаться какъ можно ближе къ разговорному языку.

По смыслу своему періодъ бываетъ:

А) *Сравнительный*, напр. Изъ непредубѣжденнаго сличенія способностей человѣка съ соотвѣтствующими имъ способностями у животныхъ выводятся и сходство человѣка съ животными, и его существенное отъ нихъ различіе: такъ центръ круга есть точка и соединенія, и расхожденія радіусовъ. Б) *Противоположный*, наприм. Счастіе дѣлаетъ насъ самодовольными, легкомысленными и неосторожными, открывая случайностямъ жизни въ наше благосостояніе, такъ сказать, всѣ двери настежь; между тѣмъ горе, заставляя насъ сосредоточиваться и вдумываться въ окружающее, чаще можетъ быть названо нашимъ другомъ, чѣмъ врагомъ. В) *Соединительный*, напр. Замѣчая въ себѣ какую-то неудержимую силу, устремляющую насъ, со всѣми желаніями, попытками и надеждами, къ достиженію недостигнутаго; видя, по выраженію Гейне, какъ дѣвы и цвѣты взапуски отцвѣтаютъ, и слыша вокругъ себя, такъ сказать, лишь настраиваніе инструментовъ для какого-то будущаго, нигдѣ еще вполнѣ не начинающагося концерта, — мы не только

находимъ этотъ фактъ поразительнымъ, но и готовы видѣть въ немъ одинъ изъ намековъ на предстоящую намъ загробную будущность. Г) *Изъяснительный*, напр. Образъ міра сего преходитъ, и существо наше нынѣшнее есть ничто; все внѣ насъ и въ насъ бѣжитъ, увлекая насъ къ таинственному другому берегу, который уже виднѣется для каждаго съ исходной точки жизни: пребывая вмѣстѣ и врозь, родители и дѣти, родные и чужіе, любящіе и ненавидящіе другъ друга, мудрецы и безумцы, смиренные и гордые, — всѣ безостановочно расходятся, неудержимо стремясь, каждый своимъ путемъ, къ роковой разлукѣ. Д) *Винословный*, напр. Не истина, которою обладаетъ или думаетъ что обладаетъ человѣкъ, а искреннія усилія, чтобы достигнуть истины, даютъ цѣну человѣку: ибо не отъ обладанія истиною, за которымъ послѣдовалъ бы самодовольный застой, а отъ ненасытимаго стремленія къ ней расширяются силы человѣка, и въ этомъ-то собственно заключается тайна его совершенствованія (изъ Лессинга). Е) *Раздѣлительный*, напр. Кто строгъ къ другимъ и снисходителенъ къ себѣ, тотъ или знаетъ себя менѣе, чѣмъ другихъ, или другихъ менѣе, чѣмъ себя, или, наконецъ, не знаетъ достаточно ни себя, ни другихъ. Ж) *Соотносительный*, напр. Человѣкъ тѣмъ болѣе и тѣмъ чаще ставитъ себя въ возможность ошибаться, чѣмъ охотнѣе онъ ловитъ другаго на ошибкахъ. З) *Уступительный*, напр. Хотя идеалы и слывутъ иногда „мыльными пузырями“, я цѣню ихъ высоко и смотрю на нихъ, какъ на „плавательные пузыри“, которые, при напорѣ житейскихъ волнъ поднимая насъ, спасаютъ отъ пото-

пленія (изъ Кельнера). И) *Постепенный*, напр. Нормально развивающійся умъ сперва разрозненно знакомится съ отдѣльными фактами, потомъ группируетъ ихъ по классамъ, какъ виды родовъ, и, наконецъ, открываетъ въ нихъ историческія фазы вмѣсто звеньевъ логической классификаціи. К) *Условный*, напр. Если бы геометрія могла противорѣчить нашимъ страстямъ, то нашлось бы, вѣроятно, немало такихъ людей, которые стали бы оспаривать твердость ея доказательствъ (Лейбницъ). Л) *Заключительный*, напр. Одна изъ истинъ, никѣмъ, кажется, не опровергнутая, гласитъ, что для начальствованія надъ другими прежде всего необходимо умѣть управлять самимъ собою; что касается до меня, то я никогда не могъ добиться власти надъ собою: и потому, я искренно благодарю мудрое Провидѣніе за то, что, бывъ во всю жизнь рядовымъ труженикомъ, я никогда не имѣлъ никакихъ подчиненныхъ. М) *Смѣшанный* (здѣсь *условный* и *раздѣлительный*), напр. Если народная былина, наравнѣ со всякимъ преданіемъ, дѣйствительно безпристрастна, то для объясненія молчанія ея у насъ на счетъ жестокостей Іоанна Грознаго, нужно прибѣгнуть къ слѣдующимъ предположеніямъ: или народъ нашъ, по извѣстному его уваженію къ верховной власти, не считалъ себя вправѣ замѣчать темныя стороны этого государя, или, по грубости тогдашнихъ нравовъ, жестокости послѣдняго не казались возмутительными для современниковъ, или, наконецъ, простой народъ, собирательный, такъ сказать, авторъ былинъ, сочувствовалъ Іоанну, ко-

торый свирѣпствовалъ, какъ извѣстно, только противъ знатныхъ и богатыхъ.

Взглядъ на *періоды* въ послѣднее время у насъ сдѣлался замѣчательно сбивчивымъ. Причина этому заключалась въ беккеризмѣ, который недавно еще имѣлъ сильное и небезвредное вліяніе на наши грамматики. Школа Беккера * (нынѣ, какъ извѣстно, оставленная въ Германіи, гдѣ профессоръ Штейнталь нанесъ ей послѣдній ударъ), доведшая до односторонности Гумбольдтову мысль объ организмѣ языка и старавшаяся въ грамматикѣ всегда и вездѣ видѣть отраженіе логики, прибавила, въ числѣ многихъ другихъ натяжекъ, къ дѣйствительному соотвѣтствію словъ и предложеній понятіямъ и сужденіямъ *(мнимое) соотвѣтствіе періода умозаключенію* (см. объясненіе этихъ терминовъ подъ №№ 14, 15, 16).

Несостоятельность этого очевидна: 1) силлогизмъ, или умозаключеніе, отнюдь не составляя монополи періодовъ, встрѣчается не только въ *предложеніяхъ* (напр. „въ разсѣянности онъ не замѣтилъ васъ“ = „онъ былъ разсѣянъ“, „разсѣянные не замѣчаютъ того, что передъ ними происходитъ“, „потому онъ и васъ не замѣтилъ“), но даже въ образованіи *отдѣльныхъ словъ* (напр. слово „удавъ“ образовалось путемъ слѣдующаго умозаключенія: „змѣй такой-то породы давитъ свою добычу, а такъ какъ предметы удобно называть именемъ ихъ главнаго свойства, то змѣй упомянутой породы— „удавъ“); 2) перебравъ всѣ виды періода, нельзя не убѣдиться, что только

* Автора книги „Organism der Sprache“, Frankf am M. 1841.

два, три изъ нихъ *(винословный, условный* и *заключительный)* прямо выражаютъ собою умозаключеніе. Какъ же послѣ этого *всѣ* періоды соотвѣтствуютъ умозаключенію?

Чтобы найти выходъ изъ этихъ противорѣчій, бекеризмъ расширяетъ смыслъ періодовъ до уничтоженія въ нихъ границъ. Напр., въ одной изъ лучшихъ нашихъ грамматикъ (*Перевлъсскаго* „Начертаніе синтаксиса“, 1861 года, стр. 507, 508), придерживающейся, однако же, разсматриваемаго нами теперь взгляда на періоды, сказано: „Всякій отдѣлъ рѣчи, который содержитъ въ себѣ вполнѣ законченную мысль, называется *періодомъ*.... Поэтому періоды будутъ и эта пословица, выраженная простымъ короткимъ предложеніемъ: *Бѣдность не порокъ*, и эта распространенная и округленная рѣчь Карамзина: *Науки и искусства необходимы, ибо онѣ суть плодъ природныхъ склонностей и дарованій человѣка, и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствія соединяются съ причиною, т. е. союзомъ неразрывнымъ*“. Но *а*) если отдѣльное, возможно-краткое и простое предложеніе „бѣдность не порокъ“ есть *періодъ*, то почему же періодъ всегда и вездѣ называется иначе *членною*, т. е. сложною, составленною изъ нѣсколькихъ мыслей (членовъ одной общей мысли) рѣчью? и гдѣ составные *члены* въ приведенномъ предложеніи главномъ нераспространенномъ? *б*) Если всякое главное предложеніе, содержащее въ себѣ законченную мысль, есть *періодъ*, то послѣдній становясь *всякимъ* главнымъ предложеніемъ, перестаетъ быть чѣмъ-то отдѣльнымъ, получившимъ именно за свою отдѣльность и отдѣльное прозваніе „періодъ“; *в*) прямымъ слѣд-

ствіемъ предыдущаго будетъ то, что *всѣ* книги, статьи, въ прозѣ и стихахъ, состоятъ изъ періодовъ, такъ-какъ во всякомъ сочиненіи непремѣнно попадаются предложенія, то въ родѣ вышеприведенной пословицы, то въ родѣ „распространенной“ рѣчи изъ Карамзина. Съ такой точки зрѣнія можно будетъ, разумѣется, сказать, что *періодическою* рѣчью написаны: рѣчи Цицерона, панегирикъ Плинія младшаго, записки Ю. Цезаря, похвальныя слова Ломоносова, проповѣди Массильона, трагедіи Расина, комедіи Мольера, басни Крылова, Взбаломученное море Писемскаго и проч., и проч., — словомъ *все*, что написано до сихъ поръ и будетъ написано послѣ. *г*) Если вышеприведенная пословица (предложеніе главное) и распространенная рѣчь Карамзина (сумма нѣсколькихъ предложеній, синтаксически-разнородныхъ) до такой степени одинаковы, что имъ обоимъ можно дать одно общее имя „періодъ“, то это ведетъ къ отождествленію предложенія главнаго съ суммою нѣсколькихъ предложеній и т. д.

Между тѣмъ, затрудненіе, въ которое ставятъ себя здѣсь, зародилось въ добровольной мысли, будто періодъ надобно разсматривать *непремѣнно со стороны логической*, тогда какъ онъ есть *не выраженіе оконченной рѣчи вообще*, а оконченная рѣчь, *имѣющая особенную, ей только свойственную форму*, справедливо и давно прозванную *членною*. Возникла эта форма *періодической*, или *членной* рѣчи въ классической древности, преимущественно у римскихъ прозаиковъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, именно: а) декламированіе ораторской прозы у древнихъ, въ соотвѣт-

ствіе скандированію (§ 34) у нихъ величественныхъ метрическихъ стиховъ, нуждалось въ просторѣ, т. е. въ длинныхъ фразахъ, разрѣзанныхъ какъ бы, цезурами и діэрезами (§§ 35, 36), на члены и въ то же время способныхъ выказывать эти члены падающимъ на нихъ сильнымъ удареніемъ: отсюда, т. е. изъ такихъ условій ораторскаго размѣра (29) родился античный *періодъ*, носящій на себѣ слѣды римскаго характера (извѣстно, что періоды въ греческой прозѣ цвѣтущаго ея времени весьма рѣдки) — важность, не чуждую педантства, просторъ и болѣе или менѣе свойственную всему размашистому, обширному — величавость. Новые европейскіе языки, которымъ чуждъ метризмъ, потерявшіе всякое различіе между удареніемъ и долготою слоговъ, долго однако же несли на себѣ иго подражанія метризму въ стихахъ и періодизму въ прозѣ, пока, наконецъ, мало-по-малу не совершилось освобожденіе ихъ полное отъ перваго (т. е. отъ метризма въ стихахъ) и несовсѣмъ еще полное отъ растянутыхъ искуственно-округленныхъ фразъ, въ которыя, какъ въ длинную тогу, любила кутаться римская мысль, когда ея не окриляло и не облегчало поэтическое вдохновеніе. Замѣтимъ здѣсь еще кстати, что зная о такомъ исхожденіи *періода* отъ римской *прозы* и его судьбахъ, нельзя не удивляться періодамъ въ *стихахъ*, предпочтительно приводимымъ напр. въ грамматикѣ г. *Говорова* (Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Синтаксисъ. 1864. Воронежъ). *Логическая* теорія періода, не желавшая видѣть въ немъ того, что онъ есть, именно

формы извѣстнымъ образомъ сгруппированныхъ предложеній, прировнявъ его ко всему, сдѣлала его ничѣмъ и безполезно запутала одинъ изъ самыхъ простыхъ фактовъ фразеологіи. Обращаться къ логикѣ за объясненіемъ періодовъ потому только, что всякое словосочетаніе обусловлено вліяніемъ мысли, по нашему мнѣнію — почти то же, что въ физіологіи искать объясненія покроямъ одежды, такъ-какъ физіологія имѣетъ тѣсную связь съ анатоміею, а отъ формъ частей нашего тѣла, изучаемыхъ въ анатоміи, не можетъ не зависѣть тотъ или другой покрой платья. Въ этомъ сравненіи мы употребили *почти:* значитъ, разумѣется, есть и разница въ сравниваемыхъ здѣсь, для большей ясности дѣла, пріемахъ.

Ср. о періодахъ: *Herling* Syntax d. deutsch. Sprache, 1827 — 30, II, § 197 и дал.; его же Theoretisch-prakt. Lehrbuch d. Stylistik, 1837, I, § 22 и дал. — *Falkmann*, Stilistik, 1849 стр. 113 и дал. — *Filon* Elem. d. rhétorique, 1857, p. 94 и дал. — *Campbell* Philosophy of rhetoric, 1850, p. 399 — 403.

22) Въ примѣръ *отрывистаго* слога (или „рубленнаго", style coupé, какъ называютъ французы) можно привести слѣдующій отрывокъ: „Но правительство, городъ, дѣлаютъ безпрестанно новые долги. Благословлять надо новые долги, которые дѣлаются для общей пользы. Англія должна болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и между тѣмъ всѣхъ богаче. Кому должна Франція? Себѣ. Деньги перекладываются этими долгами только изъ праваго кармана

въ лѣвый. Что истратится такимъ образомъ, то возвращается сторицею. Богатство увеличивается, возрастаетъ по мѣрѣ движенія денегъ. Одинъ милліонъ замѣняетъ сто, проходя черезъ сто рукъ“....

(Погодинъ)

Отъ этого слога только одинъ шагъ до такъ называемаго слога *надписей* (Stylus lapidarius), — напр. на одномъ изъ монументовъ Франклину написано: cœlo eripuit fulmen (намекъ на изобрѣтеніе имъ громоотводовъ); на памятникѣ Петру Великому, что на Сенатской площади, написано „Петру I Екатерина II“.

Вообще сжатый слогъ называютъ *лаконическимъ*, отъ имени Лаконіи, или Спарты, гдѣ жители, по законамъ Ликурга, должны были отличаться воздержаніемъ во всемъ, слѣдовательно и въ употребленіи словъ. Есть нѣсколько знаменитыхъ изрѣченій, въ родѣ спартанскихъ (по краткости), напр. Цезаря: „Veni, vidi, vici“, Катоново „Delenda Carthago“, начальника езуитскаго ордена Ричи (Ricci) „Sint ut sunt, aut non sint“.

23) *Логика* (отъ λόγος — *разумная рѣчь, разумъ*) есть одна изъ элементарныхъ философскихъ наукъ, направленная къ изученію путей, процесовъ и методовъ познаванія, или въ обширномъ смыслѣ — наука о характерѣ и, примѣтахъ *истины* вообще, гдѣ бы она ни являлась — въ сферѣ ли которой нибудь изъ отдѣльныхъ наукъ, въ простомъ ли обмѣнѣ мыслей между разговаривающими, въ умственной ли работѣ изолированно размышляющаго о чемъ бы то ни было.

Логика граничитъ, съ одной стороны, съ *психологіею*, разсматривающею, между прочимъ, мыслительную способность, безъ которой невозможно было бы, разумѣется, и стремленіе къ истинѣ вообще, съ другой стороны — съ *діалектикою*, имѣвшею большой просторъ въ средніе вѣка, и научавшею, какъ тогда думали, разсуждать, вести „диспуты“ и т. д

Логика, различно излагаемая въ частностяхъ, общимъ своимъ составомъ обнимаетъ три части: *а*) ученіе о пріемахъ, законахъ и процесахъ дѣйствія мыслительной способности, *б*) о примѣтахъ и критеріумахъ истины, *в*) о путяхъ къ истинѣ, или *методахъ* мышленія. Одна изъ лучшихъ логикъ переведена, въ 1865 г, на русскій языкъ, это: „Система логики“ Дж. Стуарта Милля; пер. Резенеръ, съ примѣч. Лаврова. — Популярное, краткое изложеніе этой науки см. въ Manuel de philosophie à l'usage des colléges. pp. 183 — 295. Чтобы ознакомиться въ самыхъ общихъ чертахъ съ психологіею и логикою, см. Grundriss der empirischen Psychologie und Logik v. Jos. *Beck*. 1852. — Логика съ педагогическими возрѣніями: Denklehre f. Lehrer u. Erzieher v. E. A. E. *Kalinich*, 1847.—Съ точки зрѣнія физіологической: *Wundt* Vorl. über die Menschen und Thierseele; Vorlesungen: 24 — 28.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ СТИЛИСТИКИ.

	Стран.
Авторъ	3
Аллегорія	63
Аллитерація	67, 78
Александрійскій стихъ	117
Амфибрахій	87, 108
Анапестъ	87, 108
Антитеза	70
Архаизмъ	45
Барбаризмъ	46
Басня	63
Безсоюзіе	68
Благозвучіе	75
Версификація	83
Виды періодовъ, по смыслу ихъ	196
Видѣніе	71
Вольности: стилистическія	74
Вольности: стихотворныя	107
Вольности: поэтическія	161
Воображеніе	149, 190
Восхожденіе	68
Восклицаніе	71

Стран.

Вставка 72
Высокій слогъ 52
Гармонія 144, 145
Гекзаметръ 118
Гипербола 61
Главная мысль въ сочиненіи 15
Дактиль 87, 108
Діалогическая форма сочиненія 31
Дэреза 90, 116
Дипиррихій 108
Долгіе и краткіе слоги 86, 104
Евріемизмъ 76
Евфонизмъ . . . . . —
Единоначатіе 67
Женская риема 93, 121
Женская цезура 89
Заключительный періодъ. 198
Занимательность въ сочиненіяхъ 22
Сяніе 77
Игра словъ 69
Изящное 6, 175
Изящныя искусства 131, 186
Изложеніе 13
Изобразительность 57
Идеалъ 29, 180
Идея 29. 179
Именованіе 74
Инверсія 73, 107
Иносказаніе 65
Иронія 63
Источники изобрѣтенія 28
Исторія литературы 4
Историко-сравнительный методъ 6
Изъяснительный періодъ 197
Картинность слога 34, 48
Классификаціи въ словесности 2, 7, 167, 168
Количество (въ слогахъ). 86

Стран.

Красота 6, 175
Краткость въ слогѣ. 48
Критика 2, 169
Куплеты 127
Лаконизмъ 79, 204
Литература 2
Логика 138, 204
Метафора 61
Метризмъ 85
Метонимія 61
Моноlогическая форма сочиненій 31
Музыкальность слога 36
Мужеская риѳма 121
Мужеская цезура 89
Намекъ 72
Наращеніе 68
Неологизмъ 45
Неударяемые слоги 82, 107
Низкій слогъ 54
Новость, какъ условіе занимательности 19
Обобщеніе 73
Обращеніе 71
Объективность главной мысли въ сочиненіи 16
Общія мѣста 28
Обыкновенный слогъ 37
Однородные стихи 113
Ораторскій размѣръ. 79
Отвѣтствованіе 69
Отрывистый слогъ 79, 203
Паралогизмъ 185
Параллелизмъ 68
Парадоксъ 70
Періодъ или членная рѣчь 79, 192
Періоды дѣленія литературъ 9, 178
Періоды тоническій и ритмическій 96, 126
Перифраза 74
Переносное значеніе словъ 59

Стран.

Переносъ 123
Пересѣченіе 116
Писатель 3
Провинціализмы 45
Пиррихій 87, 108, 113
Плеоназмъ 67
Повышеніе 193
Пониженіе 194
Поэзія 131
Поправленіе 69
Понятіе 182
Постепенный періодъ 198
Правильность слога. 44
Представленіе 182
Предупрежденіе 69
Притча, или парабола 63
Просторѣчіе 46
Проза 157
Прозопопея 63
Противоположный періодъ 196
Прямое значеніе словъ 59
Психологія 6, 173
Пэонъ 87, 108, 111
Раздѣленіе 73
Раздѣлительный періодъ 197
Разумъ 149, 190
Разнородные стихи 113
Ритмъ 81
Риѳма 119
Сарказмъ 64
Связность 13, 24
Синекдоха 61
Синонимы 42
Силлабизмъ 85
Силлогизмъ 184
Скандировать 88
Словесность 2

Стран.

Слогъ 30, 37
Смѣшанные стихи 116
Смѣшанный періодъ 198
Смѣшанная форма сочиненія 32
Содержаніе въ сочиненіяхъ 14, 23
Соединительный періодъ 196
Соотносительный періодъ 197
Сочиненіе 12
Софизмъ 185
Сравненіе 71
Сравнительный періодъ 196
Средній слогъ 52
Стансъ 126
Стихъ 82
Стопа 87, 108
Строфы 126
Субъективность главной мысли въ сочиненіи. 16
Тавтологія 67
Тема 14
Техническія слова 40
Теорія прозы и поэзіи 8, 170
Топики 28
Тонико-метризмъ. 85
Тонизмъ . . . . . —
Трансвокабулація 70
Трибрахій 87, 108
Тропы 60
Точность слога 40
Увлеченіе 144
Ударенія 82
Ударяемые слоги 82, 107
Умъ 149, 190
Умедленіе. 70
Умолчаніе. 67
Умозаключеніе. 184
Условный періодъ 198
Уступленіе 69

Стран.

Уступительный періодъ 197
Фантазія 149, 191
Фигура 65
Философія 6, 187
Форма сочиненій 30
Хорей 87, 108
Хорямбъ 87, 109
Художественный слогъ 37
Цезура 89, 116
Чистота слога 44
Члены періода. 194
Чувство 137, 150
Эллипсисъ 66
Эмпиризмъ. 5, 171
Эпитетъ 58
Эпистолярная форма сочиненія 31
Эпистолярно-монологическая форма сочиненія. . . . . —
Ямбъ 87, 108
Ясность слога 38

ОПЕЧАТКИ.

Стран	Строк	Напечатано	Слѣдуетъ
18	29	*Тома*	*Тема*
49	15	Лермонтова	Жуковскаго
65	34	редѣлахъ	предѣлахъ
74	29	зрямаго	прямаго
89	10	rec|ubans sub|	recu|bans sub|
143	9	быстрою	быстротою
174	6	отравленіяхъ	отправленіяхъ